Восточный архив

№ 1 (41), 2020

Восточный архив
Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Журнал можно посмотреть на сайте Института востоковедения РАН

Редакционный совет
В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия
В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление
С.И. Потабенко

Вёрстка
Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Подписано в печать 15.03.2020
Объем 13,0 п. л.
Тираж 80 экз.
Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12
Цена в розницу договорная

© Авторы, 2020
© Институт востоковедения РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора ……. **3**

Кадырбаев А.Ш. Миссия Е.В. Путятина в Китае и российско-китайский пограничный вопрос. 1856–1858 …… **4**

Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 4 ……. **13**

Загородникова Т.Н. Деятельность В.О. фон Кремма (1861–1938) и проблема экологии Средней Азии …….. **26**

Васильев А.Д. А.Н. Куропаткин и заготовка его записки «Среднеазиатский вопрос и зависимость его от вопроса Восточного» …… **30**

Кузьмин С.Л. Бавужав против Паппенгейма: уничтожение немецкой диверсионной группы монгольскими повстанцами в 1915 году ……. **38**

Моллеров Н.М. Революционные события и гражданская война в Урянхайском крае в документах (март 1917 – сентябрь 1921 гг.) ……. **53**

Шмидт В. Обзор архивных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан по проблеме национальных меньшинств …….. **64**

Бухерт В.Г. Проект советско-китайской экспедиции в Синцзян. 1955–1957 гг. …… **71**

Беляков В.В. Л.И. Брежнев о ближневосточном конфликте 1967 г. ……. **82**

Прожогина С.В. Истоки и особенности марокканского литературного франкоязычия …….. **92**

Наши авторы ……... **104**

Oriental Archive

No. 1 (41), 2020

CONTENTS

Editor's notes …….. **3**

Kadyrbaev, Alexander. Count Putyatin's Mission to China and Russian-Chainese Frontier Question. 1856–1858 …..... **4**

Norik, Boris. Diary of Colonel Kossagovsky. Part 4. ……. **13**

Zagorodnikova, Tatiana. V.O. von Kremm's Activities (1861–1938) and Central Asian Ecology Problems **…..** **26**

Vasiliev, Alexander. A.N. Kuropatkin and a Draft of his Memorandum "The Central Asian Question and its Dependence on the Eastern Question"…… **30**

Kuzmin, Sergey. Babujab against Pappenheim: Destruction of the German Subversive Group by Mongolian Rebels in the year 1915 …….. **38**

Mollerov, Nikolay. Revolutionary Activities and the Civil War in Uryanhay Described in Documents (March, 1917 – September, 1921) ……. **53**

Schmidt, Waldemar. A Review of Archival Funds of the Central State Archive of the Kazakhstan Republic Concerning National Minorities **…..**…….. **64**

Bukhert, Vladimir. A Project of Soviet-Chinese Expedition to Sinkiang. 1955–1957 ……... **71**

Beliakov, Vladimir. Leonid Brezhnev and the 1967 Middle East Conflict …… **82**

Prozhogina, Svetlana. The Sources and Specific Aspects of Moroccan Francophone Literature ……. **92**

Contributors ……... **104**

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-03

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний номер «Восточного архива» выходит накануне замечательной даты – 75-летия победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Наши авторы не раз писали о различных аспектах этой войны. В нынешнем номере, правда, нет материалов подобного рода. Но они будут публиковаться, раскрывая героический характер великой Победы.

Номер открывает статья А.Ш. Кадырбаева, посвящённая миссии Е.В. Путятина в Китай в 1856–1858 гг. Задачей этой миссии было установление российской границы на Дальнем Востоке. Как увидит читатель, решить эту задачу было непросто, тем не менее она была выполнена.

Б.В. Норик продолжает публикацию дневника полковника В.А. Косаговского, служившего в конце XIX века в Иране. Он описывает свои взаимоотношения с иранскими руководителями.

Т.Н. Загородникова посвящает статью записке драгомана Российского Императорского Политического агентства в Бухаре В.О. фон Клемма о замене саксаульного угля каким-либо иным топливом. Такую задачу он ставил ещё в 1893 году, стараясь свести к минимуму урон, наносимый человеком природе Средней Азии.

О политической журналистике А.Н. Куропаткина рассказывает статья А.Д. Васильева. Он публикует заготовку записки «Среднеазиатский вопрос и зависимость его от вопроса Восточного». Выводы автора записки представляются достаточно реалистичными и заметно отличаются от общественных настроений того времени (1879 год). Вероятно, записка не была опубликована.

Статья С.Л. Кузьмина относится к Первой мировой войне. Автор рассматривает судьбу диверсионной группы немца Паппенгейма, намеревавшейся организовать взрывы на КВЖД, чтобы нарушить снабжение российской армии через тихоокеанские порты. Эта попытка была пресечена повстанцами во главе с Бавужавом, боровшимися за независимость Монголии.

Революционным событиям в Урянхайском крае посвящена статья Н.М. Моллерова. Он публикует документы 1917–1918 гг., рассказывающие об обстановке в его родной Туве (Урянхайском крае).

Вальдемар Шмидт представляет обзор архивных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан по проблеме национальных меньшинств. Автор, живущий ныне в Германии, переехал туда из Казахстана.

Проект советско-китайской экспедиции в Синьцзян так и остался проектом. Об этом свидетельствуют документы, приведенные в статье В.Г. Бухерта. А вскоре отношения между нашими государствами на долгие годы испортились.

Речь Л.И. Брежнева 9 июня 1967 года, в период «шестидневной войны», на совещании руководителей социалистических стран приведена в моём материале. Она показывает, что арабские государства по сути дела спровоцировали эту войну.

И, наконец, С.В. Прожогина рассказывает об истоках и особенностях марокканского литературного франкоязычия. Автор почти 60 лет назад работала в Марокко и всё это время внимательно следит за местной литературой, написанной на французском языке.

Так выглядит нынешний номер журнала «Восточный архив». Остается добавить, что все его статьи отныне промаркированы индексом DOI, где первая часть означает наш Институт востоковедения, вторая часть – это индекс нашего журнала, затем год издания, номер журнала и страницы конкретной публикации.

В.В. Беляков

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-4-12

А.Ш. Кадырбаев

МИССИЯ Е.В. ПУТЯТИНА В КИТАЕ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ ВОПРОС. 1856–1858 гг.

Когда посол России ко двору императора Цин Е.В. Путятин вернулся в Бохайский залив из Шанхая, на рейде уже находились военные корабли Великобритании и Франции, начавшие войну против Китая. Поводом для войны с цинским Китаем для Великобритании стала конфискация цинскими властями в октябре 1856 г. в гуандунском порту по обвинению в незаконной торговле и пиратстве судна «Эрроу», принадлежавшего китайцам, но ходившего под британским флагом. Для Франции предлогом стало убийство в Гуанси французского католического миссионера. К концу 1857 г. объединённые англо-французские силы захватили город Гуанчжоу на юге Китая. В апреле 1858 г. объединённая эскадра союзных держав появилась перед фортами Дагу, прикрывавшими подступы к Тяньцзиню и Пекину, и атаковала их. Дагу был захвачен союзниками, которые затем двинулись на Тяньцзинь, расположенный в 70 км от китайской столицы[1].

В этих условиях цинское правительство обратилось с просьбой о посредничестве к Путятину, полагая, что он сможет в случае необходимости силой заставить западных дипломатов отказаться от своих требований. Именно в этом духе велись беседы Путятина с главой Российской духовной православной миссии в Пекине П.И. Кафаровым, который по просьбе цинских властей должен был отправиться для встречи с Путятиным к устью реки Байхэ. В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что Россия была единственной державой, которая уже с начала XVIII в. имела своё представительство в цинском Китае, в Пекине, в лице Российской духовной православной миссии, выполнявшей, наряду с пропагандой православия, и дипломатические функции. Данное обстоятельство сыграло немаловажную роль в налаживании Путятиным контактов с цинским двором. В донесении от 12 июня/30 мая 1858 г. П.И. Кафаров сообщал в Азиатский департамент МИД России: «Китайское правительство, надеясь, что дело идёт о деятельном посредничестве представителя России в распре между Китаем и европейскими державами, с разрешения государя отправило меня с Храповицким на море за казенный счет (цинского государства. – *Авт.*)… По представлении графу (Путятину. – *Авт.*) я немедленно получил от него надлежащие объяснения и поручения. Граф употреблял все усилия дружескими советами склонить китайцев к принятию условий, предложенных англичанами, с теми ограничениями, какие он находил возможными, и отнюдь не приступать к вооружённому отпору, который обратится в их невыгоду. Но не советов желали китайцы – как и мне поручено было предложить графу; они хотели, чтобы граф своим влиянием на европейцев и даже в случае нужды силою оружия уладил дело с европейцами… разумеется, требование было вовсе неисполнимо и несвоевременно»[2].

Сознавая военно-техническое превосходство западных держав над Цинской империей, Путятин стремился к мирному урегулированию военного конфликта, дальнейшее развитие которого могло лишь усугубить положение Китая. Пытаясь убедить цинских сановников пойти на частичные уступки ради прекращения бессмысленной бойни, российский дипломат в своих переговорах с представителями Великобритании и Франции стремился всячески отклонить наиболее тягостные для Китая требования. Благодаря его усилиям удалось остановить боевые действия англичан и французов против Китая. Путятин не без оснований надеялся, что таким путём можно будет добиться не только ослабления позиций западных

держав в Китае, но и урегулирования вопросов российско-китайских отношений, связанных с территориальным размежеванием между двумя странами.

В официальном письме от 28/16 апреля 1858 г., переданном цинским уполномоченным Чун Луню и Ургунтаю, Путятин, указывая на желательность разграничения земель по Амуру и Уссури, писал: «Польза иметь точно определённые границы между Китаем и Россией была очевидна во всякое время, но теперь, когда от разных причин места, оставшиеся пустыми, начинают заселяться, и в особенности морские берега, которые весьма легко могут быть заняты иностранными народами, имеющими свободный доступ в порты Китая, тем необходимее приступить ныне же к разграничению, дабы никакой другой народ не мог поселиться между Россией и Китаем. Россия, занимая морской берег, предохранит Маньчжурию от всякого вторжения в неё иностранцев с моря, чему Маньчжурия теперь подвержена, не имея морской военной силы… Россия, приступая к устройству заселений на морском берегу, желает, чтобы это сделалось с согласия Китая»[3].

Такое решение территориальной проблемы находило отклик у некоторой части цинских сановников, принимавших участие в переговорах с Путятиным. Когда цинскому уполномоченному маньчжуру Чун Луню был показан маньчжурский текст письма Путятина по данному вопросу, посланного им из Макао в Пекин, где речь шла о разграничении владений России и цинского Китая, один из присутствовавших цинских сановников, Цянь Синхэ, занимавший ответственный административный пост в северной китайской провинции Чжили, по замечанию секретаря Путятина Ф.Р. Остен-Сакена, «нашёл всё это очень натуральным и, казалось, с охотою отдал бы всю Маньчжурию: "Эти места – незаселённые; кому в них нужда; прекрасно будет, если вы (русские. – *Авт.*) их укрепите"»[4]. Так рассуждал среди цинских сановников не только Цянь Синхэ.

Путятин, хорошо осведомлённый о настроениях цинских сановников, приближённых к трону богдыхана, в частых беседах с членами Российской духовной миссии в Пекине, не раз высказывавших мысли о приглашении российских военных для реформирования цинских войск, 28/16 апреля предложил цинскому правительству помощь в виде поставок современного оружия и командирования в Китай российских офицеров-инструкторов, «которые бы научили китайцев всем новым усовершенствованиям в военном деле и тем предохранили бы Китай от беспрерывных новых на него атак иностранных народов»[5]. Не получив ответа на своё предложение, Путятин 6 мая/24 апреля направил губернатору провинции Чжили Таню Тинсяну новое письмо с просьбой к цинскому двору в случае принятия им предложения пропустить курьера Мартынова из Тяньцзиня через Монголию в Кяхту для скорейшего уведомления российских властей о заготовлении ружей и пушек на границе. Цины отклонили тогда предложение Путятина о военной помощи. В указе богдыхана от 7 мая 1858 г. говорилось: «Что касается предложенных ружей и пушек, то заготовлять их для нас не нужно. Китай никогда не собирался воевать с другими державами за морем и может ещё (в случае нападения на него) полагаться на своё собственное оружие… нет необходимости в том, чтобы она (Россия. – *Авт.*) ещё помогала нам оружием»[6]. Отказавшись от оружия и инструкторов, Цины не приняли во внимание и советы Путятина в пользу мирного урегулирования конфликта с Великобританией и Францией. Несмотря на то, что британский и французский представители лорд Эльгин и барон Гро по настоянию Путятина пошли на некоторые уступки китайцам, цинские уполномоченные отвергли их условия, что привело к бомбардировке Дагу и штурму его укреплений, когда англо-французский десант овладел ими 20 мая. Поднявшись по реке Байхэ, англо-французские войска подошли к Тяньцзиню. Перепуганный цинский двор спешно назначил новых уполномоченных для переговоров с западными державами. 31 мая из Пекина в Тяньцзинь отправились цинские сановники маньчжуры Гуй Лян и

Хуа Шан, а 8 июня – известный цинский дипломат, тоже маньчжур Ци Ин, принимавший участие в заключении договоров с Великобританией, Францией и Соединёнными Штатами в 1842–1844 гг., после поражения цинского Китая в первой «опиумной» войне 1839–1842 гг. Перед отъездом из столицы Ци Ин навестил Кафарова, с которым был прежде знаком, и после беседы с ним вызвался доставить от него письмо в Тяньцзинь к Путятину. Как писал об этом Путятину Кафаров, цель визита цинского дипломата состояла в том, «чтобы чрез моё посредство возбудить Ваше доверие к лицу, знакомому с русскими»[7].

После захвата англо-французскими войсками Дагу Цины оказались в ещё более трудной ситуации. Новые цинские уполномоченные, прибывшие в Тяньцзинь, вновь официально обратились к Путятину с просьбой о посредничестве. В ходе бесед с английским и французским представителями российскому дипломату удалось добиться от них заверений о некоторых уступках китайской стороне. Основываясь на этих обещаниях, Путятин во время переговоров с цинскими уполномоченными настоятельно советовал им всячески противиться чрезмерным требованиям союзных держав, особенно тем, которые создавали угрозу суверенитету Китая. Предвидя возможность новых нападений западных держав на Китай и принимая во внимание его военное отставание, российский дипломат стремился убедить цинских сановников в необходимости модернизации цинских войск. Так, 5 июня при встрече с губернатором Танем Путятин, слушая жалобы цинского сановника на вероломство англичан и французов при взятии ими Дагу, заявил, что Китаю необходимо иметь современное оружие. Губернатор Тань, полагая, что речь идёт о недавнем предложении русских о поставке оружия, заявил, что это хорошая идея, но в настоящее время Китаю оружие не требуется. Затем он сослался на мнение богдыхана о том, что Китаю неловко утруждать русских этой проблемой, поскольку подобных примеров в истории Срединной империи никогда не было.

9 июня/28 мая Путятин получил письмо Кафарова от прибывшего в Тяньцзинь Ци Ина. Глава Российской духовной миссии писал Путятину о переговорах, которые вели с ним столичные цинские сановники через своего пристава русского подворья: «Не могу умолчать… о предложении, сделанном мне 20 мая. Пристав спросил меня, уверен ли и ручаюсь я, что по содействию Вашего Сиятельства европейцы допустят те ограничения, какие находимы были прежде Вашим Сиятельством возможными, и если ручаюсь, то должен буду отправиться с ним для свидания с Вами и, по благополучном разрешении распри с европейцами, вместе с особою Вашею прибыть в Пекин для решения нашего пограничного вопроса совершенно по мысли Вашего Сиятельства. Я ответил, что с открытием военных действий я уже не могу дать такого ручательства… Пристав оставил меня весьма печальный и разочарованный. На прощанье я объявил ему, что для уяснения вопроса необходимо видеться с Вашим Сиятельством и узнать Ваше мнение». Характеризуя настроения цинских верхов в связи с обострением конфликта с западными державами, Кафаров в том же письме сообщал Путятину: «Здесь хотели бы на многое согласиться в требованиях европейцев без противодействия, но эти требования в совокупности столь противны убеждениям и правилам китайского правительства и предлагаются столь беспощадно категорически, что Пекинский кабинет не знает, как поступить в таком бедственном случае, как соблюсти наружное достоинство и приличия, делая огромные уступки. Вот почему он так заботится о Вашем посредничестве и готов принести жертвы по Вашему желанию, если при Вашем содействии выйдет из затруднительного положения без отчаяния и без потери династийной силы»[8].

Таким образом, цинские власти фактически выдвинули условие, когда российско-китайские переговоры для заключения договора о границе ставились в прямую зависимость от российского посредничества в их отношениях с западными державами. С этой целью после передачи Путятину письма Ка-

фарова цинский дипломат Ци Ин добивался встречи с главой российской дипломатической миссии. Ф.Р. Остен-Сакен присутствовал на этой встрече и оставил её подробное описание в своем дневнике. Кроме графа Путятина, Ци Ина, Остен-Сакена, присутствовали переводчики с китайского языка А.А. Татаринов и М.Д. Храповицкий. Из беседы цинского сановника с Путятиным можно видеть, что цинский двор испытывал страх перед возобновлением боевых действий со стороны западных держав и все наждежды на их предотвращение возлагал на посредничество российской миссии, которая старалась побудить цинскую сторону проявлять больше твердости в отстаивании национальных интересов своей страны и не поддаваться бесцеремонному шантажу и грубому нажиму западной дипломатии, при этом предлагая военную помощь Китаю. Убедившись в дружеском посредничестве Путятина, цинская сторона, хотя и не без проволочек, пошла на переговоры с российской дипломатической миссией по пограничному вопросу.

В ответ на инициативы российской стороны о переговорах с цинским двором «трибунал внешних сношений в Пекине долго молчал и только теперь уведомил Генерала-Губернатора Восточной Сибири, что в июле месяце нынешнего (1858 г. – *Авт.*) года будут высланы в Стрелочный караул китайские чиновники для проложения черты границы; остаётся только уполномочить Генерала-Губернатора Восточной Сибири вести переговоры не в тесной рамке Нерчинского трактата, а гораздо шире – в смысле удержания за Россией всего левого берега Амура от истоков его до устья. Можно положительно заверить, что переговоры в этом смысле увенчаются полным успехом без нарушений дружественных отношений с Китайским Правительством и без преждевременной огласки. Не следует только отлагать вдаль. Надо пользоваться благоприятными обстоятельствами времени, затруднительным положением и слабостью Маньчжурской династии и стараться предупредить вмешательство в пользу её других европейцев. Затем излишне было бы доказывать, почему в вопросе о расширении торговых отношений России с северными владениями Китая первое место занимает Амур. Сделавшись однажды рубежом между Россией и Маньчжурией, он доставит первой огромное влияние на Пекинский двор, который, из опасения разрыва с нею, согласится, без всякого сомнения, и на все другие справедливые требования её с целью, с её стороны, вовсе не враждебною ни Китайскому Правительству в настоящем его положении, ни Маньчжурии в случае отложения её от Китая»[9].

Здесь интересно предположение российского правительства, видевшего нарастание тайпинского движения против маньчжурской династии Цин и не исключавшего её свержения, когда к власти в Китае могло бы прийти национальное китайское правительство, о вероятности в этих условиях отделения Маньчжурии от Китая. Хотя, как показала дальнейшая история, за время многовекового господства в Китае маньчжурских богдыханов Маньчжурия настолько прочно интегрировалась в состав Срединной империи, что стала её неотъемлемой частью, и после свержения династии Цин в 1911 г. маньчжуры, подвергшиеся в течение предшествующих столетий мощному воздействию китайской цивилизации, даже не предпринимали подобных попыток. Лишь в 30-х гг. XX в. японцы, оккупировавшие Северо-Восточный Китай, создали в Маньчжурии государство Маньчжоуго, оказавшееся нежизнеспособным и просуществовавшее до поражения Японии во Второй мировой войне.

Хотя российское правительство использовало в своих интересах слабость Китая, «но при этом, – как говорил ещё предшественник Горчакова, государственный канцлер граф Нессельроде, – я находил бы нужным подтвердить Генералу Муравьёву: чтобы при переговорах с китайскими уполномоченными он имел постоянно в виду сохранение мирных и дружественных наших к Китаю отношений. Поддержание оных всегда, по мнению моему, было полезно для существенных интересов России; при нынеш-

них же политических обстоятельствах отвращение всяких столкновений с Китаем и сохранение же вообще мира с сею Империей тем более становится для нас необходимым»[10]. Этой позиции Нессельроде придерживался, даже несмотря на свои сомнения в том, что китайцы добровольно уступят России левый берег Амура. И в этом отношении Горчаков и Путятин также были сторонниками урегулирования российско-китайских отношений дипломатическим путём, но не за счёт уступки Приамурья, как это допускал Нессельроде. Таким образом, в целом в амурском вопросе позиция Нессельроде была небезупречна. По мнению старшего адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири М.И. Венюкова: «Мы сами славно кончим то, что так славно нами же начато, вопреки дипломатам вроде графа Нессельроде, бывшего, в 1854 г., при решении амурского вопроса в принципе, министром иностранных дел и во главе значительной партии чиновников противившегося воссоединению Амура, даже требовавшего разжалования капитана 1 ранга Невельского в матросы за самовольное основание им русского поста близ амурского устья»[11].

Политика России заметно отличалась от английской и французской, больше уповавших на своё военное превосходство над Китаем, как и её интересы. «Интересы наши и Западных держав различны, что для нас права и преимущества, которые впоследствии могут вытребовать для себя на Китайских морях, не достаточно важны, чтобы рисковать своими выгодами на сухопутной границе. Главную же обязанность Вашу, – пишет Горчаков Путятину, – будет составлять наблюдение, чтобы при заключении трактата морских держав с Китаем не вышли статьи, противные нашим интересам, как-то: чтобы ни одна из означенных Держав не выговаривала себе права владения или временного занятия тех местностей, на которые мы имеем виды; чтобы в случае, если им предоставлено будет свободное плавание по рекам Китая, не был включен Амур и пр. Положительные сведения, которые Вы имеете о видах Императорского кабинета, укажут Вам вполне, чего мы должны всячески стараться не допустить по включению в означенные трактаты. Обращаясь затем к сношениям Вашим с комиссаром Американских Штатов… отношения наши к Кабинету Вашингтонскому остаются те же, какие были при начале возбуждённого с Китаем вопроса: и что оба Кабинета нисколько не изменили своей миролюбивой политики…»[12]. Как видно из приведённого текста, отношения России с Соединёнными Штатами были более дружественными, чем с Великобританией, что, вероятно, было, в определённой степени, обусловлено претензиями к ним «владычицы морей», над которой в XIX в. «не заходило солнце». Соединённые Штаты, как и Российская империя, добивались тех прав и преимуществ в Китае, которыми обладали Великобритания и Франция, что способствовало укреплению дружественных российско-американских отношений. Если по отношению к другим западным державам, например, к Франции, Путятину был приказ «оставить его в Китайских морях для наблюдения за действиями комиссаров Франции и, если представится возможность, для участия в переговорах их с Китайским Правительством, чтобы в договорах не были затронуты наши пограничные и торговые интересы», то во взаимоотношениях с американцами следовало «постоянно действовать заодно с комиссаром Северо-Американских Штатов, Правительство которых остаётся до сих пор неизменным в отношении общей с нами миролюбивой политики в вопросе Китайском»[13]. Как и русские, американцы в политике по отношению к Китаю, несмотря на внешне жёсткие заявления, похожие на британские, все же больше уповали на дипломатию, чем на военную силу, а также на свою, год от года возраставшую, экономическую мощь, что позже нашло отражение в их доктрине «открытых дверей», которую они пытались претворить в Китае.

Выход Соединённых Штатов на арену мировой политики за пределы Западного полушария к середине 50-х гг. XIX в. был бы далеко не столь стремителен, не окажи им поддержку Россия и Франция, начиная ещё

с первых лет существования независимого американского государства. Всего за несколько десятилетий Соединённые Штаты из небольшой малонаселённой страны, ограниченной с востока Атлантическим океаном, а с запада Аллеганскими горами, превратились в огромную континентальную державу, уверенно заявившую о своих претензиях на лидерство не только в Западном полушарии, но и на Дальнем Востоке – в Японии и Китае.

Миссия Путятина была принята цинским двором далеко не без проволочек, что вызывало раздражение в официальных кругах России. В листе, направленном российскими властями в Китайский Трибунал внешних сношений от 26 декабря 1857 г., китайская сторона упрекается за отказ вовремя принять Путятина и за вынужденный выезд Российской Православной духовной миссии из Пекина. Но, оказавшись под угрозой эскалации военных действий Англии и Франции, Цины не могли позволить восстановить против себя ещё и Россию, тем более, что последняя демонстрировала своё миролюбие к Китаю, сдерживая западные державы и предлагая ему помощь оружием и военными инструкторами. С опозданием Путятин получил первый ответ китайцев на официальные предложения российской стороны, который его не удовлетворил, поскольку «заключение Трибунала (внешних сношений Китая. – *Авт.*), что на Западе (китайские границы простираются. – *Авт.*) до Или, и на Северо-Востоке до моря (т.е. на земли Приамурья и Уссурийского края, на которые претендовала Российская империя. – *Авт.*). Хотя пространство и велико, но все знают, какому Государству (т.е. Китаю. – *Авт.*) "оно принадлежит" (что, по мнению Путятина, не имеет никакого основания. – *Авт.*). В подтверждение вышеозначенного мнения в листе Трибунала приводится только часть этих границ и говорится, что "в правление Канси (императора династии Цин, годы правления 1662-1722 гг. – *Авт.*) поставлены границею река Горбица, текущая не более 30 верст, и Хинганский хребет. В то время, при пушечной пальбе, произнесли клятву пред Богом и вырезали договор на памятнике на будущие времена, для чего же опять изменять? Китайское Правительство забывает, что трактаты обязательны до тех пор, пока обе договаривающиеся стороны их свято соблюдают»[14].

Согласно вышеизложенному, цинские власти на первом этапе переговоров не шли навстречу российской стороне, пытаясь сохранить в незыблемости положения заключённого ещё в конце XVII в., в 1689 г., Нерчинского договора между Россией и цинским Китаем. Он был навязан тогда силой, когда цинские войска взяли осадой русскую крепость Албазин на Амуре, а его защитников увели в плен в Китай, из которого, несмотря на все усилия российского правительства и Русской православной церкви, им и их первым потомкам так и не удалось вернуться на Родину. Впрочем, они были в почёте при цинском дворе, служили в гвардии маньчжурских богдыханов и для обслуживания их религиозных нужд цинское правительство позволило учредить Российскую православную духовную миссию в Пекине, более века выполнявшую также и дипломатические и разведывательные функции, являясь при этом единственным иностранным представительством в Цинской империи.

«Кроме того, – отмечает Путятин в своём рапорте Горчакову, – считаю своим долгом обратить внимание Вашего Сиятельства ещё на одно выражение, содержащееся в помянутом ответе. В Манджурском тексте того Государь Император назван "Ваном" в одном месте, т.е. князем, титул, которым пользуется Ургинский правитель. Подобное название, данное Императору Всероссийскому, наравне с подвластным Китаю князем, не может быть оставлено без замечания, тем более, что уже в первых наших трактатах с китайцами постоянно употреблялось выражение "Чахань-хан", т.е. "Белый царь". В китайских же текстах трактатов других наций с Китаем Государям обоих договаривающихся Держав дан равный титул "Хуанди" (Император. – *Авт.*). Главная причина такого высокомерного тона, я полагаю,

происходит от образа наших сношений чрез так называемую палату или Трибунал внешних сношений, тогда как прочие нации ведут свою переписку через Палату церемоний. Китайское название первой из сих Палат есть Ли-фань-юань, что собственно значит "Палата, управляющая внешними областями", и обязанность её состоит в заведовании делами подвластных Китаю народов: Монголов, Тибетцев, Туркестанцев и др., и потому, при первых переговорах с Китайцами, нам должно настоятельно требовать, чтобы сношения с Россиею, подобно как с прочими Европейскими Государствами, велись через Палату церемоний, по-китайски Ли-бу, и условие это включить в одну из статей нового трактата… Я не могу не заметить, что при всех ложных увёртках… Китайское Правительство опасается явного разрыва с Россией»[15].

В этом документе показано глубокое знание адмиралом не только настроений правящей цинской верхушки, но и государственного устройства Цинской империи и особенностей функционирования её государственных институтов. Также интересен анализ Путятиным китайских политических терминов эпохи Цин применительно к общественной и государственной организации России и западных держав, в первую очередь к их монаршим особам, являвшихся главами и символами этих государств. Ещё знаменитый персидский летописец и историк XIII-XIV вв., автор своего рода всемирной истории «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дин Фазлаллах, знаток китайской историографии, писал: «Китайские государи не давали людям прозвищ без числа и по неосновательности… Они (китайцы) дают людям прозвища таким образом, что каждый в соответствии со своим прозвищем знает свою степень и предел своей власти…»[16]. Знание такого рода важнейших китайских официальных протокольных тонкостей на языке оригинала, затрагивающих достоинство лиц, олицетворяющих Государство Российское, делает честь Путятину не только как дипломату, но и как знатоку Китая.

Обосновывая права России на Приморье, российская сторона исходила из тех соображений, что «относительно приобретения приморской страны, Россия поступила точно так же, как и Китай, который, находя вблизи своих границ народы дикие и не имеющие никакого устроенного правления, всегда подчинял их своей власти и тем делал взаимную пользу как для себя, через распространение границ, так и для диких народов, вводя к ним образованность и устраивая всякого рода порядок. На этом основании русские мореплаватели, идя с Севера на Юг, сперва на морских берегах, а потом распространяясь далее во внутрь, где не находили никаких властей, принадлежащих Государствам образованным, также основывали поселения; каковыми правилами руководствуются Французы, Англичане и другие Европейские народы, при занятии мест, прежде им не принадлежавших, соблюдая при этом строго одно только правило – не брать тех земель, в которых существуют общественные власти, или устроено какого-либо рода правление»[17].

Если в отношении политики России по присоединению Приамурья и Уссурийского края вышесказанное соответствовало действительности, то трудно согласиться с таким же определением политики западных держав, которые не только осваивали континенты, где обитали народы, не имевшие государственности, но и вели открытую колониальную экспансию против стран и народов, обладавших таковой, не останавливаясь перед применением военной силы.

Уже накануне заключения договора с цинским Китаем российское правительство приступило к освоению и заселению Приамурья, о чем свидетельствует его резолюция «Об утверждении за Россией левого берега Амура и об открытии торговых сношений с Китаем. 5 июля 1857 г. – 25 февраля 1858 г.» на 237 листах, где также говорится о развитии дружеских отношений с Китаем, основании на Амуре города Благовещенска, прибытии русских военных эскадр в Тихий океан и производстве генерал-губернатора

Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва в звание полного генерала[18].

Реакция высшего руководства Российской империи на ответ китайцев была оперативной, гибкой и твёрдой. «Подлинник. Комитет, Высочайше утверждённый для обсуждения вопросов, до Амурского края и острова Сахалина относящихся, в заседании 14 декабря 1857 г. слушал: 1) Отношение Графа Путятина к министру иностранных дел Горчакову, при котором был препровожден лист Трибунала внешних сношений от 16 дня 9 луны (16 сентября. – *Авт.*)… Сущность самого отношения заключается в следующем: В настоящем положении дела одни только сильные настояния, посланные из Санкт-Петербурга, могут дать Гр. Путятину возможность возобновить сношения с Пекинским двором. Остается ещё средство, не предпринимая явных неприязненных действий, понудить китайцев обратить внимание на наши требования. Сие средство состоит в объявлении китайцам, что они, нарушая статьи трактата, в пользу нашу поставленные, дали нам повод и право не считать для нас обязательными те из статей, с которыми мы вынуждены были согласиться к явной нашей невыгоде, и что от сего времени нельзя почитать трактат существующим. Несмотря, однако ж, на то, Россия не предпримет неприязненных действий против Китая и, продолжая по-прежнему иметь неважные политические и торговые сношения в Пекине и Кяхте, будет выжидать время, когда само Китайское Правительство признает для себя полезным и выгодным заключить новый трактат с Россией. Главными условиями такого трактата должно постановить, во-первых, точное определение границы на всем протяжении, где обе Империи соприкасаются, и во-вторых, представление России всех прав и преимуществ, давно уже утверждённых трактатами за всеми морскими нациями. Предоставляя Китайскому Правительству решить самому, нужен ли для него новый трактат с Россией, когда прежний мы признали не существующим, можно указать ему, что для отклонения неудобств, соединённых, по их понятиям, с приёмом Посланника, можно назначить съезд Полномочных обеих империй по случаю его пребывания в Восточных морях, в Печелийском (Бохайском) заливе, на устье реки Хайхэ или лучше у устья реки Цзи-юнь-хэ или Бэй-тань, на несколько вёрст севернее первой, с требованием разрешения войти пароходу в реку по причине опасной якорной стоянки на этом рейде. Переговоры могут быть ведены или отдельно, или обще с уполномоченными других Держав. Граф Путятин убеждён, что Китайское Правительство само собою не решится закрыть торговлю на Кяхте, но если бы и приступило к этой мере, то в нынешнем положении, когда мануфактурные товары наши идут за полцены, а вывоз серебра в Китай, по совершенной невозможности наблюдать за точным исполнением постановлений по этому предмету, далеко превышает дозволенную пропорцию, не может последовать для нас никакого вреда, если из этой сухопутной произойдёт морская торговля. На случай возобновления переговоров составлен Графом Путятиным прилагаемый здесь проект трактата. Он содержит наивыгоднейшие для нас условия, которые трудно ожидать, чтобы были приняты китайцами в полном их составе, а потому при переговорах Гр. Путятин полагает постепенно делать уступки… Что же касается до занятия нашей флотилией порта Святого Владимира и залива Святой Ольги... имея уже в виду волю Государя Императора по сему предмету, не считаю себя вправе вводить какие-либо соображения. Относительно более правильной обработки каменноугольных копей, на Сахалине находящихся, уже делаются все надлежащие распоряжения, которые в будущем году и будут приведены в исполнение…»[19]. На подлиннике этого документа «Собственною рукою Его Императорского Величества (Александра II. – *Авт.*) написано: "Исполнить". Санкт-Петербург, 24 декабря 1857 г.»[20].

Путятин в рапорте от 20 марта – 1 сентября 1857 г. великому князю подчёркивал важную роль сахалинского угля как источника энергии для присутствия кораблей Российского Военно-Морского флота на Тихом

океане: «Ввиду предстоящего увеличения флота нашего в Восточном Океане необходимо безотлагательно приступить в будущем году к более правильной разработке копей…»[21].

В русле настроений активного русского освоения Приморья выдержан документ за подписями известных российских государственных деятелей – великого князя К. Романова, А. Горчакова, Н. Муравьёва, военного министра Н. Сухозанета, П. Брока, Е. Ковалевского – директора Азиатского департамента МИДа: «Полезно было ныне же занять порт Святого Владимира и залив Святой Ольги. Первый особенно удобен для устройства Адмиралтейства и представляющий рейд для большого флота, оказавшись никем не занятым, водружением там креста с надписью был принят во владение России. Занятие этих бухт надо совершить немедля, ибо они могут приобрести большую важность при открытии пароходных сообщений между Западным берегом Северной Америки, Китаем, Японией и Кореей». На рапорте против слов, относящихся к заселению бухт, собственною его императорского величества Александра II рукою написано: «Разрешаю»[22].

Это был тот случай в истории России, когда правящие круги и общество были солидарны, что стало важнейшей составляющей успеха дипломатической миссии Путятина.

Примечания

[1] *Непомнин О.Е.* Вторая и третья опиумные войны // История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Том VI. Династия Цин (1644–1911). М.: ИВ РАН, 2014, с. 217–218.

[2] *Хохлов А.Н.* Переговоры Е.В. Путятина с Ци Ином в 1858 г. (неизвестный эпизод из истории русско-китайских отношений в XIX в.) // Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Часть II. М., 1979, с. 38–39.

[3] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 410, оп. 2, д. 1016, с. 13.

[4] Там же, с. 14.

[5] Там же.

[6] Там же, с. 15.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же, с.16.

[10] Там же, с.17.

[11] *Венюков М.И.* Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970, с. 25.

[12] РГА ВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1016, с. 597.

[13] Там же, с. 606.

[14] Там же, с. 607.

[15] Там же.

[16] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. М.-Л., 1952, т. 1, кн. 1, с. 139.

[17] РГА ВМФ. Ф. 410, оп. 2, д. 1016, с. 607.

[18] Там же.

[19] Там же, д. 1579. Канцелярия Морского Министерства. II отдел.

[20] Там же.

[21] Там же, ф. 410, оп. 2, д. 1916, с. 605–609.

[22] Там же.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-13-25

Б.В. Норик

ДНЕВНИК ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО

Часть 4

№ 57

2 апреля 1895 г.
Его Превосходительству *мир-пянджу*
Командиру 1го полка Казачьей Его Величества Шаха бригады Сафар Али-хану

По повелению Его Величества Шаха, Ваше Превосходительство назначаетесь командиром сборной сотни от Казачьей Его Величества Шаха бригады, командируемой в город Астрабад, в личное распоряжение Его Светлости Амир-хана Сардара.

В дисциплинарном отношении над вышеупомянутою сотнею Вашему Превосходительству предоставляются все права командира отдельной части. О случаях чрезвычайных, а равно каждый месяц Ваше Превосходительство имеете доносить мне рапортами.

В настоящее же время предлагаю Вашему Превосходительству явиться Его Светлости Амир-хану Сардару и поступить в Его личное распоряжение (л. 43).

7 апреля. Попал на обед к германскому посланнику графу Вальвицу. Были одни только австрийцы и германцы, благодаря чему очутился в довольно затруднительном положении; но немцы были изысканно вежливы – видимо, они отлично понимают, что господствующая держава в Персии, безусловно, Россия, что и старались выразить мне совершенно откровенно, проведя очень интересную параллель между русским и английским влиянием в Персии.

8 апреля. Суббота. Учение. Наиб-эс-Сальтанэ сам первый заговорил о моём рапорте: «Я получил от Его Величества Шаха и рапорт, поданный Вами Садр-Азаму, и копию с него, присланную Вами мне». При этом Наиб-эс-Сальтанэ имел крайне печальный и обиженный вид. Я мигом сообразил, в чём дело, и ответил: «Ваше Высочество не так меня поняли: ни Вам, ни Садр-Азаму рапорта я не подавал, а подал **русскому посланнику** с приложением двух копий, из коих одну Посланник представил Садр-Азаму, а другую я представил Вашему Высочеству».

Наиб-эс-Сальтанэ видимо успокоился и расплылся в самодовольную улыбку (л. 45).

Наиб-эс-Сальтанэ старался казаться особенно внимательным – должно быть, задумал какую-нибудь крупную гадость или в чём-нибудь нуждается во мне. Посмотрим!

Велиахд (наследник престола) обожрался и принял слоновую дозу слабительного – естественно, что с ним сделались колики и страшная резь. Велиахд немедленно же решил, что его отравил или Наиб-эс-Сальтанэ, или сам Шах. Узнав о внезапной болезни Велиахда, Садр-Азам поскакал к нему и застал его в самом отчаянном положении. Дабы успокоить Велиахда и доказать, что никто его не отравлял, Садр-Азам вынужден был допить остатки слабительного – лекарство на обоих подействовало одновременно. О Хаджи-баба, ты поистине великий человек![1]

9 апреля. В 9 ч. утра был у Посланника. Он неудержимо стремился к тому, чтобы дать персам право проверять наши отчётности. Я пришёл в ужас: при Чарковском[2] как-то вздумали произвести подобную проверку, и что же – назначенный для сего контролёр начал с того, что потребовал от Чарковского 600 *туманов* в виде первоначальной взятки. Когда ему её не дали, он насчи-(л. 45об.)тал 6 000 дефициту. Чарковский добился назначения другого контролёра – мирзы, которого пришлось-таки смазать, и он по тем же самым книгам и счетам нашёл 7 *туманов*, недоданных Персидским правительством, которые оно тогда и возместило бригаде.

Я возразил Посланнику следующее:

1. Что я лично отвечаю только за своё командование, начиная с 18 мая 1894 г.

2. Что за Бельгарда всецело поплатится один только Рафалович.

3. Что полковник Шнеур в ночь, предшествующую сдаче бригады ротмистру Бельгарду, всю ночь жёг документы.

4. Что сумасшедший Кузьмин-Короваев[3] не оставил никаких документов.

5. Что допускать персов совать нос в наши дела при подкупности Наиба-эс-Сальтанэ, Низам-уль-Мулька[4] и даже самого Садр-Азама, не говоря уже о Шахе, – подрыв нашего влияния и ниже достоинства русских.

10 апреля. Вчера вечером за обедом Посланник получил от Мушир-уль-Мулька[5] (товарища министра иностранных дел, фактически управляющего Министерством иностранных дел) записку о том, что сегодня – заседание во дворце у Наиба-эс-Сальтанэ, на котором должны присутствовать также полковник и сам Мушир-уль-Мульк (л. 46).

Вчера же за обедом в самую минуту получения записки я выразил желание, чтобы мне прислали **особое приглашение**, но Посланник настоял, что достаточно уже и того, что **его** предуведомили об этом. С крайним неудовольствием я принуждён был согласиться, но, тем не менее, прежде чем ехать самому, сегодня утром послал на рекогносцировку Мартирос-хана. И что же – Наиб-эс-Сальтанэ сам лично ответил, что никакого Военного Совета сегодня не будет, так как «какие же советы бывают в такие неблагоприятные дни по Книге судьбы, как понедельник?!»

Я опять поехал к Посланнику и довольно веско дал ему почувствовать, что был прав, не рискуя ехать без особого приглашения на Военный Совет, ибо это было бы ниже достоинства русского полковника и было бы похоже на то, что я **добровольно** становлюсь на одну доску с персюками, которые неделями ожидают у пруда, покуда Его Высочество Наиб-эс-Сальтанэ снизойдёт до того, что соблаговолит удостоить их своим словом.

Вчера утром Посланник вздумал было предложить Садр-Азаму нарядить комиссию для проверки и определения истинных причин образования дефицита?! Мне понадобилось целых два дня, чтобы выяснить и убедить Посланника, что, если заварить эту кашу, то расхлёбывать её придётся ему же самому, ибо во всём оказываются виновны Бельгард и Шпейер[6] и, в особенности, сам Посланник, допустивший Бельгарда и Рафаловича целый год расхищать бригадную казну!!! (л. 46об.) <…>

11 апреля. Решительный день. От 7 до 9 часов пешее ученье. Присутствовал Наиб-эс-Сальтанэ, оставшийся очень доволен Сушковым, который сегодня командовал. Затем, отозвав меня в сторону, Наиб-эс-Сальтанэ сказал: «Передайте русскому Посланнику, что во всей Персии нет человека преданнее России, чем я, а между тем Посланник задерживает пересылку ружей, высланных мне из Вены: их задержали на русско-австрийской границе, и я за каждый день плачу 150 флоринов (1 флорин = 5 *кран*) штрафу. Попросите от моего имени Посланника, чтобы он устранил это». Я обещал.

В 10 ч., по повелению Шаха, во дворце Наиба-эс-Сальтанэ состоялся Военный Совет, на котором присутствовали Наиб-эс-Сальтанэ, Шуджа-эс-Сальтанэ Сардар-Акрам[7] (командир 9-ти Азербайджанских полков), Векиль-эд-Доулэ[8] (начальник Арсенала[9]), Мушир-уль-Мульк (товарищ министра иностранных дел), (л. 47) помощник государственного контролёра Низам-эс-Сальтанэ (генерал-фельдцейхмейстер), Низам-уль-Мульк (главный контролёр Военного Министерства), главный военный судья, Ихтимат-Низам (посредник между Военным Министерством и Европейцами), несколько мирз и я.

Я опоздал почти на целый час. Наиб-эс-Сальтанэ деликатно заметил это мне, но я свалил на Посланника, будто он задержал меня. Совет открылся чтением моего рапорта от 31го марта 1895 г. № 7ой. Ежеминутно просители прерывали чтение, которое, тем не менее, шло довольно гладко. К величайшему моему удивлению, решительно все присутствующие вполне

одобряли каждое моё замечание, каждое сетование. Если и были возражения, то лишь относительно того, что, дескать, ту или другую реформу трудно или даже невозможно провести при существующих в Персии порядках и слабости самого Шаха, но никак не против справедливости моего рапорта (л. 47об.).

В 12 ч. – часовой перерыв для завтрака и затем снова заседание. Часа в 3 вдруг явился какой-то персюк и доложил, что Шах потребовал к себе Наиба-эс-Сальтанэ. Заседание мгновенно прервалось, и окончание его отложено до завтра.

Самая трудная половина моего рапорта прочитана и, к счастью, по-видимому, никого не раздражила и не восстановила против меня. Это особенно важно потому, что Наиб-эс-Сальтанэ под свежим впечатлением всего говоренного направился прямо к Шаху, которому, конечно, немедленно же доложит все подробности, освещая все факты через свою призму.

Назавтра остаётся финансовый вопрос, который, полагаю, пройдёт благополучно, ибо, во-первых, Наиб-эс-Сальтанэ ненавидит Садр-Азама и потому всеми силами постарается все неудачи объяснить ненормальностью финансовых отпусков, а во-вторых, Посланник горой стоит (л. 52) за устройство финансов, так как он всюду является поручителем, и этот вопрос особенно его тяготит.

От Наиба-эс-Сальтанэ проехал прямо к Посланнику, который остался в высшей степени доволен исходом этого первого заседания и просил меня завтра так же прямо с заседания приехать к нему и сообщить результат. Посланник хотел было условиться со мною относительно того, в каких вопросах и насколько мы можем пойти на компромисс, но я категорически заявил, что до окончания завтрашних переговоров покорнейше прошу его и не заикаться о каких бы то ни было компромиссах. Посланник согласился со мною. Я передал ему просьбу Наиба-эс-Сальтанэ, на что Посланник выразил своё крайнее удивление, уверяя меня, будто ему ничего не известно и что он по этому поводу напишет Наибу-эс-Сальтанэ письмо. Очевидно, врёт, но мне-то что за дело! /[x]Между прочим Посланник сообщил мне, что, кажется, Садр-Азам выразился, будто совершенно лишнее приглашать новую Австрийскую Миссию, и потому дело австрийского посланника Тисселя, надо надеяться, прогорит. Тогда, если только удастся мне провести все предложенные мною теперь преобразования в Казачьей бригаде, необходимо попытаться захватить в русские руки и дело инструкторства над персидскою пехотою./

12 апреля. Боже, как трудно сделать что-нибудь порядочное в Персии: за те труды, за которые следовало бы получить бесспорную награду, здесь только возбуждаешь против себя и наживаешь целые полчища врагов! Персия – страна полного нравственного растления. Коварство, продажность, обман, притеснение слабейших, пресмыкание перед сильнейшими – вот девиз всех: не государственных деятелей Персии, но решительно всего государства, начиная от Шаха, дающего чувствовать свой деспотизм подданным и трепещущего перед двуглавым орлом, и кончая последним дервишем! Исполать тебе, детинушка, если ты сумеешь чисто, с честью и славою пройти твой тернистый путь! (л. 48) <…>

Мог ли я не взбаламутить здешнее море? Отвечу прямо, решительно: нет, не мог. Не мог только в силу того, что был нравственно возмущён, но ещё и потому, что трещала моя собственная шкура: мои предместники всё натягивали и натягивали струны… и натянули их, наконец, до того, что они готовы были лопнуть. А если бы я допустил до того, что эти струны лопнули бы, меня, прежде всего, обвинили бы в бездействии власти, в том что (л. 48об.) я своевременно не открыл глаза всем тем, кому ведать подлежит. И я должен был бы ответить за все 16 лет безобразий и Персидского правительства, и недосмотра Посланника, и умышленных и неумышленных промахов самих полковников Домантовича, Чарковского, Кузьмина-Короваева и Шнеура, не говоря уже о годичном заведовании бригадой ротмистра Бельгарда, которое, как непосредственно предшествовавшее моему приёму бригады, особенно тяжело и болезненно должно было отразиться на моей шкуре! Сколько труда, сколько нрав-

ственных мучений стоило мне переломить упорство Посланника и довести его, наконец, до того, что он, кормя павлинов грецкими орехами, снизошёл, наконец, до того, что согласился выслушать в пол-уха все те безобразия, которые он же, посланник Бюцов, допустил натво-(л. 49)рить свою креатуру – ротмистра Бельгарда, и в пол-уха же выслушал мои объяснения по поводу того, что Шнеур был всё-таки умнее их всех, и, если бы поменьше ставили вопросы на личную почву и <…> из-за ненависти мадам Шпейер к мадам Шнеур не губили бы несчастного полковника Шнеура, который был кругом прав, а лучше вникли бы своевременно в суть дела, не мог бы образоваться авантюрист, подобный Бельгарду!

Но и то, что Посланник, хоть в пол-уха, выслушал от меня всё это, было уже для меня победою, и результатом явился мой знаменитый рапорт Посланнику от 31 марта 1895 года № 7ой.

На сегодня было назначено второе заседание Военного Совета. Я явился, как было сказано, ровно в 10 ч. утра, но никого не оказалось – дескать, Его Высочество Наиб-эс-Сальтанэ изволили вчера устать и сегодня отменили заседание. Даже не потрудился известить меня <…>! (л. 49об.)

13 апреля. Военный Совет на сегодня был назначен ровно в 10 ч. утра, но Наиб-эс-Сальтанэ явился только в 11½. До 12-ти читали разные прошения. В 12 ударила пушка, после чего принесли завтрак, и мы с Мартирос-ханом, как христиане, должны были удалиться в сад. Персы с Наибом-эс-Сальтанэ преважно расселись на полу и стали руками уничтожать всевозможные пловы и прочие персидские кушанья. Сам Наиб-эс-Сальтанэ сидел у открытого окна, выходившего в сад. Под самым окном – огромная помойная яма, сильно благоухающая: вероятно, для возбуждения аппетита правоверных. Через ½ часа нас опять позвали. Все уже стояли посреди залы и ожидали моего возвращения. Один только Наиб-эс-Сальтанэ стоял в нише окна, выходившего на помойную яму. Около него стояло двое – один *серхенг* (полковник) и один *сартип* (генерал). Оказалось, что *сартип* держал длинный медный урыльник, вроде биде[10], в который Наиб-эс-Салтанэ <…>. *Серхенг* (л. 50) же подавал <…> мыть руки Его Высочеству Великому Князю, военному министру.

Когда мимо нас торжественно пронесли обе посудины, Наиб-эс-Сальтанэ грациозным жестом пригласил меня сесть на кресло, а сам сел на другое. Все остальные расселись прямо на полу.

Во время же заседания 11го апреля (третьего дня) только я один сидел – Наиб-эс-Сальтанэ сидел у моих ног на полу.

Сегодня читали вторую половину рапорта – о финансах. Так как финансы в руках Садр-Азама, заклятого врага Наиба-эс-Сальтанэ, то он в данном случае замечательно энергично отстаивал интересы бригады. Его притворство дошло до того, что, когда стали читать место моего рапорта, где сказано, что бригаде по несколько месяцев не выдают денег, Наиб-эс-Сальтанэ закрыл лицо руками и с глубоким вздохом сказал: «Боже мой, Боже мой, до чего мы дожили! Мне стыдно слышать про подобные беспорядки в управлении государством!» (л. 50об.)

Когда дочитали мой рапорт, Наиб-эс-Сальтанэ громогласно заявил: «Всё, что написано полковником в этом рапорте (от 31 марта 1895 года № 7ой), есть полнейшая истина». На это я ответил: «Позвольте мне ещё прочесть моё заключительное слово». И прочёл, а Мартирос-хан перевёл, моё дополнение к рапорту № 7ой – от 16 апреля 1895 года № 8. Оно произвело глубокое, но не скажу, чтобы приятное впечатление на всех окружающих. Затем я спокойно сложил руки и ожидал результата моих слов.

Мне задали несколько весьма коварных вопросов, которые я, однако, весьма ловко отпарировал. Наиб-эс-Сальтанэ заявил, что отделить *мухаджиров* от бригады невозможно. Тогда я ответил, что, если Персидское правительство не пожелает исполнить всего того, что мною изложено в рапорте № 7ой и дополнении к нему № 8, мы, русские офицеры, не можем более

оставаться в Персии, и встал со своего места. Все тоже поднялись – мои слова, видимо, произвели глубокое впечатление (л. 51). <…>

От Наиба-эс-Сальтанэ я поехал прямо к Посланнику. Выслушав меня внимательно, Посланник, видя, что дело принимает, по-видимому, благоприятный оборот, заявил: «Очень хорошо сделали, что так энергично поддержали свои требования: уж если затеяли дело, надо во что бы то ни стало доводить его до конца». Это было полнейшее иезуитство, ибо, если бы дело приняло мало-мальски неблагоприятный оборот, Посланник постарался бы всё свалить на одного меня. Но я не подал виду, что отлично раскусил его – худой мир лучше доброй ссоры.

Наиб-эс-Сальтанэ потребовал, чтобы я представил ему списки тех 42^{х} офицеров, которых я желаю оставить в бригаде, а равно и все списки *мухаджиров* с обозначением количества получаемого ими содержания. Что-то из всего этого выйдет? (л. 51об.)

15 апреля. На Майдан-Машк потребовал решительно всех офицеров и из 173^{х} мог выбрать хороших только 59, которых и внёс в особый список (см. 2ое дополнение к рапорту от 31 марта № 7 – 16 апреля 1895 г. № 9). Обработал свою речь, произнесённую на Военном совете 13 апреля, и написал в виде 1го дополнения к рапорту моему от 31 марта № 7 – 16 апреля 1895 г. № 8^{й} (л. 53).

18 апреля. Сегодня Джалиль-хан принёс *хавале* (ассигновку) на 8 тысяч *туманов*, выданных бригаде в виде *мусадэ*[11] (авансом), так как бюджет бригады до сих пор ещё не утверждён. Эти 8 тысяч надо будет ещё добывать у *саррафов* (купцов) на базаре. *Сарраф* сказал, что раньше 10-12 дней он не может выдать этих денег. Полагаю, что пройдёт не менее как около месяца.

19 апреля. Во дворце у Наиба-эс-Сальтанэ. Он уединился со мною в отдельную комнатку, выгнав всех приближённых. Видимо, и Наиб-эс-Сальтанэ, и сам Шах в крайнем затруднении, не зная, что им делать с *мухаджирами*. Прежде чем войти в кабинет Наиба-эс-Сальтанэ, я виделся с Ихтимат-Низамом, который передал мне, что вчера он был у нашего Посланника, который принял его крайне сухо и выразил твёрдое намерение поддержать все мои требования. Этим давлением и объясняется необыкновенная мягкость и любезность плута Наиба-эс-Сальтанэ (л. 57).

/^{х}Наиб-эс-Сальтанэ, растерянный, видимо, после весьма продолжительного разговора с Шахом, делал мне несколько предложений, одно нелепее другого, но во всех этих предложениях проглядывало одно – бессилие и продажность Персидского правительства и нелепый страх правителя целого царства, управляемого деспотически, перед горстью какой-то сволочи. Я был глубоко возмущён и не мог без презрения смотреть на Наиба-эс-Сальтанэ, который, видимо, чувствовал это. Наконец, (л. 57об.)/ я посоветовал Наибу-эс-Сальтанэ разбить всех нижних чинов *мухаджиров* на три категории:

1. На **совершенно неспособных**, которых немедленно же исключить из бригады,

2. На **годных продолжать службу**, но получающих содержания больше волонтёров. Удержав в бюджете бригады количество, равное волонтёрскому содержанию, остальное изъять совершенно из ведения полковника и, не отнимая этой части от *мухаджиров*, перевести её в другое какое-нибудь ведомство. Оклад же волонтёрский отдать в полное распоряжение полковника,

3. На **годных продолжать службу**, оклады коих не превышают волонтёрские оклады. Как вторая, так и третья категории должны безусловно отказаться от всяких *мухаджирских* прав. Полковник должен иметь полное, неотъемлемое право исключать *мухаджиров*, так же как и волонтёров, не давая о том решительно никому никакого отчёта и не спрашивая ничьего позволения.

Наиб-эс-Сальтанэ поручил мне составить и послезавтра предста-(л. 57об.)вить ему на рассмотрение все три вышеупомянутые категории.

От Наиба-эс-Сальтанэ поехал к Посланнику – он что-то озабочен и просил несколько дней ничем не беспокоить Садр-Азама. Посланник всё-таки как-то виляет: он передал мне, будто Садр-Азам выдержал целую бурю с Шахом по поводу того, что он настаивал, чтобы деньги бригаде давали, если не из банка, то, по крайней мере, хоть из Монетного двора. А между тем сегодня Наиб-эс-Сальтанэ передавал мне, что Шах сам приказал выдать бригаде 8 тысяч авансов, на которые Джалиль-хан ещё вчера получил *хавале*. Мартирос-хан говорит, что это *фузули* Садр-Азама, так как Шах всегда неизменно настаивает, чтобы бригада была вполне исправно снабжаема деньгами.

20 апреля. Составлял *мухаджирские* списки. <…> Вечером явился ко мне *наиб* 1 ранга Паша-Ага[12], (л. 58) порядочно говорящий по-русски, и сообщил мне, со страхом озираясь во все стороны, что *мухаджиры* написали на меня кляузное прошение Шаху. Главари – оба Неджеф-Кули-хана, Джемшид-Ага и Шукрулла-хан – принесли к подписи *серхенгу* Гуссейн-хану[13] (брату *сартипа* Мамед-хана Красная борода). Гуссейн-хан был, по словам Паши-Аги, против кляузного прошения и не хотел подписывать его. У них произошёл спор, среди коего Гуссейн-хан разорвал прошение, сказав, что он ничего не имеет против просьбы перед Шахом о заступничестве, но что грязи и кляуз подписывать не намерен. Паша-Ага, оказывается, в это время был в *андеруне* (гареме) у своей близкой родственницы и, притаившись за занавескою, слышал всё от первого до последнего слова. Едва все разошлись, Паша-Ага поспешил написать мне рапорт, с которым сам явился ко мне.

Интересно знать, какие побуждения могли привести этого молодого *мухаджира* ко мне? (л. 58об.)

21 апреля. Целый день составлял смету нового бюджета. Рафалович поражает своею тупостью.

40 человек казаков, бывших посланными в Савэ на поимку разбойника Аббас-хана под начальством *сартипа* Касым-Аги[14], сегодня возвратились. Аббас-хан сдался на милосердие Эмир-Низама, губернатора Хамадана (Экбатаны).

Являлся новый директор Международного банка Левшиц[15] <…> переговорить насчёт уплаты бригадного долга.

22 апреля. Сегодня не пошёл на ученье, торопясь закончить списки годных и негодных *мухаджиров*. На ученье был Наиб-эс-Сальтанэ и с ученья поехал прямо в Камраниэ[16] на три дня. Едва я узнал об этом, как послал ему вдогонку *сартипа* Касым-Агу (Хорасанского). Тот в карьер нагнал его. Наиб-эс-Сальтанэ сказал, что у него пропасть дел в Камраниэ, а потому он просит меня пожаловать к нему во дворец во вторник 25 апреля. При этом передал Касым-Аге, что *мухаджиры* подали на меня донос Шаху. Когда мне это рассказывал Касым-Ага, я как будто пропустил всё это мимо ушей.

Сегодня 2 000 *туманов* уплачены в банк.

В 9 ч. вечера явился потихоньку в канцелярию Паша-Ага и дал мне копию с доноса *муха*-(л. 62)*джиров*, которую он каким-то чудом добыл из шахского гарема, так как донос этот был подан Шаху через его главную и доверенную жену Анис-эд-Доулэ, которую русские называют Анисья Даниловна[17].

24 апреля. Пришёл Хаджи Джалиль-хан и передал крайне неутешительные вести о том, будто вместо того чтобы в нынешнем году устроить получки из банка, предполагается устроить дело ещё хуже: 20 тыс. из Кермана, 67 тыс. из Шираза, 8 тыс. в виде *мусадэ* теперь, а остальные даже ещё и не решено, когда и откуда! И это вместо получек прямо из банка! Шираз – худший и наименее надёжный источник, ибо там губернатором – брат Шаха, нищий и известный лгун и мошенник. Я поехал жаловаться Посланнику, но на него что-то надежда плоха – вообще я как-то (л. 62об.) не питаю никакой уверенности в его твёрдости.

Вернувшись домой, послал Джамиль-хана снова к Садр-Азаму, который внимательно выслушал его и сказал только: «Хейли-хуб» (очень хорошо).

Сегодня Мартирос-хан подробно рассказывал мне про подачу доноса на меня Шаху – у него был *сартип* Имам-Кули-хан и, растерявшись, передал все подробности: сначала было написано кляузное прошение; *сартип* Насрулла-хан не согласился подписывать его, говоря, что этим враньём *мухаджиры* только дискредитируют себя в глазах Шаха.

После долгих и жарких прений разорвали первую кляузу и написали вторую (копию с коей третьего дня доставил мне Паша-Ага). /[x]Затем, окончательно растерявшись, решили засесть в *бест*. Кто-то довёл это до сведения Анис-эд-Доулэ. Эта разумная женщина отсоветовала *мухаджирам* эту пошлость и посоветовала дать ей в руки прошение для передачи Шаху/. Это второе прошение подали Анис-эд-Доулэ, которая своими разумными доводами несколько успокоила *мухаджиров* и передала прошение Шаху. Шах вспылил, потребовал к себе Садр-Азама и набросился на него. Но Садр-Азам как скала выдержал этот шторм. Тогда Шах послал за Наиб-эс-Сальтанэ. С этим (л. 63) дело было совсем иначе, ибо чуяла кошка, чьё мясо съела: Шах, что называется, с говном смешал Наиба-эс-Сальтанэ, а Садр-Азам всё время стоял и саркастически посматривал на Наиба-эс-Сальтанэ с видом Мефистофеля. Шах главным образом напустился на Наиба-эс-Сальтанэ за бездействие власти.

Когда Наиб-эс-Сальтанэ выехал из дворца, его окружила толпа нищих: обыкновенно этот ханжа щедрою рукою оделял их, но сегодня, разозлённый, он приказал их всех бить палкой, не будучи в состоянии скрыть своего волнения. По дороге Наибу-эс-Сальтанэ попался Хаджи-Джамиль-хан. Он его остановил словами: «Что за подлецы эти *мухаджиры*! Не могли обратиться ко мне – полезли прямо к Его Величеству Шаху! Бунтовщики, негодяи!» (л. 63об.)

از استراباد به اداره تلگرافی دولت علیه ایران
۱۵، عدد کلمات ۳نمره
حضور امیر الامراء النظام سرکار پلکنیک فرمان ده بریگاد یازدهم وارد استراباد شدم صفر علی[18]

Из Астрабада. Его Высокоблагородию господину командиру Казачьей Его Величества Шаха бригады.

11го числа (сего 25го апреля <18>95 г.) прибыли в город Астрабад. Сафар-Али-хан.

25 апреля <18>95 г. (л. 66)

25 апреля. Пешее учение. После учения я сказал офицерам краткую, но внушительную речь по поводу их доноса Шаху, косвенным образом назвав их ослами и доносчиками. Мои доводы были так просты и вместе с тем так неотразимы, что все офицеры были видимо смущены и отлично поняли, какую подлость и вместе с тем глупость совершили <…> «Э-эх, – заключил я свою речь, – как 16 лет тому назад вы были персы, а не казаки, так и теперь не казаки и умрёте всё-таки персами, а не казаками!» (л. 67)

С учения я поехал к Наибу-эс-Сальтанэ в его сад Эмирие[19]. Встретив по дороге Наиба-эс-Сальтанэ в карете, я поехал вместе с ним к Юсуф-Абадским воротам[20], у которых был выстроен пехотный полк «Тегеран», которому Шах назначил сегодня смотр. Видя, что от меня не отобьёшься, Наиб-эс-Сальтанэ сел у самых ворот и меня пригласил сесть рядом. Я прочёл своё «4ое дополнение к моему рапорту от 31 марта 1895 года № 7ой». Шуджа-эс-Сальтанэ, Векиль-эд-Доулэ и военный судья, старший из каджаров, были безусловно согласны со всем тем, что я проектировал, но и они, и Наиб-эс-Сальтанэ на каждое моё предложение отвечали, что в Персии это едва ли применимо.

Около полудня приехал сам Шах. Я встал сзади всех на своём красавце жеребце, но Шах, едва меня увидел, подозвал к себе, издали закричав: «Колонель, инджа, инджа (полковник, сюда, сюда)», показывая рукою около себя. «*Мусадэ* (аванс) 8 000 получили?» – «Нет». Шах удивлённо посмотрел на Наиба-эс-Сальтанэ и на Мартирос-хана, который струсил и поспешил добавить: «Но с завтрашнего дня нам начнут эту выдачу» (л. 67об.).

Шах ничего не ответил, но недоверчиво взглянул на Мартирос-хана и многозначительно крякнул. «А дело с *мухаджирами* покончили?» – «Со своей стороны я всё изложил в рапорте – теперь окончание вопроса зависит единственно от Его Величества», – ответил я, указывая на покрасневшего при этом, как рак, Наиба-эс-Сальтанэ.

Шах медленно объехал выстроившийся перед ним полк «Тегеран», пропустил его церемониальным маршем и уехал.

Я поехал обратно верхом рядом с Наибом-эс-Сальтанэ и всю дорогу говорил с ним самым откровенным образом. На моё счастье, *мухаджиры* обозлили Наиба-эс-Сальтанэ: подав донос на меня прямо Шаху, они этим подвели Наиба-эс-Сальтанэ, которого Шах изругал чуть что не по <…> матери, обвинив в бездействии власти. У Наиба-эс-Сальтанэ верблюжья мстительность, и он никогда не забудет им, что из-за них ему так напрело. Он зол и на меня, но, во-первых, меня всё-таки он побаивается, во-вторых, видит, что я безусловно прав (л. 68).

Проводив Наиба-эс-Сальтанэ, я откланялся <…> и верхом на коне Мартирос-хана отправился к Посланнику.

Посланника я застал в большом возбуждении: он был у Садр-Азама и, наконец, поставил ему следующий ультиматум. Зная, что в данную минуту у Персидского правительства недоразумения с Английским банком, я нахожу единственно возможным исходом, это чтобы Вы платили полковнику из Монетного двора, как единственного верного источника в Персии. От предлагаемых же Вами *магалов* (источников) – 20 тысяч из Кермана (генерал-губернатор Фарман-Фарма), 67 тысяч из Шираза (губернатор – брат Шаха), 8 тысяч в виде *мусадэ* (авансом) и остальные деньги ещё откуда-то – я допустить положительно не могу, и если мои требования, как русского Посланника, не будут уважены, я принужден буду написать в Петербург об отозвании отсюда русских инструкторов. Садр-Азам безусловно согласился с тем, что мои требования и разумны, и справедливы, и дал слово точь-в-точь доложить обо всём Шаху и настоять на выполнении моих требований (л. 68об.).

27 апреля. *Сартип* Касым-Ага Хорасанский подал мне письмо, в коем он пишет, что желает меня видеть по секрету со своим собственным переводчиком. В 7 ч. вечера явился Касым-Ага с переводчиком Разграничительной комиссии в Закаспийской области и Хорасане Мирзо-Таги-хан Бехманбековым и передал мне, что вчера Наиб-эс-Сальтанэ призывал к себе главарей *мухаджиров* – Неджеф-Кули-хана Цициани, Неджеф-Кули-хана Эривани, Хаджи Джамиль-хана и Мухб[21]-Али-Агу. Туда же непрошенный и незваный явился также и сын Неджеф-Кули-хана *серхенг* Аббас-Кули-хан. Вышли они от Наиба-эс-Сальтанэ крайне взволнованные. *Серхенг* Аббас-Кули-хан начал весьма энергично склонять на свою сторону Касым-Агу, рассказав ему с самым честным видом и большою правдоподобностью, будто свой рапорт я послал через *сартипа* Муса-хана к Садр-Азаму, и будто Муса-хан, прежде чем подать Садр-Азаму, продержал этот рапорт у себя двое суток, в течение коих *мухаджиры* имели время не только прочесть, но и списать его (л. 70).

И ведь на эту удочку поддались очень многие. А между тем рапорт я сам лично отдал в руки нашему Посланнику, который тоже сам лично передал его Садр-Азаму, который в тот же день препроводил его Шаху.

Затем я пригласил Касым-Агу и переводчика ужинать, и Касым-Ага напился вдребезги.

Из посещения Касым-Аги и Паши-Аги я могу видеть, что между *мухаджирами* я весьма удачно поселил рознь тем, <что> избрал прямо на Майдане 59 человек, т. е. 1/3, а остальных забраковал. При этом в эту треть я выбрал почти всех сыновей, а отцов поместил в негодные. Образовались раскол, разногласие, пререкания. Мне же нужно всего 42 офицера. Когда всё выяснится, я увижу и окончательно определю, кто из выделенных мною 59-ти человек наиболее надёжен и предан нам – тех и оставлю в бригаде (л. 70об.).

28 апреля. Поехал к Мартирос-хану. Вдруг слышим кричат: «Шах! Шах!». Мы выскочили – точно, едет Шах. Я встал во фронт. Завидев меня, Шах ещё издали начал махать рука-

ми. Мартирос-хан мелкой рысью подбежал к Шаху, я подошёл шагом. «Что здесь делает полковник?» – спросил Шах. – «Привёз мне рапорт Наибу-эс-Сальтанэ для перевода на персидский язык». – «Мы согласны выделить *мухаджиров*, – продолжал Шах, – но только…, – при этом он замялся, –…с их содержанием». – «Только коренным *мухаджирским*, или и со всем тем, что им было доплачено из бригады?» – спросил я. – «Ну, уже это Вам всё подробно расскажет Наиб-эс-Сальтанэ. Я ему всё сказал», – ответил Шах и, приветливо кивнув головою, поехал далее.

Из этой остановки и из этого разговора я мог заключить, что Шах не возбуждён против меня и внутренне, вероятно, вполне мне сочувствует (л. 71).

29 апреля. Суббота. Впредь до окончательного разрешения всех вопросов, затронутых мною, распустил почти всю бригаду по домам и прекратил все строевые занятия. Да теперь и не безопасно являться – как раз взбунтуются или какой-нибудь фанатик отпустит такую штуку, что придётся убить его на месте – ну и пошло писать потеха! Поэтому благоразумие заставляет быть осторожным и не разжигать страстей. Уже самые заядлые *мухаджиры* переоделись в *сардари*[22] и жужжат, как рой расшевеленных ос.

Сегодня встретил *мир-пянджа* Неджеф-Кули-хана Цициани, самого заядлого и самого старого из *мухаджиров* – говорят, ему 110 персидских лет (персидский год = 12 лунных месяцев, т. е. 12×28=336 дней[23]), что по нашему счёту всё-таки составляет 101 год[24]. Встретив меня, Неджеф-Кули-хан заметался в разные стороны и, наконец, видя, что некуда деваться, с решимостью отчаяния прошёл мимо меня, не отдав установленной чести и смотря прямо мне в лицо своими совершенно круглыми глазками с такою яростью, с какою может смотреть только ядови-(л. 71об.)тая гадина. Но я в ответ посмотрел ему прямо в глаза так весело и вместе с тем так насмешливо, что всё лицо Неджеф-Кули-хана исказилось в бессильной злобе.

Третьего дня *мир-пяндж* Али-хан, самый старший в бригаде, передал через бригадного адъютанта *серхенга* Искандар-хана, что он желает переговорить со мною. На это я послал ему сказать, что поздно: надо было говорить **до** доноса; а теперь с доносчиками и ослами я не желаю разговаривать.

Сегодня, когда кончилось ученье, я поехал к Наибу-эс-Сальтанэ, которого застал во дворе Арсенала. Он был очень вежлив и послал ко мне Ихтимат-Низама Аббас-Кули-хана с первоначальными списками *мухаджиров*, которые Мартирос-хан и списал для того, чтобы в точности знать, что кем куплено, что первоначально принесено в бригаду, а что надбавлено из бригадного бюджета. Но эти списки времён ещё Аббас-мирзы[25], и я не знаю, как Мартирос-хан доберётся до истины (л. 72).

Я употребил выражение, непонятное для русских: **купить жалование**. Делается это так. Кто-нибудь даёт губернатору, Наибу-эс-Сальтанэ, контролёру или вообще высокопоставленному лицу взятку, и за это ему дают на этот год фуражные или суточные в размере, например, 100 *туманов*. Месяца через два-три этот артист переводит эти 100 *туманов* для получения в какую-нибудь другую провинцию, что не возбраняется, **не называя, какие именно это деньги**. Через несколько месяцев он переводит их уже в третью провинцию под именем своей **родовой**, потомственной пенсии, на которую будут потом предъявлять права его внуки и правнуки!

Насколько самолюбию хлыща и прощелыги Бельгарда льстило название командира бригады и начальника 27-ми опереточных генералов, настолько же мне лично оно кажется слишком позорным и унизительным (л. 72об.).

Мухаджиры жужжат, но меня в данном вопросе спасает то, что их ненавидит Наиб-эс-Сальтанэ, и *мухаджиры* все свои злоключения, главным образом, приписывают ему. Я держу себя настолько гордо и в стороне, что ни с кем никаких разговоров по этому поводу не веду, но, конечно, очень рад, что нежданно-негаданно нашёлся такой крупный громоотвод.

Сегодня Наиб-эс-Сальтанэ выразил полное желание отнять у *мухаджиров* решительно всё то, что им было надбавлено из бригадного бюджета.

Сегодня, ведя переговоры с Посланником, я выразил ему мнение о том, что лучше было бы на место Рафаловича, когда он в сентябре уедет из Персии, никого более не выписывать, мотивируя это тем, что, дескать, казаков настолько мало, что я и с одним помощником могу справиться совершенно легко. Посланник вполне одобрил моё мнение (л. 73).

Ещё раз повторю: если не выгорит всё затеянное мною, уеду в Россию и только, хотя, конечно, будет очень неприятно. Но зато если выгорит, я убеждён, что моя будущая карьера будет обеспечена, и что я буду на счету самых способных и энергичных офицеров Генерального Штаба, особенно пригодных к самостоятельным ролям, требующим неусыпной работы и вместе с твёрдостью способности ставить всё на карту. <…> (л. 73об.).

30 апреля. Так как я решил, что впредь до выяснения *мухаджирского* вопроса никаких учений не будет, то, выждав, когда ученье кончилось, поехал к Наибу-эс-Сальтанэ. По дороге встретил Ихтимат-Низама, ехавшего ко мне. Мы вернулись к Наибу-эс-Сальтанэ, которого застали в Арсенале. Меня он встретил изумительно любезно и сказал, что желает, чтобы Ихтимат-Низам переговорил со мною у меня на квартире.

От Наиба-эс-Сальтанэ я поехал к Бюцову, который сообщил мне, что получки денег из Монетного двора для нас пропали, так как их захватил себе Наиб-эс-Сальтанэ, от которого в настоящее время уже невозможно вырвать эти получки, тем более что и сам Садр-Азам ради того, что у него была размолвка с Шахом, только что уладившаяся, – Садр-Азам не желал бы снова раздражать Шаха. Но при этом Садр-Азам, во-первых, обнадёжил Бюцова, что, быть может, ему удастся устроить наши получки прямо из Банка, если (л. 76) только они найдут такие источники доходов, которые Банк согласится признать достаточной гарантией для себя, а во-вторых, дал почувствовать, что, дескать, Шах очень дорожит Казачьей бригадой и не допускает мысли об отозвании русских офицеров из Персии.

В 12 ч. явился ко мне Ихтимат-Низам, завтракал и затем вплоть до трёх часов диктовал Мартирос-хану старые *мухаджирские* списки со времён самого Аббас-мирзы. Оказалось, что ещё и тогда они были перепутаны. Возможно ли, в таком случае, теперь, спустя десятки лет, при персидских порядках добиться истины.

1 мая. <…> Вчера человек 40 *мухаджиров*-офицеров в сопровождении такого же количества *мухаджиров*-вестовых поехали к Наибу-эс-Сальтанэ в его загородную дачу (в трёх *фарсахах*[26] от Тегерана). Наиб-эс-Сальтанэ струсил и побледнел, как полотно, когда увидел эту толпу, которая имела вид крестоносцев Петра Амьенского[27] или Вальтера Голяка[28]: кто в кителе, кто в черкеске, кто уже переоделся в военное *сардари*, а кто так и прямо в персидском архалуке. «Всё поле было покрыто одними *мухаджирами*», – в сильном волнении рассказывал Ихтимат-Низаму Наиб-эс-Сальтанэ. Неджеф-Кули-хан Цициани припал к ногам Наиба-эс-Сальтанэ и лизал их. У Наиба-эс-Сальтанэ первый страх прошёл – он даже умилился до того, что глаза его увлажнились и (л. 77) этот коварный персюк, в душе уже давно возненавидевший *мухаджиров* и, вероятно, решивший погубить их, начал уверять *мухаджиров*, будто «полковник и не смеет, и не может ничего им сделать, и потому, дескать, всё останется по-старому». Но далеко не всех *мухаджиров* провёл этот хитрец: *мухаджиры* сами выросли и развились на той же почве и при той же обстановке, что и Наиб-эс-Сальтанэ. На обратном пути они с горя пили всю дорогу. Пьяный вдребезги *серхенг* Аббас-Кули-хан (сын Неджеф-Кули-хана Эривани) ввалился к Мартирос-хану и выложил ему всё вышесказанное. При этом выяснилось также, что Наиб-эс-Сальтанэ предложил на всех уходящих *мухаджиров* всего 5000 *туманов* ежегодной пенсии. Но *мухаджиры* на это предложение не поддались и требуют, чтобы им оставили в пенсию решительно всё то, что они до сих пор получали как жалованье, что в общем должно составить тысяч до 25^{ти}. Что-то из всего этого вый-

дет, и на чьей стороне окажется победа?! Но что касается до меня – буду бороться до последнего издыхания! (л. 77об.)

2 мая. *Мухаджиры* не знают, в какую сторону броситься, и некоторые из них, приписывая по глупости всё дело интригам Мартирос-хана, наговорили на несчастного армянина Наибу-эс-Сальтанэ, который будто бы сказал: «Ах, он *пэдер-сухтэ* (сожжённый отец), *зӑнкаһбӑ* (жена твоя б<…>), *тохм-хӑр* (ослиные муде!)! Пусть завтра придёт – я ему покажу!» Мартирос-хан струсил и чернее ночи явился ко мне. Сушков и я всеми силами старались его успокоить, но он оставался мрачен и встревожен.

Теперь вообще не оберёшься толков, предположений и особенно самых нелепых подозрений среди *мухаджиров*. Прежде всего, они заподозрили самого Наиба-эс-Сальтанэ и вместе с тем в Наиб-эс-Сальтанэ зародили подозрение на Мартирос-хана. Таким образом, по счастью, эти два лица, в действительности менее всего мне сочувствующие, в данном случае являются для меня громоотводами. Затем *мухаджиры* подозревают ещё и (л. 78) «некоторых новых кавказских выходцев», ясно намекая на Шихлинского Мирза-Керим-хана и Ага-бека, решительно ни в чём не повинных. *Мухаджиры* даже *сартипа* Насрулла-хана (командира 3го полка), за то только, что тот давал им благоразумные и благородные советы, прежде чем писать на меня донос и кляузы, пойти ко мне и лично переговорить со мною обо всём, сочли изменником и исключили из своей компании. А его-то я даже и не видел и, признаться, до сих пор, напротив, считал за самого заядлого *мухаджира*, во-первых, как командира Мухаджирского полка, и, во-вторых, как родного брата покойного Гаджи-хана[29], командира *мухаджиров*. Главный довод *мухаджиров*, приводимый и Шаху, и Наибу-эс-Сальтанэ, и всем – это, если 16 лет было так и все предшествующие полковники ничего не предпринимали, то почему же теперь-то новый полковник вдруг захотел перевернуть всё вверх дном.

На это я ответил, что давно уже бригаду мучил и истощал злокачественный нарыв. Теперь (л. 78об.) это нарыв назрел и по вскрытии из него потекли пенсионеры, негодные офицеры и *мухаджиры*[30].

В 8 ч. вечера приехал Ихтимат-Низам на обед. Он был очень весел <…> и рассказал, что Шах никак не решается расстаться с несчастными 15-20 тысячами *туманов*, которые нужно выдать *мухаджирам* и пенсионерам, чтобы отпустить их с миром: Шах пробует предложить им через Наиба-эс-Сальтанэ всего-навсего 5000 *туманов* – возмутительное скряжничество! Я совершенно откровенно передал Ихтимат-Низаму все мои соображения относительно образа действий и Шаха, и Садр-Азама, и самого Наиба-эс-Сальтанэ – и Ихтимат-Низам, конечно, не мог не согласиться со мною (л. 79).

Но что мне показалось сильно подозрительным, так это, что Ихтимат-Низам, вместо того чтобы по своей роли миротворца и посредника между Наибом-эс-Сальтанэ и мною стараться успокоить меня и как-нибудь оправдать поступки Наиба-эс-Сальтанэ, напротив, старался всеми силами разжигать меня, уговаривая и настраивая не только не уступать ни одной йоты, но, напротив, быть ещё настойчивее и твёрже. Я полагаю, нет ли тут западни, и не хочет ли Наиб-эс-Салтанэ под личиною дружбы и самого искреннего расположения вызвать меня на ряд необдуманных поступков, вынудить зарваться и затем, имея факты в руках, наверняка спихнуть, настроив Шаха. А этот коварный и вероломный азиатец именно таков (л. 79об.).

Примечания

[1] Судя по всему, автор «Дневника» имеет в виду эпизод с перееданием великого везиря и слабительной пилюлей иностранного доктора (см.: *Мориер Дж.* Похождения Хаджи Бабы из Исфагана. М., 1989. С. 102–113).

[2] Полковник Пётр Чарковский был вторым командиром Казачьей бригады (1882–1885) (см.: *Гоков О.А*. Персидская казачья бригада в 1878–1895 гг.: очерки истории в контексте внешней политики Российской империи относительно Ирана (по русским источникам). Lambert Academic Publishing, 2017. P. 146–194).

[3] Полковник Кузьмин-Караваев стал третьим командиром Бригады (см.: *Гоков О.А*. Указ. соч. С. 201–300).

[4] Далее В.А. Косаговский называет его «главным контролёром военного министерства». Вероятно, имеется в виду Мирза ʻАбд ал-Ваххаб-хан (1849–1917), получивший титул «Низам ал-Мульк» и должность *вазир-е лашкар* после смерти своего отца Мирзы Казим-хана Низам ал-Мулька в 1889–1890 г. (см.: *Бамдад М*. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри. Т. 2. С. 320-323).

[5] Имеется в виду Мирза Насрулла-хан На'ини. Последний был праправнуком известного суфия Хаджи ʻАбд ал-Ваххаба На'ини. Поначалу его жизнь протекала довольно трудно, и он был вынужден зарабатывать продажей молитвенных сборников, изготавливавшихся его сестрой (она писала *насхом*). Затем и сам он занимался перепиской. Позднее судьба свела его с наместником Азербайджана Мирзой Ибрахим-ханом На'иб ал-вазаре, благодаря которому началась его карьера государственного деятеля. Вскоре он оказался на службе в МИД на должности *мунши*. В 1875 г. он становится заместителем главы «русского» департамента, а в 1881 г. – вторым заместителем министра иностранных дел и главой «русского» департамента. В 1891–1892 г. Насрулла-хан был удостоен титула «Мушир ал-мульк», а в 1892–1893 г. стал первым заместителем министра (до 1895–1896 г.), оставаясь при этом руководителем «русского» департамента. В 1899–1900 г. стал министром иностранных дел Ирана (с принятием титула «Мушир ад-Доуле»). Умер 12 сентября 1907 г. по н. ст. (Бамдад. Т. 1. С. 323; Бамдад. Т. 4. С. 351–360). А.Н. Куропаткин отмечает, что Мушир ал-Мульк был сторонником России и с его помощью решались почти все дела русских подданных. Кроме того, он выступал посредником в секретных переговорах Садр-Азама с Российской миссией. Его сын учился в Московском университете (Всеподданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавления к Сборнику материалов по Азии. № 6. СПб., 1902. С. 24).

[6] А.Н. Шпейер – первый секретарь Российской императорской миссии.

[7] Мухаммад-Бакер-хан Шуджа‘ ас-Салтане (Сардар-е акрам, Амир-е Незам, Сардар-е кулл) был сыном Мухаммад-хана Амир-е тумана. Сопровождал Насер ад-Дин-шаха во время его первого путешествия в Европу. Умер в 1908 г., похоронен в фамильной усыпальнице своего тестя, Мирзы ʻАли-Асгар-хана Амин ас-султана Атабека. Сын Мухаммад-Бакер-хана, Хусейн-хан, также носил титул «Шуджа‘ ас-салтане» (Бамдад. Т. 3. С. 303).

[8] Мирза Мухаммад-ʻАли-хан, известный как Ака Бала-хан, происходил из незнатной семьи. Своей карьерой он обязан покровительству военного министра Камран-мирзы. В 1883–1884 г. ему был присвоен чин полковника, а в 1885–1886 г. – чин *мир-е панджа*, одновременно с назначением на должность командира полка личной гвардии Камран-мирзы. В 1890–1891 г. Бала-хан возведён в чин *амир-е тумана* и назначен начальником военных складов. В 1891–1892 г. он был удостоен титула «Вакиль ад-Доуле», назначен министром промышленности и начальником Арсенала. Пользовался дурной славой в народе как отдавший приказ открыть огонь по протестующим против табачной монополии. В 1892 г. получил титул «Сардар», а в 1895 г. – «Сардар-е афхам». Убит в Реште 7 февраля 1909 г. по н. ст. *муджахедами* под предводительством ʻАбд ал-Хусейн-хана Му‘изз ас-Султана (Бамдад. Т. 1. С. 184–187).

[9] А.Н. Куропаткин описывает его так: «Арсенал – одно из наиболее солидных учреждений в Тегеране. В нём изготовляют и разные медные и чугунные вещи, статуи, фонари и проч. На патронном заводе приготовляют, по словам персиян, 2.000 патронов при дневной работе. Работа довольно чистая (в «Дневнике» добавлено: «но борозда грубее нашей». – *Б.Н.*). В литейной мастерской мы нашли несколько довольно чисто отлитых медных орудий. При мне отливали орудие, на котором приказано выставить моё имя и день посещения мастерской» (Куропаткин. Отчёт… С. 13. См. также: РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 76–76об).

[10] В тексте *бэдэ*.

[11] Точнее – *мусаеде* (مساعده).

[12] Паша-ака (پاشا آقا).

[13] Хусейн-хан (حسین خان).

[14] Точнее – Касим-аки или Касем-аки (قاسم آقا).

[15] С.В. Чиркин сообщает: «Про него ходили слухи, что он избегал возвращения в Россию как в своё время уклонившийся от воинской повинности. Однако я неоднократно видел его и его жену если не у посланника, то у многих членов миссии. Тем не менее, выехал он из Персии, минуя нормальный путь через Россию, через Бендер-Бушир…» (*Чиркин С.В*. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. С. 64).

[16] Камранийе – один из многочисленных кварталов на севере Тегерана, в которых прятались от летнего зноя представители правящей элиты. Принадлежал военному министру Камран-мирзе Наибу ас-Салтане (*Шахиди-Мазандарани Х*. Саргозашт-е Техран. Тегеран, 1383/2004. С. 304).

[17] Мисль-Рустем описывает её так: «…любимица шаха, её называют “фавориткой”, и она всегда исполняет роль *les homages de la maison* при приёмах в эндеруне. Она красива, высокого роста, стройна, брюнетка с усиками, но с толстыми губами. Говорят, очень умна, хотя простого происхождения, дочь мельника. Шах часто пользуется её советами» (Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 68).

[18] Перевод телеграммы: «Из Астрабада в Телеграфное Агентство высокого государства Иран.

Номер 3. Количество слов 15.

Амиру амиров войска господину полковнику командующему бригадой Одиннадцатого прибыл в Астрабад. Сафар-‘Али /печать 12 отделения тегеранского телеграфа/

Числа 11 месяца зи ка‘да года 131<2> / 06 мая 1895 (25 апреля по ст. стилю)».

Телеграмма записана чёрными чернилами на стандартном телеграфном бланке, в верхней части которого расположена государственная эмблема – лев с мечом в правой лапе и солнце в дубовых и оливковых ветках. Официальный перевод на русский язык написан коричневыми чернилами.

[19] Сад располагается в квартале Амирийе на юге Тегерана.

[20] Йусуфабадские ворота получили своё название от известного *каната* Йусуфабад, главный колодец которого был расположен примерно в 6-7 км к западу от Тегерана. В столице *канат* пересекал ул. Муфаттах (бывшую Рузвельта) и затем разделялся на две части, одна из которых выходила на поверхность, а другая шла под землёй на юго-восток, проделывая весьма извилистый путь. Поначалу в Йусуфабаде был роскошный сад, принадлежавший Мирзе Йусуфу Мустауфи ал-Мамалеку. Позже здесь находился военный госпиталь, а с 1948 г. отдельные участки района стали сдаваться в долгосрочную аренду (Йусуфабад // *Дехкудо, ‘Али Акбар*. Лугат-наме / Ревайат-е севвом. Энтешарат-е Данешгах-е Техран, 2006 (CD version); Шахиди-Мазандарани, с. 406).

[21] Мухиб (محب).

[22] Мундир.

[23] Подсчёт неверный: количество суток в лунном году – 354 (в високосном году – 355).

[24] Точнее – 106-107 лет.

[25] Имеется в виду второй сын Фатх-‘Али-шаха Каджара ‘Аббас-мирза На’иб ас-Салтане (26 августа 1789 – 25 октября 1833 г. по н. ст.). ‘Аббас-мирза, по сути, был главной фигурой в русско-персидских войнах, на которые приходится значительная волна переселений местных жителей Кавказа в Иран (подробнее см.: Бамдад. Т. 2. С. 215-222; *Кузнецова Н.А*. Иран в первой половине XIX в. М., 1983. С. 34-40, 56-59).

[26] *Фарсах, фарсанг* – мера длины, равная 6 км.

[27] Пётр Амьенский (Пустынник) – монах-пикардиец, пылкий проповедник, призывавший толпы черни к освобождению Святой Земли. В 1096 г. возглавил один из отрядов, участвовавших в крестовом походе бедноты (подробнее см.: *Заборов М.А*. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. С. 44-52).

[28] Вальтер Голяк (он же Готье Неимущий) – рыцарь, возглавивший отряд северофранцузских крестьян численностью около 15 тысяч человек, участвовавший в крестовом походе бедноты. Погиб в сражении с сельджукскими войсками 21 октября 1096 г. (подробнее см.: *Заборов М.А*. Крестоносцы на Востоке. С. 44–56).

[29] Хаджжи-хан (حاجی خان).

[30] Ср. л. 7об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-26-29

Т.Н. Загородникова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.О. ФОН КЛЕММА (1861–1938) И ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Сегодня проблема опустынивания стоит остро для всех стран в целом и для региона Центральной Азии в частности. В 1994 г. была принята Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием, где указывалось на важность этой проблемы и на то, что «опустынивание» означает деградацию земель в засушливых и полузасушливых районах в результате действия различных факторов, включая изменение климата и деятельность человека[1]. В 1995 г. 17 июня был объявлен Всемирным днем борьбы с опустыниванием и засухой[2]. На 2017 г. «по оценкам… в Центральной Азии значительно деградированы 4–10% посевных площадей, 27–68% пастбищ и 1–8% лесов. Причины деградации земель многочисленны, сложны и в разных странах различны, но в целом связаны со злоупотреблением и чрезмерной эксплуатацией базы природных ресурсов, в частности с неправильной и неустойчивой сельскохозяйственной практикой, чрезмерным стравливанием пастбищ, вырубкой лесов, деградаций лесов и природными катастрофами»[3]. Между тем, это не проблема сегодняшнего дня, мы в значительной степени наблюдаем уже результат вмешательства человека в экосистему, и существовали люди, которые еще тогда, в начале этого вмешательства, говорили и писали об этом, старались свести к минимуму урон, наносимый человеком, переносом условий жизни европейской России в Среднюю Азию.

Одним из таких людей был дипломат и ориенталист Вильям (впоследствии он переменил имя на Василий) Оскарович фон Клемм.

Он родился в 1861 г., в курортном местечке Эстляндской губернии Меррекюль на побережье Финского залива в семье коменданта Ковенской крепости, выходца из Южной Германии, впоследствии генерала от инфантерии. Как всякая семья военного, они часто переезжали из одного города в другой. Вильям рано заинтересовался Востоком и, когда отец получил назначение командующим войсками Московского военного округа, он поступил сначала в гимназические классы знаменитого Лазаревского института восточных языков, потом окончил «при отличном поведении полный курс наук» Лазаревского института, а затем и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИДа. С 1885 г. он служил чиновником этого департамента, а уже через год получил первое назначение и был направлен драгоманом (переводчиком) Политического агентства в Бухаре, которым ему порой приходилось управлять самостоятельно[4]. Пытливый, интересующийся всем, что его окружало в эмирате, дружественно расположенный к местному населению и чётко организованный ориенталист был замечен. Здесь он набирался опыта и знаний о Востоке, его традициях, культуре, быте и пр., интересовали его и проблемы экологии, возникавшие с приходом в Среднюю Азию русских.

Было бы неправильным утверждать, что колонизация этих земель Россией не заставляла дипломатических чиновников на местах задумываться не только о нуждах русских, переселявшихся в Бухару, но и о нуждах местного населения. Одной из вечных проблем этого засушливого региона было орошение. Вопросы, связанные с ирригацией, были близки и понятны Павлу Михайловичу Лессару (1851–1905), занявшему должность Политического агента в Бухаре в 1890 г. Он окончил курс Института инженеров путей сообщения, строил мосты и железные дороги, главным образом, для нужд армии; в 1879 г. был направлен в Закаспийский край, где по-прежнему занимался же-

лезными дорогами (проектированием и строительством), одновременно в многочисленных поездках исследовал край с точки зрения географа широкого профиля. В 1893 г. по его рекомендации в Бухару был назначен инженер Х.В. Гельман. До этого, в 1891–1892 гг., он был командирован ИРГО в Алжир и Тунис для исследования форм песков в пустынях Сахары, ознакомления с местной ирригацией и т.д. применительно к Русскому Туркестану. Гельман также интересовался методами и способами обработки сельскохозяйственных культур, пригодных для Туркестана, опытом эксплуатации земель в условиях недостатка воды. Свои выводы он изложил в работе «Отчет по поездке инженера путей сообщения Х.В. Гельмана в 1891–1892 гг. в Египет, Тунис, Алжир, Италию и Францию». Гельман рекомендовал устраивать систему барражей (плотин) и артезианских колодцев по примеру североафриканских[5].

Еще одной проблемой была хищническая вырубка саксаула. 8 января 1893 г. В.О. фон Клемм подал Записку Туркестанскому генерал-губернатору П.М. Лессару о замене саксаульного угля[6] каким-либо иным топливом, где он не только показал причины, пробуждавшие местное население пускать под топор не только леса, но и собственные сады, но и наметил пути борьбы с этим явлением.

Этот документ касался проблемы, не разрешенной и в настоящее время. О хищнической порубке саксаула, опустынивании и деградации почв говорят экологи республик Центральной Азии: «В Узбекистане одной из острых остается проблема вырубки саксаула, древесина которого используется в качестве топлива, а молодые побеги – в качестве корма для скота»[7]. «”Мы ввели запрет на заготовку саксаула до 2018 года, однако его реализация в торговых точках продолжалась. В этой связи был введен соответствующий запрет. В рамках этого запрета территориальная инспекция проверяет рынки. Запрещена торговля, запрещена перевозка саксаула. В конце 2018 года мы предполагаем ещё где-то на пять лет продлить моратория”, – сказал заместитель председателя комитета лесного хозяйства и животного мира Минсельхоза страны Кайрат Устемиров»[8] (Казахстан). В Национальном отчете Таджикистана по оценке потенциала на местном уровне в области устойчивого управления земельными ресурсами поднимается та же проблема[9].

Приложение

8 января 1893 г. Записка драгомана Российского Императорского Политического агентства в Бухаре В.О. фон Клемма Туркестанскому генерал-губернатору П.М. Лессару о замене саксаульного угля каким-либо иным топливом и о возникавших в связи с этим проблемах

Вследствие предписания Вашего Высокопревосходительства от 30 ноября минувшего года за № 7389, Политическим Агентством были приняты меры для выяснения вопроса о замене в Бухарском ханстве саксаульного угля каким-либо иным топливом, причем выяснилось следующее:

Ввиду отсутствия в Западной Бухаре леса и иных каких-либо горючих материалов за исключением колючки (хар), непригодной для отопления туземных хижин, и ввиду совершенной невозможности по случаю дороговизны провоза доставлять топливо из отдаленной восточной части ханства, саксаульный уголь составляет для местного населения предмет самой насущной необходимости. Если даже допустить возможность, что со временем откроется какое-либо новое местное топливо, как например, каменный уголь, присутствие коего предполагается в Керменинских горах, или искусственно приготовленное из колючки и нефтяных остатков, то и в таком случае понадобится не менее десятка лет, пока топливо это привьется в местном населении, так как переходу от древесного угля ко всякому другому горючему материалу должно предшествовать коренное изменение местного быта: манкал (жаровня), сандалии (скамейка, которой она накрывается) и все прочие туземные приспособления должны уступить место печам,

которых не имеется и во дворцах эмира, и самые жилища для успешности отопления их печами должны будут подвергнуться коренным улучшениям. Наиболее целесообразным было бы подготовить такой бытовой переворот исподволь, начав с администрации и зажиточного городского населения. Можно было бы внушить эмиру необходимость изменить обычай предков и приспособить жилища к отоплению на европейский лад, но и это будет возможно лишь в том случае, если взамен саксаульного угля появится другое топливо, ибо в настоящее время даже немногочисленные европейцы, проживающие в Бухаре, с большим трудом и лишь за большую плату приобретают дрова, для добывания коих туземцы ради наживы вырубают свои плодовые деревья.

По имеющимся сведениям, сады туземцев в Зиаудинском и Керменинском бекствах, откуда европейцы преимущественно добывают дрова, уже сильно поредели, и если б вырубка их ещё усилилась, то их хватило бы не более чем на год или два.

В непродолжительном времени Управление Закаспийской железной дороги предполагает приступить к разведкам в районе Керменинских гор, где предполагается присутствие каменного угля. Если предположения дороги оправдаются, что по отзыву некоторых сведущих людей пока весьма сомнительно, и если уголь окажется удовлетворительного качества и в достаточном количестве, то можно будет исподволь приучить к нему туземное население. То же самое можно было бы сделать, если б можно было изготовить искусственное топливо из колючки, которая обильно произрастает в обширных степях ханства, но в природном своём состоянии совершенно не пригодна для домашнего обихода, ввиду того, что сгорает очень быстро и не даёт никакого жара. До появления одного из означенных горючих материалов следует признать прекращение ввоза саксаульного угля абсолютно невозможным.

Мерами, принятыми для ограждения саксаульных зарослей от хищнической эксплуатации, достигнуто уже то, что уголь вывозится в значительно меньшем количестве, нежели раньше. Это усматривается, между прочим, из того, что цена на него в Бухарском ханстве, по сравнению с прежним, возросла примерно на 20%. Поэтому дальнейшее сокращение ввоза вызвало бы непомерное повышение стоимости этого предмета первой необходимости и имело бы самые печальные последствия для большой части незажиточного туземного населения.

Относительно размера вывоза угля можно только сказать, что то количество, которое вывозится в настоящее время, по-видимому, удовлетворяет потребностям населения, и увеличение спроса на это топливо следует ожидать только в случае наступления очень суровой зимы.

Что касается провозных свидетельств, выдаваемых углепромышленникам нашей администрацией, то казалось бы вполне возможным поручить бухарским должностным лицам в городах и базарных местечках отбирать эти свидетельства и возвращать их обратно через Политическое Агентство, но в мелких аулах и селениях установить подобный контроль едва ли окажется возможным ввиду отсутствия в них правительственных агентов, на которых обязанность эта могла бы быть возложена.

В заключении считаю долгом упомянуть ещё об одном весьма важном обстоятельстве.

В непродолжительном времени предполагается включение Бухарского ханства в нашу таможенную сферу. С осуществлением этой меры таможенный кордон на нашей границе с Бухарою будет упразднен, и если к тому времени не будет выработан какой-либо новый способ надзора, то вырубка и вывоз саксаула из Кызыл Кумов и обезлесение передвижных песков, грозящих засыпать бухарскую часть долины Зеравшана, не замедлит принять весьма обширные размеры. Насколько вопрос этот важен, доказывает то, что и в настоящее время, когда существует правильный таможенный надзор, попытки контрабандного вывоза угля составляют обычное явление и столкновения углепромышленников с пограничной стражей

происходят довольно часто; так, недавно ещё в пограничной полосе было два вооруженных столкновения, в одном из коих, по сведениям таможни, было даже убито несколько человек киргиз. Придется, вероятно, на большом протяжении сохранить нынешний таможенный кордон в полном размере с переименованием его только в пограничную лесную стражу или же значительно увеличить состав лесных сторожей. Во всяком случае, было бы весьма желательно, чтобы новый способ надзора за углепромышленностью был выработан заблаговременно, дабы до снятия таможенного кордона возможно было ознакомить с его организацией как бухарскую администрацию, так и пограничное население.

Управляющий Политическим Агентским
/Подпись/

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147. Оп. 485. Д. 541. Л. 4–7. Копия.

Примечания

[1] https://www.biodiversity.ru/programs/steppe/bulletin/step-1/step-2.html. Обращение 26.08.2019.

[2] https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/49/115&Lang=R. Обращение 26.08.2019.

[3] https://carececo.org/main/news/obzor-problema-opustynivaniya-na-globalnom-i-regionalnom-urovnyakh/. Обращение 26.08.2019.

[4] *Генис В.Л.* Вступление к публикации: Вильям фон Клемм. Очерк революционных событий в русской Средней Азии // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 3-4.

[5] Отчёт по поездке инженера путей сообщения Х.В. Гельмана в 1891–1892 гг. в Египет, Тунис, Алжир, Италию и Францию // ИТОРГО. Т. II. Вып. I, 1900. С. 120-166. Цит. по: *Жерлицына Н.А.* Русские научные экспедиции в Тунис в конце XIX – начале XX в. // Африканский сборник – 2011. СПб., 2012. С. 29-30.

[6] И по сей день, более века спустя, можно при желании найти в Интернете сайты, на которых рекламируется саксаульный уголь для шашлыков. Так, саксаульный уголь можно купить в Москве с доставкой из Павлодара: http://omsk.freeadsin.ru/ru-i-offer-i-id-i-478887-i-saksaul-saksaulinyj-ugoli-klassa-a-ip-sartov.html. Обращение 19.03.2019, или сайт «Знатный банщик» предлагает щепу из саксаула для копчения: https://znatny-banshik.ru/product/schepa-dlya-kopcheniya-saksaul. Обращение 26.08.2019.

[7] https://ru.sputniknews-uz.com/society/20170203/4734822/territorii-saksaula-sokratilis.html. Обращение 23.03.2018.

[8] https://mir24.tv/news/16278898/v-kazahstane-prodlyat-zapret-na-vyrubku-redkogo-saksaula. Обращение 23.03.2018.

[9] www.caresd.net/img/docs/4358.doc. Обращение 23.03.2018.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-30-37

А.Д. Васильев

А.Н. КУРОПАТКИН И ЗАГОТОВКА ЕГО ЗАПИСКИ «СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ВОПРОС И ЗАВИСИМОСТЬ ЕГО ОТ ВОПРОСА ВОСТОЧНОГО»

А.Н. Куропаткин известен как прекрасный военный аналитик. Всемирную известность и признание снискали его военно-статистические труды, в том числе такие, как «Алжирия» и «Кашгария»[1]. Менее известен А.Н. Куропаткин как политический журналист, хотя его перу принадлежит ряд публицистических материалов о состоянии армии и о российской внешней политике[2]. Интересным образцом политической журналистики А.Н. Куропаткина является его малоизвестная записка «Среднеазиатский вопрос и зависимость его от вопроса Восточного», которая хранится в РГВИА[3].

Чистовик записки датируется мартом 1879 г. и представляет собой оценку военно-политической ситуации в Восточной Европе и Центральной Азии, которая сложилась после окончания Берлинского конгресса. Автор анализирует предшествующую политику России, приведшую к началу русско-турецкой войны, и приходит к выводу о латентном кризисе российской балканской политики к началу 1879 г.

Записка появилась в преддверии завоевания Ахальского оазиса, остававшегося к тому времени нейтральной зоной между сферами влияния России и Великобритании. А.Н. Куропаткин задаётся вопросом, зачем же Россия, сделавшая так много уступок на Берлинском конгрессе, чтобы избежать общеевропейской войны, бросает вызов Англии в Центральной Азии? И почему российское Министерство иностранных дел, ранее так активно выступавшее против расширения зоны российского влияния в Центральной Азии, на этот раз решило горячо поддержать военных в их стремлении подчинить территорию Туркмении? К сожалению, нам неизвестна точка зрения самого А.Н. Куропаткина на данный вопрос.

Перед тем как перейти к анализу актуальной центральноазиатской политики, автор проводит весьма обширный анализ отношения ведущих европейских держав – Англии, Франции, Германии и Австро-Венгрии – к политике России на Балканах. Первая часть статьи на этом и заканчивается, её продолжение нами в личном фонде А.Н. Куропаткина не найдено.

Выводы А.Н. Куропаткина представляются достаточно реалистичными и заметно отличаются от общественных настроений того времени. По его мнению, политика России на Балканском полуострове зашла в тупик. Все крупнейшие европейские державы не заинтересованы в дальнейшем решении Восточного вопроса, испуганы заявлениями прессы о возможности создания единого панславянского государства и будут жёстко противостоять подобным намерениям, вплоть до образования оборонительного антироссийского союза. Представляются чрезвычайно актуальными и по сей день его оценки российской политики в отношении славянских народов, для которых союз с Россией был не целью, а средством получить автономию. Интересно и его предложение, что Россия для выхода из данного тупика и обеспечения военно-политической определённости и стабильности должна сделать публичное заявление о том, что её политические цели на Балканском полуострове достигнуты. Подобное заявление, по мнению А.Н. Куропаткина, сняло бы европейское напряжение в ожидании нового конфликта.

Записка, по всей видимости, представляет собой итоговый вариант первой части задуманной А.Н. Куропаткиным более масштабной статьи. Статья, по-видимому, осталась неопубликованной, по крайней мере, в

библиографии А.Н. Куропаткина о ней информации нет[4]. Записка была подготовлена в то время, когда А.Н. Куропаткин возглавлял Азиатскую часть Главного штаба и участвовал в обсуждении целого ряда стратегически важных для российской политики решений – о подготовке похода в Туркмению, предстоящем договоре с Китаем и судьбе занятого русскими войсками Илийского края. Журналистский стиль статьи позволяет предположить, что она предназначалась для публикации в одном из печатных органов Военного министерства. Вполне возможно, статья отражала взгляды части высшего командного состава русской императорской армии на сложившуюся на тот момент военно-политическую обстановку. Тем интереснее тот факт, что статья опубликована не была, вероятно, в угоду господствовавшему общественному мнению. Ниже публикуется полный текст данной статьи-записки. Орфография и пунктуация изменены на современные.

А.Н. Куропаткин

Среднеазиатский вопрос и зависимость его от вопроса Восточного

Год тому назад мы окончили великую, победоносную для нас войну. Войска наши дошли до стен Константинополя, покрытые славой. Мы даровали мир побеждённому врагу с великодушием, редким у победителя. Подписав мирный договор, мы сочли войну оконченной и затем твёрдо стремились устранить всякие поводы, могущие вызывать её вновь. Ради поддержания заключённого мира мы согласились с постановлениями Берлинского конгресса[5], перенесли захват Кипра[6], захват Боснии и Герцеговины[7]. Мы отступили от Константинополя, мы очищаем в настоящее время Адрианополь, мы готовимся в назначенный договором срок вывести все наши войска действующей армии[8]. Ничто не может изменить наше решение поддерживать мир: мы сдерживаем национальное чувство болгар, мы требуем от них подчинения членам международной комиссии, мы готовы карать их за слишком сильное проявление национального чувства, мы, наконец, спокойно переносим наглый поступок с нами Румынии, захватившей Араб-Табию[9], и терпеливо ждём по этому вопросу приговора Европейских держав.

Не менее сдержаны и скромны мы в предъявлении побеждённой Турции денежных требований в возмещение убытков войны.

Убытки эти громадны, наши собственные средства скудны, а между тем в списке кредиторов Турции держава, владевшая всем Балканским полуостровом, стоит на последнем месте и спокойно присутствует при разделе настоящих и частью будущих доходов современной Турции.

Наша твёрдость и неуклонность в стремлении к миру станут ещё более удивительными рядом с действиями Англии и Австрии. В то время как мы победителями уходим из страны, занятой грудью наших солдат, оставляем поля Филиппополя[10], залитые кровью долины Ески-Загры[11] и Казанлыка[12], оставляем Шипку с горой Св. Николая, австрийцы, поддерживаемые на этот раз Германией, не перестают преследовать планы захвата Митровицы и далее путей к Эгейскому морю, а английский флот продолжает стоять в виду Константинополя и в два дня может быть у наших портов в Чёрном море.

Потребность России в мире должна быть очень велика, если мы, привыкшие одним словом останавливать войну, готовую вспыхнуть между двумя великими нациями, терпеливо переносим оскорбление от нами созданной ничтожной Румынии.

Действительно, Россия жаждет мира, он ей необходим, и она благословляет того, кто, имея власть над жизнью и имуществом стомиллионного народа, первый дает урок терпению и уступчивости ради блага своих подданных.

Так мы действуем в Европе. Обернемся же теперь в сторону наших азиатских владений и посмотрим, стремимся ли мы там к миру так же упорно, как стремимся к нему в Европе.

Оказывается, что нет.

Оказывается, что, отступая в Европе, мы собираемся наступать в Азии. Но, быть может, готовящееся наступление есть только одно из звеньев того длинного ряда частных наступлений наших в Азии, предпринятых нами по настояниям местного начальства, первые представления которого встречали всегда отпор как со стороны Военного министерства, так особенно со стороны Министерства иностранных дел?

На этот раз наше наступление подготовлено при несколько иной обстановке. Правда, и на этот раз поступили заявления местного начальства о необходимости наступления, но вместо обычного отпора они встретили самую энергичную поддержку в нашем посланнике в Тегеране[13], не раз ранее восставшем против этого самого наступления. Представление посланника нашего было столь важно, что для обсуждения его состоялось совещание под председательством Его Высочества, главнокомандующего Кавказской Армией[14]. На этом совещании первым подал голос за движение вперёд в Текинский оазис и занятие его товарищ министра иностранных дел[15].

Только что состоялось высочайшее разрешение на занятие этого оазиса, как получена была обширная депеша нашего посланника в Лондоне, в которой граф Шувалов[16] считает необходимым для наших интересов не ограничиваться одним Текинским оазисом, но занять и Мерв.

Вслед за депешей графа Шувалова было получено письмо князя Святополк-Мирского 1-го[17], доказывающего необходимость распространения наших границ со стороны Закаспийского края до афганской территории, причём признаётся возможным занятие полосы земли вдоль северной границы Персии, не трогая Мерва.

Занятие Мерва приведет нас: 1) в непосредственное соприкосновение с Афганистаном, 2) с занятием его мы присоединяем себе территорию в 12 000 кв. миль пустыни с населением менее 500 000 человек; 3) продвигаемся вперед от Каспийского моря к Индии на 1000 верст и 4) уничтожаем нейтральную зону, созданную нашим Министерством иностранных дел по соглашению в 1869 году с представителями английских дипломатов (Кларендон, Форсит).

Или, быть может, наше положение в Азии изменилось, и мы, делая такой шаг, как занятие Мерва, разрушая 10-летнюю работу англичан и открывая себе путь на Герат, не вызовем протеста со стороны Англии, не говоря уже о её прямом противодействии, т.е. разрыве и войне?

Быть может, последние события сложились так, что отныне наши азиатские интересы не связаны с нашими же интересами в Европе и занятие Мерва не грозит уже разрывом с Англией, разрывом, которого мы так опасаемся в Европе, и где для избежания его сделали столько уступок?

Или, наконец, мы можем вести войну с Англией на Азиатском материке, а английский флот будет спокойно стоять в Мраморном море?

Если овладение Мервом и уничтожение нейтральной зоны не грозит нам разрывом с Англией, значит, положение наше и в Европе, и в Азии существенно изменилось.

Если же занятие Мерва по-прежнему грозит нам войной с Англией, то каким образом согласить все уступки, сделанные для избежания её нашими дипломатами в Европе, с прямым вызовом на войну, предлагаемым теми же дипломатами, по отношению к нашей азиатской политике?

Правильное решение поставленных вопросов возможно только после исследования нашего положения в Азии в зависимости от нашего положения в Европе. Только исследование этой зависимости даст возможность правильно отнестись к предложениям князя Святополк-Мирского и графа Шувалова относительно предстоящего нам образа действий в Азии. Разбор этих предложений составит предмет особой записки.

Прежде всего, рассмотрим задачи, которые Россия преследует в Европе.

В последние сто лет русской истории ясно обозначилось стремление наше решить Восточный вопрос согласно славянским интересам. При этом собственно русские интересы признаются общими интересами сла-

вян Балканского полуострова по их племенному родству, а также с интересами греков и румын по их религиозному с нами единству.

Русское общество в лице нескольких интеллигентных представителей горячо поддерживало своим сочувствием славянофильскую политику нашего правительства.

Позднее печать идёт тем же путём и требует борьбы против врагов славянства. Целью борьбы выставляется освобождение наших братий – славян и единоверцев из-под ига неверных. Цель эту преследовало и наше правительство. Не останавливалось ни перед угрозами войны, ни перед денежными средствами, ни, наконец, перед самой войной. Ему удаётся сломить главных противников славянских народностей – турок и увидеть на Балканском полуострове установленным новый порядок вещей.

Сербия, Черногория, Румыния, Греция, Болгария обязаны своим независимым существованием России.

Успех России в её освободительной миссии на Балканском полуострове уже давно питает надежду среди наиболее горячих славянофилов об объединении всего славянского мира в гигантское государство. При этом редко кто отдаёт себе полный отчёт: выиграет или проиграет Россия с образованием такого государства. Сделается ли она слабее или сильнее? Улучшится ли экономическое положение её подданных или ухудшится?

Думаем, что ответ не труден. Думаем, что присоединение к России каждой новой славянской территории и народности будет ослаблять Россию, а не усиливать. Думаем также, что объединение Россией всего славянского мира в одно государство может совершиться только через уничтожение Русского государства и через замену его государством славянским. В будущем эта замена, быть может, сделается неизбежной и полезной в интересах всего человечества, но в настоящее время замена эта невыгодна для русского народа, не принесёт ему ни покоя, ни благосостояния, а наоборот, отнимет много лучших народных соков для питания и охранения слабых, ещё малоизвестных и чуждых ему славянских братий.

Освобождая славян и своих единоверцев, Россия действовала с необыкновенным в истории бескорыстием. Но почему же, победив главного, как ей казалось, врага славян – Турцию, ей пришлось встретиться с новыми врагами его в лице Англии, Австрии и Германии?

Быть может, эти державы заподозрили бескорыстие России в её действиях на Балканском полуострове? И, быть может, они имеют на это право?

Нельзя скрыть, что наши противники имеют право относиться к нашим заботам о славянах весьма подозрительно. Во-первых, осуществление приписываемых России планов о создании всеславянского государства, возможно, может представляться в настоящее время только путём поглощения мелких славянских владений огромной Россией.

Стремление к подобному объединению справедливо вызывает опасение и подозрительность к действиям России не только у других народностей, но и среди самих славян.

Во-вторых, кроме миссии России освободить славян от ига турок и объединить их, завещана 200 лет назад Петром Великим другая миссия: сделать Чёрное море нашим внутренним морем, т.е. завладеть Босфором.

Англия, владея Гибралтаром, лучше других понимает, какую выгоду доставит нам владение Босфором. Эти выгоды идут вразрез с английскими интересами. Владея Босфором, мы сделаемся неуязвимыми для Англии и будем иметь более других шансов владеть и всем Балканским полуостровом как в политическом, так и в экономическом отношениях; отсюда и вывод нетруден: пока у нас есть стремление завладеть Босфором – Англия наш враг.

Австрия по массе населения есть славянское государство, но по господствующим народностям немецко-венгерское. Современная задача Австро-Венгрии до последнего времени заключалась в подчинении славянских народностей и в их нивелировке путём онемечивания и католицизма. Создание на Балканском полуострове сильных славянских центров, тяготеющих к России, невы-

годно для Австро-Венгрии. Образование же Россией Всеславянского государства угрожает ей распадением.

Опасность, грозящая Австрии при решении Восточного вопроса одной Россией, создала в ней значительную партию, поставившую целью взять на себя защиту славянских интересов на Балканском полуострове и уничтожить влияние России на балканских славян. Наиболее решительные представители этой партии пропагандируют объединение славян помимо России путём образования федеративного славянского государства, в которое войдут как славянские земли Австрии, так и славянские земли Балканского полуострова.

Для славян, принадлежащих к этой партии, для немцев и для венгерцев деятельность России на Балканском полуострове невыгодна и опасна. Существующее мнение, что Восточный вопрос должен быть решён походом на Вену, известно в Австрии. Известно ей также, что после войны с Россией исправленная граница её может пройти по Карпатам, оставляя Галицию в руках России.

В общем, пока мы берём на себя заботу об устройстве славян Балканского полуострова и стремимся к захвату Босфора, Австро-Венгрия наш враг.

Германия достигла объединения двумя войнами: 1866 и 1871 года. Россия оба раза поддерживала Германию готовностью обрушиться на её врагов. Нас считали естественными и искренними союзниками. В последнюю войну, однако, обнаружилось, что наши интересы несколько расходятся с интересами Германии.

Довольно неопределённый нейтралитет во время войны и явное недоброжелательство во время Берлинского конгресса – вот чем ответила Германия на нашу готовность обрушиться в 1871 году на Австрию, если бы она захотела воспользоваться удобной минутой отплатить за Кёнигрец.

Образование всеславянского государства, с 130.000.000 населением, кажется Германии, с 40 млн населения, не только невыгодным, но даже грозным.

Призрак возможной в Европе борьбы славянского мира с германским проник из печати в общественное сознание и настроил его враждебно по отношению к России.

При выборе между всеславянским государством, образованным Россией, или конфедерацией славянских земель, образованной Австрией, Германия предпочитает более выгодным для себя вторую. При этом немецкие земли Австрии могут быть присоединены к Германии, причём дело объединения немецкого народа в Европе будет закончено.

В общем, пока Россия стремится к объединению славян и захвату Босфора, Германия если и не открытый враг наш, то отнюдь не союзник.

Славяне Европы, вопреки мнению славянофильских органов, относятся к России недоверчиво. У них проснулась потребность выйти из-под гнёта как Турции, так и Австрии, это несомненно; вместе с тем, у них проснулось национальное чувство; но цели, которые каждая славянская народность ставит себе, не есть цели общеславянские, а узкие, национальные.

Чех, хорват, поляк, серб, болгарин, босняк, черногорец развились при столь разной исторической обстановке, что каждому, не ослеплённому славянофильством, понятно стремление этих народностей к автономии, а не к объединению; к федерации, а не к монархии. Славяне Европы боятся России. Они боятся поглощения ею. Возможность войти в состав могущественного всеславянского государства кажется им малозаманчивой, если при этом они рискуют утратить свою национальную самобытность.

В общем, Россия для славян Европы есть средство, а не цель. Раз достигнув при помощи России автономии или независимости, славянские земли при всякой дальнейшей попытке со стороны России руководить ими не только отнесутся к нам недоверчиво, но даже весьма легко могут перейти на сторону наших врагов.

В прошлую войну мы могли достигнуть двух целей: 1) освободить славян Балканского полуострова 2) захватить Босфор. В период движения нашей армии от Адрианополя к

Константинополю Россия переживала весьма важный исторический момент.

Решение Восточного вопроса, казалось, должно было совершиться согласно русским интересам и интересам славян Балканского полуострова. Приказ, отменивший движение наших войск на Бююк-дере, составляет поворотную точку. Босфор не был занят, и вместе с тем решение Восточного вопроса отодвинулось снова назад.

Все наши дальнейшие уступки были результатом этой первой.

Война окончилась. Освободив Босфор, война эта, несомненно, принесла пользу славянскому делу, но приблизила ли она решение в русских интересах Восточного вопроса, говоря прямее: вопроса о Проливах, или, по крайней мере, сделано ли будущее решение этого вопроса более лёгким? Ответ должен быть отрицательный. Мы могли иметь в прошлую войну в своих руках и Галлиполи, и Босфор, но не воспользовались возможностью захватить их.

Есть основание полагать, что такой успех с нашей стороны был несколько неожидан для Европы.

Наши частные неудачи под Плевной были слишком поспешно истолкованы в смысле нашей общей слабости.

Наоборот, силы Турции были преувеличены. Явилось мнение, распространённое и у нас, что война кончится взятием Плевны и не будет перенесена за Балканы. Зима служила для европейских стратегов в том порукой.

В действительности взятие Плевны, переход через Балканы, пленение шипкинской армии, разбитие армии Сулеймана, занятие Адрианополя и движение к Константинополю так быстро следовали одно за другим, что застали совершенно врасплох наших недоброжелателей, уже спрятавших своё оружие после успехов турок в первую половину кампании.

Можно думать, что, начни мы кампанию сразу с двойными силами против первоначально двинутых в Болгарию, мы не имели бы Плевны, но зато не стояли бы и под стенами Константинополя. Австрия и Англия остановили бы нас, вероятно, ранее, чем мы достигли бы Адрианополя, и, может быть, ещё под Софией.

Опасность, грозившая некоторое время Галлиполи и Босфору, устрашила Европу и соединила её против России на Берлинском конгрессе.

Мы в прошлую войну отказались от преследования чисто русских интересов в Восточном вопросе и преследовали только освободительные планы, но конгресс в Берлине не поверил бескорыстию нашему. В незахвате нами Босфора он видел ошибку с нашей стороны и слабость.

Хозяин Берлинского конгресса Бисмарк объяснил наши действия в прошлую войну так: «Русские проглотили на Балканском полуострове более, чем могли переварить». Очевидно поэтому, что единодушие против нас было вызвано скорее приписываемым нам завоевательным планом, чем деятельностью нашей как освободителей славян и объединителей славянского народа.

Отсюда можно сделать вывод, что союз европейских держав на конгрессе против России имел оборонительный характер, но не наступательный.

С целью обороны Европа поставила нас на Балканском полуострове в худшее положение, чем то, в котором мы находились до войны.

С целью вытеснения нас с Балканского полуострова появился в Мраморном море английский флот, занят Кипр, заняты Босния и Герцеговина, отторгнута от союза с Россией Румыния. Мы очищаем Балканский полуостров, имея неприятеля с фронта, фланга и тыла. При новом наступлении, если бы таковое было произведено, мы встретим против нас Австрию, Румынию, Турцию, Англию; что же касается Германии, то она на пути примкнуть к ним. Даже на содействие освобождённой нами Болгарии мы не вполне можем рассчитывать.

Какой же образ действий должна принять Россия ввиду такого единодушного противодействия всей Европы, и при том противодействия, имеющего в основе оборонительный характер?

Если интересы славян Балканского полуострова нам так близки, что ради них мы должны и готовы принять войну со всей Европой, если владение Босфором нам необходимо неотложно и мы имеем много шансов достигнуть овладения им силой, тогда надо готовиться к войне на всей нашей гигантской границе и вместе с ней и к новым, неисчислимым жертвам.

Если, наоборот, Россия сознаёт, что она для славян Балканского полуострова сделала всё, что было в её силах и даже в ущерб собственным интересам; если она сознаёт, что овладение Босфором может быть поставлено задачей будущего времени, а не настоящего, тогда Россия может уничтожить напряжённое состояние, в котором находится сама, а вместе с ней и чуть не вся Европа; тогда она может устранить ежедневную вероятность разрыва и новой, на этот раз общеевропейской, войны.

Для этого ей необходимо открыто признать свою миссию по освобождению балканских славян законченной и передать охранение интересов как Болгарии, так и Румелии в руки Европы[18].

Тогда Европа вздохнёт свободно, а вместе с тем вздохнём свободно и мы. Нетрудно видеть, что Европа не менее нас желает мира, ибо каждая из европейских держав в отдельности переживает в настоящее время тяжёлые минуты:

В Англии коммерческий и финансовый кризис внутри и неожиданные удары во внешней политике: ослабление её влияния у Высокой Порты; поражение в Африке, грозящее потерей огромного рынка; отступление в Афганистане, грозящее повторением катастрофы 1839 года.

В Австрии непримиримая вражда между тремя национальностями: славянской, мадьярской и немецкой. Неопределённость политики внутренней и внешней. Министерские кризисы, финансовые затруднения, грозящие перейти в банкротство.

В Германии распространение социал-демократических учений. Организация этого учения, поражающая числом членов. Борьба в палатах, финансовый и коммерческий застой, глухое, но несомненное недовольство населения. Ожидания войны с Францией.

Во Франции торжество республиканской партии. Усиление крайней левой. Подготовление к борьбе с Германией. Министерский кризис.

Державы эти, находящиеся каждая в отдельности в затруднительном положении, все вместе могут составить грозный союз против России. Каждая из них боится войны, и открытый отказ России от дальнейшей материальной поддержки славян Балканского полуострова разрушит союзы против нас, устранит опасность войны и даст, наконец, России желанный и необходимый покой.

Мы сделали ряд уступок и между тем мало обеспечили мир. Европа считает эти уступки вынужденными у нас и опасается, что при первой возможности мы откажемся от них и ринемся на Турцию, чтобы снова сделать попытку поглотить её. Вот почему наши уступки не сделали положение Европы определённым, и эта неопределённость и есть дамоклов меч, висящий над Европой и ежеминутно готовый на неё обрушиться. Неопределённость есть наихудшее и самое тяжёлое из всех положений.

Самые тяжёлые минуты для войск, назначенных на штурм, есть не самый штурм, а ожидание сигнала для него. Самое тяжёлое время для нашей армии в прошлую войну пережито ею не на полях сражений, а под стенами Константинополя, в ожидании сигнала снова начать военные действия.

Самое тяжёлое время, пережитое нашей родиной за прошедшую войну, есть не время военных действий, а последовавший за ними мирный, но неопределённый период.

Сделать наше положение в Европе определённым есть неотложная для России необходимость. Для этого есть два решения: 1) продолжать считать интересы Балканского полуострова нераздельными с нашими – это война; 2) признать, что миссия России по освобождению славян Балканского полуострова окончена, и передать участь их в руки Европы – это мир.

Мы выбрали пока среднее из этих двух решений, вследствие чего и результат нашей политики – это неопределённость.

Перенесёмся теперь в Азию и проследим постепенное развитие Среднеазиатского вопроса до настоящего его положения.

Полковник Куропаткин, (начальник Азиатской части Главного штаба).

6 марта 1879 г.

Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 165. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–18.

Примечания

[1] *Куропаткин А.Н.* Алжирия. СПб., 1877; *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

[2] См., например: *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.

[3] РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–18.

[4] См., например: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М.: Вост. лит., 2005. С. 135-136.

[5] 13.06 – 13.07.1878 г.

[6] Имеется в виду «Кипрская конвенция» 1878 г. и секретный оборонительный договор между Турцией и Англией, направленный против России.

[7] Имеется в виду захват Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в июле-октябре 1878 г.

[8] По условиям конгресса эвакуация русских войск должна была осуществиться в течение года.

[9] Араб-Табия («Арабская крепость») – самый восточный и значительный по своим размерам форт у Силистрии, на правом берегу Дуная. Был заложен в 1853 г. египетским гарнизоном Силистрии. В июне и июле 1854 г. осаждался русскими войсками. Позднее форт был расширен, так что в настоящее время превосходит самую крепость Силистрию. Румыны заняли Араб-Табию в 1878 г. после Берлинского конгресса как принадлежащую к отошедшей в их владение территории Добруджи. Вслед за тем возникло столкновение с Россией, требовавшей Араб-Табию для Болгарии. Румыны очистили форт 21 февраля 1879 г. Европейские державы назначили комиссию для улаживания спорного вопроса, и она решила его в пользу Румынии. Россия утвердила это решение в июне 1880 г. // Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона, т. Ia (1890): Алтай – Арагвай. С. 946–947.

[10] Совр. Пловдив.

[11] Имеется в виду сражение при Ески Загре 19 (31) июля 1877 г.

[12] В ходе русско-турецкой войны город несколько раз переходил из рук русско-болгарских войск в руки турок.

[13] В момент написания А.Н. Куропаткиным этой статьи посланником в Тегеране был И.А. Зиновьев.

[14] Имеется в виду М.Т. Лорис-Меликов.

[15] По всей видимости, имеется в виду управляющий Азиатским департаментом МИД, товарищ министра иностранных дел Н.К. Гирс.

[16] П.А. Шувалов, посол Российской империи в Лондоне (1874-1879 гг.).

[17] Д.И. Святополк-Мирский, помощник Кавказского наместника, великого князя Михаила Николаевича.

[18] Этот абзац подчеркнут самим А.Н. Куропаткиным.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-38-52

С.Л. Кузьмин

БАВУЖАВ ПРОТИВ ПАППЕНГЕЙМА: УНИЧТОЖЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ДИВЕРСИОННОЙ ГРУППЫ МОНГОЛЬСКИМИ ПОВСТАНЦАМИ В 1915 ГОДУ

В 1914 году началась Первая мировая война. Хотя основные боевые действия происходили на её европейских фронтах, большое значение для воевавших держав имел Китай.

6 августа 1914 года правительство раздираемого противоречиями Китая, стремившееся вдобавок захватить все земли бывшей империи Цин (в том числе некитайские), заявило о своём нейтралитете и попросило воюющие державы не переносить боевые действия на свою территорию. Однако это было нереалистично: Монголия, Маньчжурия и Китай входили в сферы влияния нескольких воюющих держав, там находились их концессии и зависимые территории. Маньчжурия и Монголия входили в сферы влияния России и Японии, причем ЮМЖД и КВЖД играли важную роль для снабжения российской армии из США и Японии. Германия контролировала территории в провинции Шаньдун, где располагалась её военная база Циндао. В августе 1914 года Япония объявила войну Германии и через 2 месяца захватила Шаньдун.

Германия посредством своих эмиссаров в Китае стремилась настроить его против стран Антанты, что позволило бы ей открыть второй фронт на Дальнем Востоке и, кроме того, перерезать пути снабжения России из дальневосточных портов.

В связи с этим немцы предприняли ряд шагов. В 1915 году появлялись сообщения о деятельности немцев в Южной Маньчжурии, направленной против России, причем число донесений о шпионаже заметно увеличилось в период «дела Мясоедова»[1]. Согласно сводке российской Пограничной стражи за 9 августа 1914 или 1915 года, Германия потребовала от Юань Шикая предпринять шаги к захвату КВЖД у России под предлогом занятия Барги (Хулунбуира). Президент отказался, ссылаясь на внутренние беспорядки и неорганизованность китайских войск.

Некоторые китайские командующие разделяли планы Германии. «Для убеждения командующих войсками в Гирин, Мукден и Цицикар прибыли под видом представителей германских ружейных заводов германские офицеры»[2]. По донесению одного из русских офицеров[3] от 19 (21) февраля 1915 года[4], немецкое консульство в Мукдене наняло шайку хунхузов (в частности, во главе с Ли Ванъю и Чжан Саньчжу) для порчи КВЖД. Немцы снабдили шайку взрывчаткой. К западу от Цзиньчжоу немцы послали с той же целью агентов в шайку китайских революционеров[5]. Планировалось разрушать и другие железные дороги. В ответ на ноту российского посланника в Пекине, что в Хунчуне, Хулине и других пунктах провинции Гирин германские шпионы организуют шайки хунхузов для порчи Уссурийской железной дороги, поступил ответ, что губернатору Гирина и командиру китайской 23-й дивизии предписано принять меры для охраны дороги[6].

В связи с этим командующий войсками Приамурского округа лично осмотрел все сооружения Уссурийской и КВЖД и счёл, что прибывших для их охраны 10 ополченческих дружин недостаточно. Он дал указания по охране Хинганского тоннеля и важнейших мостов у Фулярди и Харбина, а также распорядился проводить разведывательные рейды[7].

Однако диверсионные планы были более широкими. Согласно российским разведданным, германское консульство в Мукдене создало организацию из китайцев для порчи российских и японских железных дорог и

нанесения другого вреда. В немецкой инструкции для этой организации говорилось о дружбе Германии и Китая, о том, что русские и японцы, вторгшись в Маньчжурию, нарушают права китайских властей: «вожделения России и Японии очевидны и направлены к уничтожению Китая». Если Китай готов организовать свои силы, Германия не пожалеет средств.

Правительство Германии приказало посланнику в Пекине поставить некоего Мулинь-цзиня во главе организации Гунвэйтуань («Общество нерушимой охраны»), имеющей целью поддержку Китая. Согласно инструкции, главная цель этой организации – «поддержка Восточной Азии, объединение китайцев и удаление из Китая России и Японии». Главный её орган находился в Мукдене. Предполагалось, что она учредит в Маньчжурии газету на китайском языке. «Одной из целей организации является причинение России как можно больше вреда, пользуясь тем, что она занята войной в Европе». Начальник организации будет платить вознаграждение.

Был приведён перечень, какие китайцы в какой район командированы для агитации, а также перечень главарей хунхузов, нанятых для разрушения военных учреждений России, повреждений во Владивостоке, ограбления станций и поселков, минирования порта во Владивостоке, людей для подкупа российских чиновников, правила выплат вознаграждения, суммы (до 30 тыс. марок и более). «Организация пригласила и командировала для агитации против России китайцев, бывших преподавателей монгольского языка в Мукдене, хорошо владеющих монгольским языком, по фамилии Чжан Саньчжу, Ин Ванъю, монгола Аликэбу. Агитаторы должны доказать монголам опасность от сближения с Россией и стараться, напротив, сблизить монголов с Китаем. Кроме того, командируются ученики той же школы Ли Цзюньянь и Ван Яодун в район Барга (вост. и западн. Хайлара), гор. Кяхту для той же агитации. Если найдутся монголы, пожелавшие присоединиться к этой организации, должно образовать соответствующую организацию с целью нанесения вреда русским интересам. Кроме того, монголы, имеющие возможность нанести материальный вред русским учреждениям или предприятиям, получат хорошее вознаграждение». Организация насчитывала 24 человека, говоривших по-китайски и по-русски, среди них был один монгол[8].

Как видим, планировалось создать целую диверсионную сеть, используя в этих целях не только хунхузов, но и агитаторов среди местного населения, причем действия намечались не только в Китае и Маньчжурии, но и в Монголии.

Вместе с тем планировались более быстрые акции. Активное участие в их подготовке принял военный атташе германской миссии в Пекине Вернер Рабе фон Паппенгейм (1877–1915). Этот пост капитан германского Генерального штаба занял незадолго до войны – в 1913 году[9]. В 1915 году он предпринял диверсионную вылазку с целью организации взрывов на КВЖД, чтобы нарушить снабжение российской армии через тихоокеанские порты. Эта попытка была пресечена монгольскими повстанцами во главе с Бавужавом, боровшимися за независимость всей Монголии от Китая, которые уничтожили диверсионную группу. Эти события упоминаются или кратко описаны в некоторых публикациях[10], опубликованы некоторые материалы, их затрагивающие[11]. В российских архивах имеются документы, в том числе пока не введенные в научный оборот, позволяющие довольно подробно реконструировать эти события.

В январе 1915 года[12] Паппенгейм в сопровождении восьми германцев, бежавших из Циндао, добыл китайские паспорта для охотничьей экскурсии внутри страны. Он прибыл в район между железнодорожными станциями Бухэду и Цицикар с 20 верблюдами и большими запасами взрывчатых веществ с целью взорвать тоннели на «российской железной дороге» и направился в Маньчжурию. Паппенгейм предложил китайскому чиновнику за содействие 50 тысяч рублей.

Русские попытались перехватить эту партию[13]. Российским дипломатическим органам в Монголии и Китае были разосланы соответствующие уведомления. Уже 24 февраля 1915 года управляющий генконсульством в Монголии А.П. Хионин телеграфировал из Урги в Петербург, Пекин и Харбин о том, что в ставку Бабучжаба в местечке Гахай-или на границе с Удзумчинским хошуном (Внутренняя Монголия) прибыл из Калгана германский караван в несколько вьючных верблюдов с взрывчатыми веществами. Германцы приглашали на службу монголов, обещая большое жалование и богатую добычу, предполагали сформировать отряды по 30–40 человек для порчи полотна КВЖД и ЮМЖД и ограбления поездов, занятых перевозкой орудий, снарядов и прочего в Россию. Хионин выслал разведчиков[14].

На следующий день (25 февраля/10 марта) Хионин телеграфировал туда же: «Бабучжаб срочно доносит Сайн-нойону[15], что часть германцев двинулась к Хайлару»[16]. В тот же день П.К. Усатый[17] телеграфировал из Хайлара в Пекин: «Через Монголию с юга по направлению к линии КВЖД между Бухэду и Цицикаром двигается немецкий разъезд, имеющий целью разрушение железной дороги и тоннеля. Разъезд состоит из восьми немцев под началом капитана генерального штаба атташе германской миссии в Пекине фон Паппенгейма. Разъезд сопровождают четыре китайца и один монгол. Караван состоит из 24 верблюдов и 5 лошадей, имеются разрывные снаряды, один из коих доставлен в Консульство вместе с картой, данной немцами монголам, визитной карточкой Паппенгейма и его военно-сапёрной книжкой. Немцы склоняли начальника монгольских войск Уцзун-Мучин[18] 50 000 рублей. Изложенное сообщено нашим военным властям»[19]. Как будет видно из последующего, Паппенгейм пытался создать монгольскую группу, но не смог.

На следующий день, 11 марта (26 февраля), копии этих трёх телеграмм товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов препроводил в Главное управление Генерального штаба в отделение генерал-квартирмейстера генералу от инфантерии М.А. Беляеву[20]. Через день российский военный агент в Китае Н.М. Морель, ссылаясь на сообщения из Урги и Хайлара, телеграфировал о немецком разъезде управляющему КВЖД Д.Л. Хорвату.

По уточнённым данным, в разъезде Паппенгейма было 8 немецких солдат, бежавших из Циндао, 4 китайца, 1 монгол, 20 верблюдов и 5 лошадей с грузом подрывных средств. Российский посланник в Пекине В.Н. Крупенский потребовал от китайского МИД энергичных мер против нарушения немцами китайского нейтралитета: «Я обратил самое серьёзное внимание министра иностранных дел на нарушение немцами китайского нейтралитета и потребовал принятия решительных мер против подобных попыток, указав вместе с тем на невозможность дальнейшего пребывания Паппенгейма в качестве военного агента при германской миссии, с чем министр иностранных дел вполне согласился»[21].

Детали разговора Крупенского в МИДе просочились в прессу. «Японский официоз» в Дайрене сообщил, что Крупенский в категорических выражениях заявил протест пекинскому правительству за разрешение военному атташе германского посольства и восьми германским солдатам странствовать по Внутренней Монголии под предлогом охотничьей экскурсии «в сопровождении шайки хунхузов»; они совершали стратегические изыскания в течение месяца, что было нарушением нейтралитета Китая[22]. Крупенский и позже старался склонить МИД Китая к пресечению деятельности группы Паппенгейма. На это он получил ответ, «что местным властям уже были даны указания, а ныне, на основании сообщённых мною сведений, даются по телеграфу приказания принять все возможные меры к задержанию Паппенгейма и его спутников»[23].

Усатый полагал «возможным задержать немецкий разъезд или хотя бы установить за ним наблюдение посылкой нашего разъезда. Доставивший сведения о немцах запасной гренадёр Шадрин, видевший этот разъезд и хорошо говорящий по-монгольски, изъявля-

ет согласие быть проводником. Монгольские власти готовы оказать нам всяческое содействие предоставлением разъезду сменных лошадей на 15 человек и продовольствия. Изложенное сообщено нашим военным властям». 1 марта готовился к отправке разъезд из 15 человек под командой офицера. Местные монгольские власти оказывали широкое содействие[24].

27 февраля сайд (наместник) восточной части объявившей независимость Монголии Егузэр-хутухта Ж. Галсандаш написал правителям Барги письмо следующего содержания. Немцы сказали Бавужаву: «Со стороны китайских солдат препятствий не будет – есть ручательство Юань Шикая». Бавужав ответил, что не даст солдат, потому что «взятые ими с собой деньги в нашей земле не известны» (речь идет о китайских кредитках). Для сопровождения немцев Бавужав послал старшину отряда Данминбу и солдата Тумура. Старшины отряда Бавужава говорили своему командиру, что они ни за какое вознаграждение не пошли бы с немцами, а задержали бы их для доставки в Ургу. Однако тот во избежание скандала от задержания немцев воздержался, но попросил у них три бомбы, одну из которых отдал для исследования Шадрину. Последний привёз её Хионину, у которого она хранилась первое время[25].

Бавужав со своим отрядом был готов помочь России в ликвидации немецкой диверсионной группы. 1 марта 1915 года Усатый послал телеграмму в Ургу, «прося предписания монгольскому правителю Бабучжабу и начальникам других хошунов о содействии нашему разъезду»[26]. В ответ Сайн-нойон-хан обещал послать предписание Егузэр-хутухте и Бавужаву «оказывать нашему разъезду, высланному на розыски и для задержания немцев в Силингольский сейм, полное содействие. С своей стороны, частным письмом прошу их сделать то же самое и следить за германцами»[27].

Вскоре Егузэр-хутухта сообщил властям Барги, что немецкий разъезд двинулся обратно к уезду Линсянь к востоку от Долоннора[28]. По-видимому, это произошло гораздо раньше, и сведения к Егузэр-хутухте пришли с большим опозданием (см. ниже).

Как уже упоминалось, информацию об обнаружении диверсионной группы, которая склоняет монголов к разрушению КВЖД, сообщил Усатому приехавший из Внешней Монголии запасной гренадёр Г.А. Шадрин, служащий торговца А.М. Берковича[29]. Как видно из приводимых ниже документов, Шадрин, встретивший группу Паппенгейма у лагеря Бавужава, привез русским весьма ценную информацию.

«Милостивый государь Владимир Александрович, ввиду поступивших сведений о появлении в Монголии немецкого разъезда с целью разрушения полотна железной дороги в районе Бухэду – Цицикар, начальником Цицикарского отделения железной дороги полицейского управления КВЖД было произведено по этому поводу расследование, которым, как видно из донесения начальника названного управления, выяснено, что запасный гренадёр Григорий Шадрин, ехавший 13 января сего года по торговым делам из Хочубейсы в княжество Хунхучит, узнал по дороге от монголов о прошедшем перед ним караване, состоящем из 20 верблюдов и 5 лошадей, при котором находилось 8 человек иностранцев, 4 китайца и 1 монгол.

Прибыв в Койхалис, Шадрин действительно увидел там какой-то отдыхавший караван, причём начальник расположенного в Кохайлисе монгольского отряда гуна Бабучжаба сообщил ему, что караван этот немецкий и во главе его стоит капитан германского Генерального штаба Вернер Рабе фон Паппенгейм, что немцы эти снабжены охранным листом от центрального китайского правительства и обращались к нему с просьбой дать им 300 солдат для производства порчи КВЖД, чтобы этим помешать перевозке оружия, купленного Россией в Мексике; за услугу эту немцы обещали дать ему 50 тысяч рублей.

Кроме сообщённых сведений, гун Бабучжаб передал Шадрину визитную карточку и книжку на немецком языке, карточку на китайском, карту и письмо на монгольском

языке и, кроме того, снаряд. По представлении этих вещей Шадриным русскому вице-консулу в Хайларе Усатому оказалось, что карточка на немецком языке имела надпись "Вернер Рабе фон Папенгейм, капитан Генерального штаба, военный атташе при германской миссии в Пекин", а немецкая книга являлась военно-сапёрной книжкой за № 321 с надписью на первой странице "ф. Паппенгейм, капитан Генерального штаба", карточка на китайском языке имела надпись "Лань ли сюнь"; письмо на монгольском языке оказалось сообщением Гомбохутухты на имя правителей Хулунбуира о том, что прибыло несколько германцев с монгольскими и китайскими проводниками в количестве 12 человек с намерением разрушить железную дорогу, по которой перевозится купленное Россией в Америке оружие, и что германцы просят за вознаграждение дать им несколько сот солдат для того, чтобы отправиться в Хайлар для разрушения дороги; и что, отказавшись от этого предложения, гун Бубучжаб сообщил об этом официально сановникам Урги с просьбой спешных указаний, так как германцы имеют с собою несколько ящиков с бомбами. Ввиду чего Егузэр-хутухта приказал не допускать германцев к порче пути и расследовать, куда они направляются, причём посланные донесли, что, по слухам, германцы имеют ещё два аэроплана, которые возят с собой. В конце сообщения Егузэр-хутухта просит правителей Хулунбуира сделать распоряжения подведомственным им властям о бдительном наблюдении и, ввиду дружественных отношений с Россией, сообщить об этом российскому консулу в Хайларе.

Снаряд, переданный Шадрину гуном Бабучжабом, будучи подвергнут экспертизе, оказался содержащим взрывчатое вещество, по-видимому, прессованный мелинит, пригодное для производства подрывных работ. После взрыва снаряда в земле образовалась воронка 1½ аршина диаметром. По словам Шадрина, он лично видел 29 января сего года, как немцы показывали монголам обращение с такими разрывными снарядами. Для поимки вышеозначенного каравана послан разъезд от 5-го Заамурского конного полка. О вышеизложенном имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству для сведения.

Уважающий Вас Ваш покорный слуга /подпись: В. Джунковский/»[30].

Через восемь дней Сухомлинов докладывал Николаю II: «Всеподданнейше докладываю Вашему Императорскому Величеству, что в середине января месяца сего года в пределах Монголии на пути от Калгана к линии КВЖД был обнаружен разъезд в составе 8 германцев, 4 китайцев и 1 монгола с 20 верблюдами и 5 лошадьми. Разъезд этот находится под начальством военного атташе при германской миссии в Пекине капитана Генерального штаба Вернера Рабе фон Паппенгейма; все чины разъезда имеют при себе охранные листы от центрального китайского правительства.

Разъезд снабжён подрывными средствами и имеет целью порчу пути и разрушение искусственных сооружений нашей КВЖД на участке Цицикар – Хайлар. По пути своего следования фон Паппенгейм обращался к начальникам монгольских отрядов с просьбой о содействии; так, одного из них он просил предоставить в его распоряжение 300 солдат за вознаграждение в 50 000 рублей.

Нашим посланником в Пекине потребовано от китайского МИД принятие энергичных мер против нарушения германцами китайского нейтралитета.

Одновременно для задержки германского разъезда выслан из Хайлара в Монголию разъезд 5-го Пограничного Заамурского конного полка, которому монгольские власти оказывают широкое содействие. Согласно секретной телеграмме вице-консула в Хайларе от 18 марта сего года, немецкий разъезд в настоящее время двигается к урочищу Линсяню, расположенному в 300 верстах к северо-востоку от Долоннора»[31]. На документе стоит помета: «Его Величество изволил читать».

В тот же день товарищ председателя правления Общества КВЖД А. Власьев сообщил правлению Общества 27 марта 1915

года, что цицикарский цзяньцзюнь (военный губернатор) встречался с ним на станции Цицикар и заверил, что принял «самые энергичные меры к недопущению к КВЖД организованной германским военным агентом экспедиции для разрушения железной дороги и вообще к охране её от всяких подобных покушений»[32].

Секретная агентура российского консульства в Харбине 15 апреля 1915 года сообщала следующие сведения из переписки китайских властей по поводу экспедиции Паппенгейма. Наличие немцев в Монголии обнаружено российскими подданными Шадриным, Берковичем и Берманом, которые видели немецкий разъезд в хошуне Дзун-Хучит Шилингольского сейма. В секретной телеграмме Вайцзяобу (МИД Китая) хэйлунцзянскому цзяньцзюню Чжу говорилось, что недавно был без всякого основания предъявлен протест в том, что Паппенгейм с вооружёнными людьми направился во Внутреннюю Монголию; неизвестно, откуда эти слухи, поэтому МИД дал распоряжение местным властям собрать об этих немцах сведения. В телеграмме гиринского дипломатического бюро, посланной в Вайцзяобу, говорилось, что меры охраны КВЖД после объявления войны были усилены; слухи о немецких диверсиях разносили китайские агенты, нанятые штабом Заамурского округа – они хотели получить за это награду; русские всё принимают на веру; видя это, сами немцы стараются распускать такие слухи. Согласно телеграмме хэйлунцзянского цзяньцзюня в Вайцзяобу, у него нет сведений о германском караване – видимо, это слухи, он уже сделал распоряжения о задержании каравана[33].

По-видимому, китайское правительство, лавируя между Россией и Германией, не отказало группе Паппенгейма в паспортах для «охотничьей экскурсии», а затем китайские власти, не имея о ней точной информации, пользовались в основном не реальными наблюдениями, а слухами и умозаключениями.

Между тем российский разъезд, высланный для выяснения вопроса о группе Паппенгейма, доставил в штаб Округа важные сведения, вывод из которых состоял в том, что «немцы все убиты и трупы их сожжены». Подробности выяснялись[34]. По донесению российского вице-консула в Хайларе, «начальник отряда монгольских войск в Восточной Монголии Бабучжаб по собственной инициативе уничтожил немецкий разъезд. Подробности запрошены и сведения проверяются»[35]. Морель имел в виду телеграмму Усатого от 31 марта (13 апреля) в Пекин, где сообщалось: «Разъезд, посланный в Монголию, вернулся. Выяснено, что Бабучжаб по своей собственной инициативе уничтожил весь немецкий разъезд, о чём, опасаясь китайцев, просит не разглашать. Бабучжаб прислал мне об этом официальное сообщение». На этом сообщении 16 апреля Николай II, находившийся в Царском Селе, поставил резолюцию: «Молодец. Кто он?» В ответ Сазонов в докладной записке от 18 апреля сообщил, что «князь Бабучжаб – один из тех князей Внутренней Монголии, которые объявили о своём отложении от Китая и признали над собой власть ургинского хутухты. Князь Бабучжаб стоит во главе тех войск, которые монгольское правительство выдвинуло в сторону Внутренней Монголии»[36].

В документах МИД сохранилось подробное описание итогов работы российского разъезда. Выехав «в начале февраля для розыска немецкого разъезда», он вернулся обратно 30 марта. Российский разъезд под командой штаб-ротмистра Костюра с проводником Шадриным состоял из 15 человек. Быстрый переезд удалось сделать лишь благодаря любезности «баргинских властей, предоставивших право пользоваться сменными лошадями на станциях. Российский разъезд по дороге к Бабучжабу остановился в Егузэр-сумэ. Торгующий там Абрам Беркович сообщил, что 18 февраля отправил Бабучжабу письмо, чтобы тот задержал немцев, от Бабучжаба приехал гонец, который сообщил, что меры к задержанию приняты, Бабучжаб просит Берковича приехать». Когда Беркович туда приехал, Бавужав сообщил ему, что перебил весь немецкий разъ-

езд с китайцами и монголом 6 февраля при следующих обстоятельствах.

5 февраля Паппенгейм послал солдата в Пекин с донесением военному атташе[37]. Для сопровождения этого немецкого солдата Бавужав командировал своего солдата, который по дороге убил немца и доставил его труп обратно, при нём была найдена записка на немецком языке от Паппенгейма о том, что этот солдат должен быть допущен к атташе без препятствий для разговора.

5 февраля немецкий разъезд двинулся от Бавужава на восток к Линьсисяню. «Для сопровождения его Бабучжаб дал своих солдат, которые на следующий день 6 февраля в дороге убили всех немцев, а также сопровождавших их китайцев и монгола. При этом сам Паппенгейм, сначала только раненый, успел убить одного из монгольских солдат и одного ранить. Желая затем скрыть следы, Бабучжаб приказал все трупы сжечь; их облили найденной во вьюках горючей жидкостью и сожгли. Берковичу, по словам шт. ротм. Костюра, Бабучжаб показывал только оставшиеся черепа и кости. Значительное количество бывших при них бумаг монголы также сожгли. Бабучжаб передал Берковичу означенную выше записку на немецком языке, три охотничьих билета, выданных в Германии на имя Паппенгейма в 1907 и 1908 гг., охранный лист на китайском языке, выданный германским консулом в Тяньцзине 3 сентября 1913 г. на имя Паппенгейма, на обороте этого листа написано карандашом «20.12.14 Калган»; кредитный билет китайского банка (Банк оф Чайна) в 10 долл., которых будто бы при немцах было 100 000 долл.; несколько разрывных снарядов, капсюлей и бикфордов шнур. Все эти вещи переданы Берковичем начальнику разъезда шт. ротм. Костюре, который представляет их по начальству. Бабучжаб очень опасается мести со стороны китайцев, по его мнению, содействовавших немцам, поэтому убийство немецкого разъезда держится в большом секрете.

К сожалению, разъезд наш, находясь в расстоянии от Бабучжаба всего около 200 верст, не доехал к нему, чтобы на месте собрать более подробные данные об обстоятельствах дела, личностях немцев, имевшихся у них документах и проч. У Бабучжаба, например, остался фотографический аппарат, взятый у немцев. Беркович видел пять ящиков подрывных снарядов, которые хранятся у Бабучжаба. Бабучжаб через Берковича доставил мне с разъездом официальное отношение, в переводе при сём прилагаемое, в котором он сообщает об убийстве немцев и просит за это награды. Со своей стороны полагал бы, что Бабучжаб награду заслужил. Заслуживают поощрения также русские подданные Григорий Шадрин и Абрам Беркович»[38].

Как видим, об уничтожении группы Паппенгейма в России узнали не раньше, чем через месяц. Однако в столице Внешней Монголии были осведомлены об этом гораздо раньше, в основном по сведениям, поступавшим от Егузэр-хутухты Галсандаша. В документе министерства всех дел Монголии от 24-го дня 2-го месяца 5-го года Многими Возведённого (февраль 1915 г.), подготовленном на основании послания военного министерства, довольно подробно излагается история с группой Паппенгейма. Рассмотрев этот вопрос, в 25-й день того же месяца Богдо-гэгэн VIII издал указ о награждениях. Согласно этому указу, гун Бавужав, который хорошо выполнил законы Монгольского государства и «укрепил дружбу между народами» (т.е. между Монголией и Россией), получил следующий феодальный титул – бэйсэ, Галсандаш – зеленую карету с почётной жёлтой отделкой, командиры подразделений отряда Бавужава – почётное звание *тэргүүн* (первый, передовой, главный), *отго* (павлинье перо на шапку – феодальный знак отличия) и шёлковые подстилки, солдаты – кушаки, табак и фрукты[39]. Примечательно, что в этом документе Паппенгейм и Германия прямо не названы, а восемь немцев обозначены как восемь русских (в то время монголы всех европейцев обычно называли русскими).

Позже Бавужав сообщил о деле с Паппенгеймом вице-консулу в Хайларе

П.К. Усатому. Вот перевод этого письма, доставленного Берковичем:

«С монгольского. Перевод сообщения потомственного тушэ-гуна Бабучжаба на имя императорского вице-консула в Хайларе от 12-го числа средней весенней луны 5-го года Многими Возведённого[40] (14 марта 1915 г.).

Причина дружественного послания: 25 числа 12 луны прошлого года в отряд мой прибыл один германский начальник с 10 с лишком солдатами и значительной кладью. Германец этот просил меня дать 200 солдат, чтобы отправиться для разрушения тоннеля железной дороги, по которой Россия доставляет орудия, купленные у Америки, обещав дать 50 000 руб., с тем, чтобы орудия получить им. Кроме того, обещал сказать Юань Шикаю, чтобы нас присоединили к Китаю. Не дав согласия, я, ввиду дружественных отношений с русскими, сообщил об этом русскому Абраму (Берковичу) и в подлежащие места.

Ввиду того, что люди эти, будучи отпущенными, могли бы создать Почтенному Государству много неприятностей, я, посоветовавшись с чиновниками, решил принести Государству посильную пользу, убив всех этих людей. При этом у нас один солдат убит и один ранен. Вызванный Абрам видел все трупы. Единственно мы беспокоимся и опасаемся, что, если Германия узнает о случившемся, то у нас не будет достаточно оружия.

Сообщая об изложенном по дружбе почтенному консулу, просим передать изложенное Государю императору Почтенного Государства для какой-либо награды и не сообщать об том другим государствам.

Сего ради, в надежде на дружественные отношения, послано»[41].

Бавужав писал также Хионину. Он кратко изложил историю с немецким разъездом, просил не доводить об этом поступке до сведения иностранцев и указывал, что мог бы прибыть сам с той же целью – уведомить Хионина. «Для большего же спокойствия, не будет ли признано лучшим командировать в место расположения моего отряда чиновника с несколькими солдатами, которые в случае обнаружения подозрительного дела, при вооружённой помощи с моей стороны, могли бы прекратить его в самом начале»[42].

Перечень документов, переданных Бавужавом, примечателен тем, что там нет тех новых китайских паспортов для охотничьей экскурсии на Паппенгейма и ещё восемь немцев, о которых писали российские дипломаты (см. выше). Были лишь три довоенных охотничьих билета и охранный лист на Паппенгейма от немецкого консула с датой, исправленной на 20 декабря 1914 года. Были ли какие-то другие документы, в частности, на немецких спутников Паппенгейма, остаётся неизвестным.

Естественно, российские власти стали выяснять, действительно ли была уничтожена группа Паппенгейма. Как и можно было полагать, германская миссия в Пекине официально отрицала пребывание Паппенгейма в Монголии, требовала все документы экспедиции, так как версия убийства ее казалась «до некоторой степени подозрительной». Российская миссия указывала, что «при этом невольно возникает сомнение, не откупились ли немцы у последнего[43] и не внушили ли они ему мысль распустить слух о их смерти для того, чтобы, обманув таким образом нашу бдительность, привести с большей лёгкостью задуманный ими план в исполнение» – поэтому жаль, что штаб-ротмистр Костюра не исполнил до конца поручение и не поехал в ставку Бавужава для личного свидания[44].

Действительно, были слухи, что Паппенгейм жив и здоров. Одна японская газета опубликовала телеграмму, что Паппенгейм прибыл в Сибирь. Немцы в Америке говорили, что он отправился из Китая через Афганистан в Персию[45]. Однако российские дипломаты считали, что сам глава германского дипломатического представительства в Китае «является также главой службы шпионажа и главным зачинщиком покушений и заговоров, вроде того случая с капитаном Паппенгеймом»[46].

В мае 1915 года Крупенскому были доставлены все документы по экспедиции Пап-

пенгейма в Монголию[47]. Со своей стороны, и.д. военного агента в Пекине Морель 24 мая (7 июня) 1915 года направил рапорт в Главное управление Генерального штаба с изложением всех «за» и «против» ликвидации группы Паппенгейма. В частности, он отмечал донесение Бавужава Егузэр-хутухте для ургинского правительства, что он «отказался осуществить предложение своих офицеров захватить немцев и доставить их в Ургу, в виду приказания хутухты не допускать насилий по отношению к иностранцам».

По заявлению китайского правительства, германская миссия в Пекине заявила, что ей ничего не известно об экспедиции Паппенгейма и, по её сведениям, он выбыл из Китая на театр военных действий. Морель отвечал, что такое заявление немцев можно объяснить их стремлением снять с себя ответственность перед китайским правительством за нарушение его нейтралитета.

Предположение, что Паппенгейм жив, основывалось главным образом на этом заявлении; на мнениях, высказываемых по тому же поводу представителями нейтральных государств в Пекине; на результатах наблюдения за женой Паппенгейма. Мнения представителей нейтральных государств сводились «к допущению возможности пребывания Паппенгейма в Монголии в целях охоты и нападения на него монголов», при этом они сомневались в его смерти. Одни указывали, что он находился до последнего времени в Шанхае, где поджидал приезда своей жены из Пекина, чтобы вместе отправиться через Америку в Германию, другие – что он уехал в Сан-Франциско, где ждал прибытия жены; третьи – что он пробрался через Западный Китай, Афганистан и Персию в Турцию.

По мнению Мореля, эти мнения были основаны на слухах, распространявшихся немцами. Негласные наблюдения за женой Паппенгейма в Пекине и Шанхае до её отплытия оттуда 16 мая на американском пароходе «Корея» в Сан-Франциско не обнаружили свидетельств, что ей известен факт смерти мужа. Но это могло быть результатом «сделанных ей заверений со стороны германского представительства в Китае, не желающего из вышесказанных побуждений открыть ей истины о судьбе мужа до её прибытия в Германию». Миссия в Пекине телеграфировала российскому посольству в Вашингтоне «об установлении наблюдения за его женой с момента её прибытия в Сан-Франциско, и подобная же мера наблюдения принята японцами». Морель сделал вывод, что, хотя пока нет точных данных, жив Паппенгейм или нет, весьма вероятно, что он убит[48].

Тем не менее, Крупенский попросил дзасак-ламу Агвана Яримпила при поездке во Внутреннюю Монголию собрать сведения об экспедиции Паппенгейма. Прибыв туда, Агван-лама в письме из Долоннора от 16 (29) июня сообщил, что, по наведённым им тщательным справкам, убийство отряда Паппенгейма Бавужавом бесспорно и произошло 6 (19) февраля 1915 года. Это совпадало со сведениями из Хайлара и с числом, поставленным Паппенгеймом в записке его убитого гонца[49].

Поступило подтверждение смерти Паппенгейма и опровержение газетных статей, что он через Туркестан последовал в Константинополь; жена его из Шанхая в Германию уехала в трауре[50]. Примерно в то же время влиятельная газета «Peking Daily News» также сделала вывод о гибели этого офицера[51]. Согласно отзыву российского посланника в Пекине, по справкам, наведённым заслуживающими доверия агентами, убийство «шайки» Паппенгейма является бесспорным[52].

В июне 1915 года, после прояснения ситуации с Паппенгеймом, встал вопрос о награждениях. Первым этот вопрос поставило вице-консульство в Хайларе. Оно предложило наградить Шадрина серебряной медалью «За усердие» для ношения на шее и 200–300 руб.; Берковича – такой же медалью; Бавужава – орденом Св. Анны 2-й степени с бриллиантами для не-христиан или орденом Св. Станислава 2-й степени для не-христиан и оружием; рекомендовалось также отдать 13 револьверов-маузеров,

конфискованных в Хайларе и хранившихся в вице-консульстве[53]. В июне 1915 года Усатый посоветовал содействовать награждению Бавужава званием цзяньцзюня монгольским правительством. Это поддержали Крупенский и Нератов[54]. 14 июля 1915 года генконсул в Харбине сообщал начальнику Заамурского округа А.А. Дмитриеву, что Бавужав получит ценный подарок от правительства России, который будет выслан из Петрограда; кроме того, ему передано некоторое количество револьверов Маузера, бывших в распоряжении вице-консульства в Хайларе; российское правительство поставило вопрос перед правительством Внешней Монголии о присвоении Бавужаву титула бэйсэ, на что получено согласие Богдо-хутухты; Шадрин и Беркович представлены к награждению[55].

«Как выяснилось из сношений с посланником нашим в Пекине, ныне можно установить с большой вероятностью, что германский военный агент в означенном городе капитан фон Паппенгейм и сопровождавшие его германцы, отправившиеся, как главному управлению Генерального штаба известно, с целью покушения на КВЖД, были перебиты по приказанию монгольского гуна Бавужава солдатами последнего. Ввиду несомненной услуги, которую оказали нам в этом деле как названный монгольский гун Бавужав, так и проследившие экспедицию капитана фон Паппенгейма и доставившие о ней сведения нашим властям русско-подданные Шадрин и Беркович, наша миссия в Пекине высказалась за желательность их вознаграждения.

Вполне присоединяясь к этому мнению, МИД предпринимает шаги к награждению монгольского гуна Бавужава от имени императорского правительства. Что же касается до русско-подданных Шадрина и Берковича, то, по мнению запрошенного по сему поводу вице-консула в Хайларе, запасный гренадёр лейб-гвардии гренадёрского полка крестьянин Томской губ., Бийского уезда, Шебалинской волости, села Черги Шадрин, имеющий медали в память 300-летия царствования дома Романовых и в память 100-летия Отечественной войны, за проявленную инициативу по наблюдению за германской экспедицией и за понесённые труды по доставке сведений об этой экспедиции вице-консульству в Хайларе и при отправлении нашего разъезда – заслуживает награждения серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью "За усердие" для ношения на шее и, кроме того, так как он в течение двух месяцев был оторван от своего дела, представляется весьма желательным выдать ему денежное вознаграждение в размере 200–300 руб.

Абрам Моисеевич Беркович – мещанин г. Читы Забайкальской обл., имеющий медаль за Русско-японскую войну 1904–05 гг., за оказанное содействие тому же делу заслуживает награды серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью "За усердие" для ношения на груди.

Ввиду того, что заслуги Шадрина находятся в тесной связи с охраной нашей железной дороги, не найдет ли главное управление Генерального штаба возможность испросить по ведомству военного министерства упомянутые награды русско-подданным Шадрину и Берковичу, а равно и выдать им из военного фонда денежные вознаграждения в указанном выше размере. О последующем 4-й политической отдел имеет честь покорнейше просить его уведомить»[56].

19 сентября 1915 года МИД уведомил Генштаб, «что по отзыву Посланника нашего в Пекине, убийство участников шайки Папенгейма является бесспорным». В докладе генерал-квартирмейстера начальнику Генерального штаба от 29 ноября (9 декабря) 1915 года говорилось, что МИД возбуждает вопрос о награждении «запасного лейб-гвардии Гренадёрского полка крестьянина Томской губернии Шадрина серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью "За усердие" для ношения на шее – за проявленную инициативу по наблюдению за германской экспедицией и за понесённые труды по доставке сведений об этой экспедиции вице-консулу в Хайларе и при отправлении нашего разъезда. Кроме того,

так как Шадрин в течение двух месяцев был оторван от своего дела, то МИД высказало пожелание о выдаче ему денежного вознаграждения в размере 200–300 руб. 2) Мещанина г. Читы Абрама Моисеевича Берковича серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью "За усердие" для ношения на груди – за оказанное содействие по тому же делу»[57]. В январе 1916 года из Главного управления Генерального штаба поступили письма с одобрением награждения Шадрина и Берковича согласно ходатайству Усатого[58].

Ещё раньше награду от России получил Бавужав. 21 июля 1915 года Усатый телеграфировал в 4-й отдел МИД, что подарок императорского правительства для Бавужава – золотые часы с цепочкой – получен[59]. Кроме того, ему было «разрешено переслать гуну Бавужаву в виде подарка хранящиеся в вице-консульстве револьверы с патронами»[60].

Для доставки подарка Бавужаву в Шилингол был командирован канцелярский чиновник Рыков. Как отмечал Усатый в донесении посланнику в Пекине в сентябре 1915 года, сведения из отчёта устраняют все сомнения в действительности уничтожения германского разъезда. Рыков вручил Бавужаву подарок правительства и маузеры с патронами.

Бавужав согласился показать Рыкову место убийства немцев. Монголы, участвовавшие в нём, отвезли туда Рыкова. По их словам, в 10–12 верстах на юго-восток от отряда, на открытом месте среди песчаных холмов, покрытых кустами, монголы по команде выехали вперед и открыли стрельбу. Более опытные стреляли в голову. Так был убит Паппенгейм, ехавший вторым от начала. Гильз среди густой травы найти не удалось. Шагах в 130–150 от дороги Рыков видел следы огромного костра, в котором сожгли трупы немцев. Следы костра засыпает песок. Рядом было много мелких черепных и других костей, обломки бутылок от горючего, остатки обгорелой одежды, европейские пуговицы и т.д. Бавужав показывал снаряды, взятые у немцев. Он сказал, что в июне к нему приезжал японец, который предложил содействие, и с ним в Японию был командирован Таса-Шубу, чтобы получить оружие. Но главную надежду Бавужав возлагал на российское правительство, просил передать эту просьбу и, если можно, снабдить хотя бы берданами с патронами, так как он опасался нападения китайцев. За это он предлагал заплатить. «Ургинское правительство продолжает платить жалованье Бабучжабу и его солдатам, несмотря на Тройственный договор. У Бабучжаба около 7000 человек»[61].

Итак, не получив достаточно оружия от России, Бавужав стал расширять контакты с японцами. «Сегодня прибыли в Хайлар три японских офицера; один из них, ездивший раньше к Бабучжабу под видом аптекаря, собирается ехать к Бабучжабу. По сведениям, оружие для него доставлено в Куаньчэнцзы»[62].

Примерно в это время китайские войска вторглись во Внешнюю Монголию для преследования Бавужава, находившегося в монастыре Егузэр-хутухты Ж. Галсандаша. Егузэр-хутухта был захвачен и увезён в Китай, его монастырь – разграблен. Хотя сам Бавужав скрылся, была угроза его преследования и убийства китайскими войсками. В связи с этим, 25 ноября (8 декабря) 1915 года Сазонов телеграфировал Крупенскому: «Услуга, которую оказал нам Бабучжаб уничтожением экспедиции Паппенгейма в то время, когда китайские власти ничего не предприняли против столь явного нарушения нейтралитета Китая, побуждает нас взять его под своё покровительство. Едва ли Бабучжаб представляет ныне действительную опасность для китайцев, так как монгольское правительство более не поддерживает его, а его войска уничтожены китайцами. Благоволите приложить усилия, чтобы уладить настоящий пограничный монголо-китайский инцидент без выдачи Бабучжаба китайцам, что при китайских нравах, очевидно, повело бы к его казни»[63].

С ликвидацией группы Паппенгейма вопрос о немецких действиях против КВЖД не исчез. Бавужав сообщал, что на границах

Шилингольского сейма появились два немца с шестью китайцами. Он установил за ними наблюдение. Беркович подтвердил это. Видимо, эти немцы были направлены для проверки сведений об уничтожении группы Паппенгейма. Один из солдат Бавужава доставил записную книжку одного из участников экспедиции Паппенгейма[64]. Усатый со слов Бавужава сообщал о немцах, предпринявших новые поездки в Монголию. Со слов Бавужава Усатый сообщал о двух офицерах. «Ещё едет гольштинец Ригельсен, выдающий себя за датского подданного, и несколько бывших немецких полицейских из Циндао. Ларсен вновь в июне выехал из Калгана в Монголию с 5 подозрительными иностранцами»[65].

В конце июля 1915 года были получены сведения от российского консула в Сингапуре и посланника в Китае о существовании германской шпионской организации до 12 человек во главе с немцем Дином в Китае. Их целью была организация взрывов мостов и тоннелей КВЖД и Забайкальской дороги[66]. Сообщалось, что 19 октября 1915 года Бавужав встретил отряд в 70 немцев и 30 китайцев и подвергся их обстрелу; монголы заставили немцев отойти на Калганскую дорогу, потеряв 7 человек. Затем появился большой китайский отряд, который в бою с Бавужавом потерял 300 человек, потери монголов были незначительны. Германский отряд был сформирован для порчи КВЖД[67].

Немцы принимали участие также в деятельности шаек хунхузов в Маньчжурии. Эти хунхузы были в большинстве случаев бежавшие со службы солдаты, уносившие с собой оружие и припасы. К ним присоединялись бродяги. Пополнение шаек происходило и за счёт монгольских повстанцев, вторгшихся в Маньчжурию через Мукденскую провинцию.

Главари шаек отличались заметными военными способностями. «По переходе на сторону правительства со своими отрядами они достигали высокого положения (например, Чжан Цзолинь, генералы Фэн Дэлинь и Тан Юйлин). С самого начала республики появлялись тайные организации монархической партии Цзуншэдан, которые усилили деятельность хунхузов. Главные центры этих организаций – Дайрен, Циндао, японская концессия Чанчуня, некоторые пункты ЮМЖД. В этих центрах всегда имелись большие запасы оружия и патронов. Сейчас самая крупная шайка хунхузов – отряд Ван Линя: до 3000 чел., в том числе около 200 русских, до 400 корейцев и до 100 немцев. На ст. Куаньчэнцзы и Хайлар живут немцы, которые помогали на КВЖД бежавшим немецким военнопленным. Были три пути, по которым осуществлялись побеги немцев из Приамурья в Маньчжурию»[68].

В 1917 году для облегчения побега немецких военнопленных из России немцы учредили в Маньчжурии убежища для них, где оказывали помощь и указывали дальнейший путь через Маньчжурию. Эти лица проживали в Хайларе и Куаньчэнцзы[69].

Итак, в период Первой мировой войны Германия пыталась отрезать Россию от снабжения её Японией и США путём организации разрушения железных дорог на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, в первую очередь – КВЖД. Для этой цели делались попытки вербовки агентуры среди местного населения – китайцев, корейцев и монголов, засылались разведывательные и диверсионные группы. Наиболее важную из них возглавил военный атташе Германии в Китае В.Р. фон Паппенгейм, который сделал ставку на вербовку монгольских повстанцев под командой Бавужава для разрушения КВЖД. Бавужав уничтожил эту группу, желая сохранять добрые отношения монголов с Россией и надеясь на военную поддержку в борьбе за независимость Внутренней Монголии, которую не получил.

Примечания

[1] *Шулатов Я.А.* Борьба с германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество // Россия и АТР. 2014, № 2. С. 36–44.

[2] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 23.

[3] Подпись неясна.

[4] Здесь и ниже: по старому и новому стилю.

[5] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 28.

[6] Копия перевода сообщения Вайцзяобу российскому посланнику в Пекине от 10/23 февраля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 69–70.

[7] Депеша командующего войсками Приамурского округа начальнику Генштаба от 4 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 73–73об.

[8] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 111–116, 118.

[9] *Schmidt J.W.* 2006. Die Beschaffing geheimer Informationen durch amtliche Einrichtungen des Deutschen Reiches im China, 1896–1917 // *Spakowski N., Milwertz C.* Women and Gender in Chinese Studies. Berlin: LIT, S. 119.

[10] North China Herald, 09.02.1916; вырезки из английских газет: АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 33–34; Лу Минхуэй (ред.). Бабучжабу ши ляо сюань бянь. [S. l.]: Чжунго Мэнгу ши суэ хуэй, 1979. С. 1-10; *Miller M.B.* Shanghai on the Métro: Spies, Intrigue, and the French Between the Wars. Berkeley – Los Angeles – London: Univ. of California Press, 1994. P. 259-260; *Белов Е.А*. Антикитайское восстание под руководством Бабучжаба во Внутренней Монголии в 1915–1916 гг. // Анналы, 1995. В. 1. С. 64; *Белов Е.А*. Россия и Монголия. М.; ИВРАН, 1999. С. 130; *Nakami T.* Babujab and his uprising: re-examining the Inner Mongol struggle for independence // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1999. №57. P. 141; *Лонжид З., Өлзий Ж.* Шударга баатар Бавуужав. Улаанбаатар: "Согоонуур" ХХК, 2002. С. 1-47; *Bisher J.* White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian. London – New York: Routledge, 2005. P. 54; *Schmitt-Englert B.* Deutsche in China 1920–1950. Alltagsleben und Veränderungen. Gossenberg: Ostasien Verl., 2012. S. 41; *Саркисов К.О.* Япония и советская Россия. Очерки истории (1917–1937). М., 2019. С. 41.

[11] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Сер. 3. 1914–1917 гг. М.-Л.; Гос. соц.-экон. изд., 1935; Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Сер. 3. 1914–1917 гг. М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд., 1937; *Сергеев Е.Ю.* Провал секретной миссии Вернера Рабе фон Паппенгейма (неизвестная страница истории тайной войны германской агентуры на Дальнем Востоке) // http://www.rusasww1.ru/ view_post.php?id=198

[12] *Pöhlmann M.* German Intelligence at War, 1914–1918 // Journal of Intelligence History. 2005. V. 5. P. 58.

[13] Особое делопроизводство по Главному управлению Генштаба, транзитная телеграмма из Пекина в Лондон от 26 февраля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 38.

[14] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 40.

[15] Сайн-нойон-хан Т. Намнансурэн – премьер-министр Монголии.

[16] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 42.

[17] П.К. Усатый – российский вице-консул в Хайларе.

[18] Видимо, надо читать "в хошуне Удзумчин".

[19] Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 5; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 41.

[20] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 43–46.

[21] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 7; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 49, 60.

[22] Задержанная московской военной цензурой телеграмма в Петроград из Харбина от 5 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 68.

[23] Телеграмма Крупенского из Пекина 26 марта (8 апреля) 1915 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 25; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 100.

[24] Телеграммы Усатого из Хайлара от 26 февраля (11 марта) и 28 февраля (13 марта) 1915 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 6, 10; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 59, 62.

[25] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 23–30.

[26] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 12; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 64.

[27] Телеграмма Хионина из Урги от 3 марта 1915 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 13.

[28] Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин от 18 марта 1915 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 21; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 125.

[29] Телеграмма начальника железнодорожного полицейского управления КВЖД из Харбина от 28 февраля 1915 г. департаменту полиции // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 75.

[30] Донесение командующего отдельным корпусом жандармов в Петрограде военному министру В.А. Сухомлинову от 19 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 126–127. Аналогичная телеграмма была им послана С.Д. Сазонову 18 марта: АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 19–20

[31] Доклад Сухомлинова Николаю II от 27 марта 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 101–101об.

[32] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 38.

[33] Там же. Л. 65–74.

[34] Телеграмма генерального консула в Харбине В.В. Траутшольда от 2 (15) апреля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 130.

[35] Копии телеграммы и.д. военного агента в Китае Мореля из Пекина в Главное управление Генерального штаба от 3 (16) апреля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 131, 132.

[36] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Сер. 3. 1914–1917 гг. М.-Л., 1935. С. 134.

[37] Возможно, имеется в виду сотрудник, исполнявший обязанности военного атташе Паппенгейма во время его отсутствия.

[38] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 39–41об.

[39] Монгол Улсын Үндэсний төв архив (МҮҮТА). Ф. 5. Д. 1. Х.н. 174.

[40] То есть Богдо-хана независимой Монголии.

[41] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 42.

[42] Там же. Л. 58–59.

[43] Т.е. не откупились ли от Бавужава.

[44] Донесение Крупенского Сазонову от 15 апреля 1915 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 61–62об.

[45] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 86–87.

[46] Записка российского посла в Токио Н.А. Малевского-Малевича японскому министру иностранных дел Исии от 8 (21) декабря 1915 г.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Сер. 3. 1914–1917 гг. М.-Л., 1937. С. 710, 712.

[47] Донесение начальника штаба Отдельного корпуса Пограничной стражи в 4-й отдел МИД от 29 мая 1915 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 79.

[48] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 157. Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* Провал секретной миссии Вернера Рабе фон Паппенгейма (неизвестная страница истории тайной войны германской агентуры на Дальнем Востоке) // http://www.rus-asww1.ru/view_post.php?id=198

[49] Телеграмма Крупенского Нератову от 1 июля 1915 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. д. 3339. Л. 106–106об.

[50] Донесение начальника штаба отдельного корпуса Пограничной стражи в Главное управление Генерального штаба от 31 июля 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 183–183об.

[51] Peking Daily News, 21.07.1915 // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 188.

[52] Депеша советника 4-го политического отдела МИД в главное управление Генерального штаба от 19 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 262.

[53] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 114–114об.

[54] Там же. Л. 145–146, 149.

[55] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 184–184об.

[56] Там же. Л. 165–166.

[57] Цит. по: *Сергеев Е.Ю.* Провал секретной миссии Вернера Рабе фон Паппенгейма (неизвестная страница истории тайной войны германской агентуры на Дальнем Востоке) // http://www.rusasww1.ru/view_post.php?id=198

[58] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 152–152об., 155–155об.

[59] Там же. Л. 116.

[60] Копия донесения Усатого из Хайлара в Пекин от 30 июня 1915 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 96–96об.

[61] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 115, 117–122. Имеется в виду тройственное Русско-китайско-монгольское соглашение, подписанное в Кяхте 25 мая (7 июня) 1915 г., устанавливавшее автономию Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая. Это соглашение распространялось только на Внешнюю Монголию, но не на Внутреннюю, отряды из которой должны были сложить оружие и вернуться на родину.

[62] Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин от 20 ноября 1915 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 130.

[63] Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. Сер. 3. 1914–1917 гг. М.-Л., 1937. С. 480.

[64] АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 82.

[65] Телеграмма Крупенского в МИД от 8 июня 1915 г. // АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3339. Л. 83–83об.

[66] Донесение полковника Корзуна из Иркутска от 12 сентября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 218.

[67] Телеграмма министра внутренних дел в Генштаб А.А. Поливанову от 27 ноября 1915 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7776. Л. 264–264об.

[68] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 25. Л. 1–36.

[69] РГВИА. Ф. 1558. Оп. 4. Д. 39. Л. 62–64.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-53-63

Н.М. Моллеров

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ В ДОКУМЕНТАХ (МАРТ 1917 – СЕНТЯБРЬ 1921 гг.)

В публикуемую подборку документов о революционных событиях и Гражданской войне в Туве вошли телеграммы, письма, обращения, протоколы органов власти Урянхайского края[1], подчинявшихся Временному правительству, Советской власти, Сибирскому Временному правительству, правительству Колчака. Это главным образом архивные документы Государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Республики Тыва (ГАРТ), а также научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований (ТИГПИ), мало известные ученым.

Телеграммы и письма в документах № 1–5 свидетельствуют о запаздывании сообщений из центра и сокрытии информации о существующем параллельно с Временным правительством Петросовете, о повсеместном создании подчинённых Временному правительству комитетов общественной безопасности. Документы во многом объясняют тот факт, что Советская власть в крае установилась лишь в марте 1918 г., на IV съезде представителей русского населения в Туве.

Документ № 6 свидетельствует об избрании Временного краевого комитета во главе с правым эсером А.П. Ермолаевым. В документе № 7 говорится об упразднении Урянхайской краевой земской управы и отстранении от должности Комиссара Урянхайского края А.А. Турчанинова. Протокол заседания исполкома краевого Совета (документ № 8) содержит решение о разоружении и высылке из Тувы казачьей сотни. Документы № 9 и № 10 сообщают о создании в центре Урянхайского края г. Белоцарске городского Совета и отряда Красной гвардии.

О единовременном налоге на торговцев края и упразднении Переселенческого управления свидетельствуют постановления городского и краевого Советов (№ 11 и № 12). О наборе в ряды Красной Армии и антисоветском выступлении в Турано-Уюкском районе говорится в документах № 13-15.

Большой интерес вызывает документ № 16, которым жителям г. Белоцарска уже 25 июня 1918 г. разрешается создание сельскохозяйственной артели. Это самое первое упоминание о создании сельхозартелей (колхозов) в Туве. В научной литературе их относят ко времени коллективизации конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Далее представлены документы, свидетельствующие о переходе власти к сторонникам белого движения и восстановлении прежних органов управления (№ 17 и № 18). В документах № 19-21 сообщается о разоружении Красной гвардии, о возвращении в Туву казачьей сотни и комиссара края А.А. Турчанинова, теперь уже назначенного колчаковским правительством.

Документы № 22-27 свидетельствуют о начале китайско-монгольской военной интервенции в Туве и начале эвакуации жителей г. Белоцарска и правобережной части долины Енисея.

В телеграмме представителя Сибревкома в Туве И.Г. Сафьянова (документ № 29) сообщается о проведении в Туве очередного съезда представителей русского населения и восстановлении на нём власти Советов.

В рукописи секретаря дипломатической миссии СССР в ТНР Коваля (документ № 30) приводится выдержка из выступления премьер-министра ТНР Куулара Дондука на IV Вели-

ком Хурале – о решении совещания при штабе белого барона Унгерна в Монголии разгромить китайский отряд в Туве.

Письмо ответственного секретаря Дальневосточного секретариата Коминтерна (ДВСКИ) Д. Никитенко на имя главы НКИД РСФСР Г.В. Чичерина (документ № 31) интересно тем, что проливает новый свет на одно из самых важных событий тувинской истории новейшего периода – государственное самоопределение тувинцев в 1921 году. Выясняется, что, вопреки господствующему до недавнего времени представлению о беспроблемности признания тувинского государства со стороны РСФСР, существовали влиятельные внутренние и внешние противники этого политического акта. Осторожная политика НКИД РСФСР и лично Г.В. Чичерина в урянхайском вопросе объяснялась тем, что немалую заинтересованность в его решении, помимо Монголии, проявлял также Китай, отношения с которым во многом определяли ситуацию на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.

№ 1

Телеграмма представителей русского населения Урянхайского края и Усинского округа, официальных представителей урянхайского населения о приветствии Временного Правительства как единственной законной власти

Петроград. Министру Иностранных Дел
Копия. Петроград. Иркутскому Комиссару Салтыкову[2]

г. Белоцарск 1917 г.

Представители русского населения Урянхайского края и Усинского округа, собравшись на съезде в Белоцарске для обсуждения краевых вопросов совместно с официальными представителями от урянхайского населения хошунов обоих Кемчикских, Ойнарского, Точжинского, захребтинских Чоодовского и Иргитского и отдельных сумонов Мады и Чоды[3], после четырёх дней плодотворных занятий, обеспечивающих обеим народностям мирное сотрудничество на взаимном уважении прав под высокой рукой Великой и Могущественной Державы Российской, приветствуют Временное Правительство как единственную законную власть. Свидетельствуют об искреннем своём стремлении быть полезными членами семьи многочисленных народов, входящих в состав Российского государства. Для личного изъявления чувств и желаний разрешения нужд своих посылаем в Петроград депутацию из представителей обеих народностей[4].

Председатель Краевого Съезда[5]
Товарищ Председателя Съезда
Управляющий Кемчикским хошуном Чжимба
Управляющий Ойнарским хошуном Эринцен
Представитель Кемчикского Да хошуна Нимачжап
Представитель Точжинского хошуна Балданняма
Представители Захребтинских сумонов Правитель Гамалбатор и Туменнасту
Правитель отдельного сумона Лупсаносор[6]
Секретарь Съезда Кузнецов

ГАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 20. Л. 7–8. Подлинник

№ 2

Письмо Заведующего устройством русского населения в Урянхае
помощнику секретаря П.П. Галкину, топографу Д.Р. Марьину
по вопросу Государственного переворота в России

г. Белоцарск № 1020 10 марта 1917 г.

Помощнику секретаря П.П. Галкину
Топографу Д.Р. Марьину
Поручаю Вам выехать из Белоцарска по посёлкам для объявления о совершившемся Государственном перевороте и что в настоящее время нашим Отечеством управляет новое правительство и кто входит в состав его; для чего предоставляю право где следует созывать сходы и объявлять на таковых.
Заведующий устройством
русского населения /подпись/ Шкунов
Секретарь /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 211. Л. 1. Подлинник

№ 3

Телеграмма Заведующего устройством русского населения в Урянхае
в Петроград по вопросу Государственного переворота в России

г. Белоцарск 1917 г.

10 сего марта мною совместно [с] Комиссаром [по] делам Урянхайского края командированы: производитель работ, топограф, помощник секретаря [в] посёлки Урянхая [для] ознакомления жителей [о] происшедшем изменении образа правления [в] России, жители Турана, Уюка, Белоцарска переворот приняли спокойно, образовали Комитеты [по] сбору пожертвований [на] нужды войны. Жду распоряжений.
/Подписано/ Шкунов
Верно: Секретарь /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 211. Л. 2. Подлинник

№ 4

Письмо Белоцарского Общественного Комитета
Заведующему устройством русского населения в Урянхае
об избрании общественного комитета в г. Белоцарске

г. Белоцарск 15 марта 1917 г.

Жители Белоцарска 9 марта избрали общественный Комитет в составе: председателя Владимира Сергеевича Исаева, товарища председателя Александра Христофоровича Чакирова, члена казначея Петра Николаевича Поликевича, секретаря Игнатия Ионовича Шубина, членов: Трофима Ивановича Мальцева, Евстафия Иосифовича Кузьменко, Василия Ивановича Дреус, кандидата в члены Петра Ивановича Кокорина.
Цель Комитета.
1) Сбор пожертвований на оборону государства.

2) Обсуждение вопросов народного продовольствия.
3) Осведомление населения Урянхая о происходящих событиях в государстве.
Об этом Комитет уведомляет для сведения Вашего Высокородия.
Председатель Комитета: /подпись/
Секретарь: /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 211. Л. 5. Подлинник

№ 5

Письмо Заведующего устройством русского населения в Урянхае
И.Д. Производителя работ Урянхайской Землеотводной партии
А.П. Ермолаеву о подчинении указаниям Нового Правительства,
облечённого всею полнотою власти

г. Белоцарск № 1104 1917 г.

Прошу Вас спешно выехать в поселки Уюк и Туран, в которых разрешаю Вам собрать сельские сходы и в дополнение к извещениям, посланным мною совместно с Комиссаром по Делам Урянхайского края, призвать население к спокойствию и мирному труду, чтобы оно строго руководствовалось в этом отношении указаниями Нового Правительства, облечённого всею полнотою власти, данным в его воззваниях к населению Великой России. Внушите населению уважение к существующим, ими же избранным, властям, памятуя, что только при дружной мирной работе обновлённая Россия выйдет победительницей в величайшей мировой войне.

Заведующий устройством
русского населения /подпись/
Секретарь /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 211. Л. 6. Подлинник

№ 6

Письмо Председателя Урянхайского Временного Краевого комитета
А. Ермолаева Заведующему устройством русского населения в Урянхае
по вопросу избрания членов Временного Краевого комитета
№ 14

30 марта 1917 г.

Урянхайским Краевым Съездом в число членов Временного Комитета избраны служащие: Переселенческой Организации производитель работ А.П. Ермолаев и секретарь В.С. Исаев. В комитете первый занимает обязанность Председателя, а второй – Секретаря.

Ввиду того, что переживаемое время требует от избранников постоянной напряжённой работы, Комитет просит Вас об откомандировании этих лиц, сохранив за ними содержание по службе.

О последующем Комитет просит уведомить.
Председатель Комитета /подпись/ А. Ермолаев
Секретарь /подпись/ В.С. Исаев

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 211. Л. 10. Подлинник

№ 7

Объявление Соединённого Совещания Краевого Совета,
состава Урянхайской Краевой Земской Управы
и Президиума Урянхайского Краевого Съезда об избрании Краевого Совета,
упразднении Краевой Земской управы
и отстранении от должности Комиссара А.А. Турчанинова

ОБЪЯВЛЕНИЕ
Соединённого Совещания Краевого Совета,
Состава Урянхайской Краевой Земской Управы и президиума Урянхайского Краевого Съезда

г. Белоцарск 13 марта 1918 г.

Граждане. События, происшедшие за последние дни в Белоцарске и Урянхае, ставят необходимостью, в целях успокоения и разъяснения действительного положения дела, выпустить населению настоящее объявление во всеобщее сведение всех граждан Урянхайского края.

На Краевом Съезде, бывшем в Белоцарске с 1 по 12 марта сего года, из среды делегатов – представителей населения с мест был избран Краевой Совет из 10 лиц.

Съездом было постановлено, что организовавшийся Краевой Совет является высшей гражданской властью в Урянхае.

В состав деятельности и работы Краевого Совета постановлением Съезда решено:

Прежнее Комиссарство упраздняется с отстранением от занимаемой должности Комиссара А.А. Турчанинова; канцелярия и делопроизводство переходит в состав Совета, как отдел его по политическому вопросу в крае.

Переселенческое Управление как таковое переходит в отдел работ Краевого Совета, с коренным видоизменением его деятельности и состава прежних служащих и чиновников Переселенческой организации; хозяйство и делопроизводство со всем казённым имуществом, по подробной описи следующими лицами, передаётся отделу Краевого Совета, который и продолжает вести на новых началах хозяйство Переселенческого Ведомства. Строительство, начатое и неоконченное (школы, больницы, церкви, мосты, дороги и прочие) Краевым Съездом признано и постановлено закончить силами и средствами на новых началах.

1. За отсутствием в крае Мирового Суда (Мировые Судьи пред открытием Краевого Съезда бежали из края) судебное дело переходит в круг деятельности Краевого Совета, как отдел его, и работает, руководствуясь Судебными декретами Народного Комиссариата Суда, применительно к местным условиям.

2. Краевая Земская Управа как самостоятельный орган, ведущий хозяйственную часть в крае, упраздняется, с присоединением Управы в отдел Краевого Совета, который и ведает хозяйственной стороной делопроизводства и распорядка в крае. Прежний состав Земской Управы передаёт все Земские дела Краевому Совету.

3. Ввиду неполного состава членов Совета предлагается Съездом на местах организовать районные Съезды, которые бы и выставили дополнительных членов для постоянной работы в Краевом Совете. О сроке Съездов и числе дополнительных членов, необходимых к участию в работах Совета, сообщается особо во все районы. В члены Совета должны быть посланы люди честные, трудолюбивые, стоящие на страже интересов трудового народа, пользующиеся полным доверием и уважением всего населения района.

4. Перед открытием Краевого Съезда квартирующая в Белоцарске казачья сотня послала уведомление о своём невмешательстве во внутренние и внешние дела края и полном нейтралитете с просьбой, чтобы и население края не вмешивалось в её внутреннюю сотенную

жизнь. Организовавшимся Советом было послано в сотню 11-го марта постановление Совета (копия его при сём прилагается), в ответ на который Сотня поступила далеко не мирным путем: в 1 час 10 минут дня Сотня цепью в боевом порядке прошла по всему Белоцарску с целью обезоружить красногвардейцев и арестовать некоторых участников Съезда, как и членов Совета. В результате при столкновении казаков с красногвардейцами были тяжело ранены Секретарь Съезда и Совета гражданин Д.П. Лесковский – делегат от Белоцарска и гражданин Ф.В. Кошелев – делегат от Усинского Округа. Оба раненые шли навстречу цепи казаков без оружия в руках с целью переговорить с ними и остановить открывшуюся беспорядочную стрельбу в разных местах, в ответ на что казаки стали усиленно отстреливаться. Тов. Лесковский ранен в щёку навылет через шею, тов. Кошелев ранен навылет в верхней части груди, ниже плеча. Оба раненых находятся на излечении в больнице, положение их не безнадежное.

На запрос у сотни о причинах таких решительных мер – последняя заявила, что это якобы явилось результатом нарушения Советом того нейтралитета, который был ими объявлен, посылкой категорического требования Советом своим постановлением.

Арестованных красногвардейцев, некоторых жителей Белоцарска, членов Съезда и Совета на другой день утром Сотня освободила за исключением трёх: Председателя Исполнительного Комитета Д.И. Вовка, товарища его Д.И. Цивинского и временного члена Совета Беспалова (делегата от Усинского Округа), которых, несмотря на просьбы Съезда, Сотня не отпустила и решила при своём выступлении из Белоцарска взять их с собой до границы Урянхая с Монголией (Сотня через Монголию уходит в Забайкалье), откуда и освобождает задержанных.

5. Постановлением Исполнительного Комитета высланы из края бывший Комиссар г. Турчанинов, Секретарь Комиссарства В.Н. Самойлов и топограф Переселенческой Организации А.Ф. Ткаченко – до выяснения дела и распоряжения Совета.

Никаких других осложнений в Белоцарске и крае нет.

Ввиду разноречивых толкований в самом извращённом смысле настоящим Совещание ставит в известность население края о совершившемся и просит всех граждан сохранять полный порядок и спокойствие, как между собой, так и в отношениях с урянхами. Край переживает революцию, все должны идти рука об руку навстречу устроения новой спокойной жизни и порядка в крае.

Подлинное подписали:

Председатель Исполнительного Комитета	Г. Терский
Секретарь	Бабичев
И. об. Председателя Земской Управы	Левченко
Члены Управы:	Н. Пешкин, Н. Хабаров
Председатель Съезда	А. Лукьянов
За Секретаря Съезда	М. Бабичев

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 211. Л. 11. Копия с копии

№ 8

Протокол заседания Исполнительного Комитета
Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов

24-го марта с. г.

В заседании Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов поднимается вопрос о казачьей сотне, по этому поводу принимается единогласно следующая резолюция:

В интересах революции и трудового народа необходимо и немедленно разоружение сотни.

Офицеры и другие контрреволюционеры сотни должны быть выданы в распоряжение Совета.

I. Всё казённое имущество и вещи по описи сданы под охрану Совета.

II. Ответ должен быть дан Совету на все его вопросы и требования в 3 часа дня сегодня 24 марта сего года (нового стиля).

III. Если требование Совета будет исполнено, то сотня может рассчитывать на материальную поддержку со стороны Совета при выезде.

Председатель Исполнительного Комитета Совета
Рабочих и Крестьянских Депутатов — Вовк
Секретарь — Бабичев

ГАРТ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 26. Л. 1. Незаверенная копия

№ 9

Письмо Белоцарского местного Совета рабочих и крестьянских депутатов
в Урянхайский Краевой исполнительный комитет
Совета рабочих и крестьянских депутатов об избрании Белоцарского Совета

г. Белоцарск № 6 14 марта 1918 г.

Белоцарский
местный Совет
раб. и кр. депутатов
Марта 14 дня 1918 г.
Белоцарск.

В Урянхайский Краевой
исполнительный комитет
Совета раб. и кр. депутатов

Сообщаем для сведения, что согласно протокола общего собрания гр. Белоцарска от 13-го сего марта в Белоцарске избран Совет в составе пяти членов, из коих председателем избран С. Долгих, секретарем – Шубин.

ГАРТ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 32. Л. 12. Подлинник

№ 10

Письмо Урянхайского Краевого Исполнительного комитета
Совета рабочих и крестьянских депутатов
временному Заведующему устройством русского населения в Урянхае о существовании
в Белоцарске гарнизона Красной гвардии

г. Белоцарск 11 апреля 1918 г.

На отношение ваше от 10 апреля за № 467 сообщаем вам, что гарнизон Красной гвардии в Белоцарске действительно существует, начальником гарнизона от 8 апреля утверждён Непомнящий Селивёрст, который и ведает военным отделом, и с вашей стороны должно быть, по требованию начальника гарнизона, всевозможное содействие, как отдельному отделу при Краевом Совете рабочих и крестьянских депутатов.

Председатель /подписан/ Терсков
Секретарь /подписан/ М. Бабичев
С подлинным верно: Секретарь /подпись/
Заведующий устройством русского населения в Урянхае

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 223. Л. 5. Заверенная копия

№ 11

Постановление № 3 Белоцарского местного Совета
Рабочих и Крестьянских депутатов
о наложении единовременного налога в пользу местного Совета
с капиталистов и торгующих в Белоцарске граждан

г. Белоцарск Дело датировано 1918 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 3
Белоцарского Местного Совета рабочих и крестьянских депутатов

В заседании членов Совета от 10 апреля (по новому стилю) сего года ПОСТАНОВЛЕНО:

п. 3

Наложить единовременный налог в пользу Местного Совета с капиталистов и торгующих в Белоцарске граждан: Сергея Безъязыкова, Фокея Скурихина, Петра Кокорина, Григория Вильнер, Степана Долгих, Петра Терских, Родиона Вавилина, Николая Черневич, Василия Ноговицына, Михаила Соловьева и Нури (Андрей) Ахметова в сумме две тысячи (2000) рублей.

Налог должны внести в Белоцарский Местный Совет в течение 20 суток, считая со дня издания настоящего постановления, в случае невнесения к означенному сроку у неплательщика конфискуется из имущества на сумму, которая причитается с плательщика. Сумма налога распределяется между собой самими плательщиками…

За подписями и верно:

Член Совета, секретарь /подпись/

ГАРТ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 32. Л. 3. Заверенная копия

№ 12

Постановление №32 Урянхайского Краевого Совета Крестьянских, Рабочих
и Солдатских депутатов об упразднении Переселенческой организации в Урянхае

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 32
Урянхайского Краевого Совета
Крестьянских, Рабочих и Солдатских депутатов

г. Белоцарск 15 апреля 1918 г.

По вопросу о Переселенческой организации, Урянхайский Краевой Совет Крестьянских, Рабочих и Солдатских депутатов на пленарном своём Заседании Постановил:

1) Упразднить Переселенческую Организацию в Урянхае.

2) Просить Центральную Советскую власть о необходимых ассигнованиях из средств Государственного Казначейства в распоряжение Краевого Совета, на Культурное устройство русско-урянхайского населения в крае.

3) Лошадей от Переселенческой Организации примет хозяйственный отдел при Совете.

4) По приёмке инвентаря и пр. наличного имущества, избрана Комиссия из членов Совета Левченко В.П., Вовка Д.И. и Потанина Я.К., избранным представлено право приглашать в качестве членов Комиссии несколько лиц из жителей Белоцарска.

5) Переселенческая Организация, в 10-дневный срок со дня объявления настоящего постановления, должна полностью подготовить всё к сдаче хозяйственному отделу при Краевом Совете.

Подлинное за надлежащей подписью.

С подлинным верно:

Секретарь: /подпись/

ГАРТ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 45. Л. 14. Заверенная копия

№ 13

Воззвание Краевого Совета Крестьянских и Рабочих депутатов
к гражданам, жителям Урянхая
по вопросу создания народной Красной Армии

г. Белоцарск 1918 г.

ВОЗЗВАНИЕ

Товарищи и Граждане Урянхая

Четвёртый Общекраевой Съезд избрал Краевой Совет Крестьянских и Рабочих Депутатов, орган, стоящий на всемерной защите трудовых интересов, которому Съезд вручил всю полноту власти в крае.

Одной из первых его задач есть укрепление этой власти и её влияние в среде самих трудящихся, только полная поддержка своей власти самим трудовым народом даст уверенность, что предпринимаемые ею меры войдут в жизнь и дадут те результаты, которых Вы вправе от неё ожидать. Но на пути к проведению в жизнь начинаний, клонящихся ко благу трудящихся, стоят плотной стеной представители эксплуатирующих, буржуазных классов, которые употребляют все усилия, от клеветы до подкупа, для того, чтобы очернить в глазах народа, забросать грязью, внушить недоверие к представителям трудовой народной власти, а когда и эти меры оказываются недействительными, враги народа прибегают к мерам более серьёзным; они организуют свои боевые дружины – так называемую белую гвардию – задача которой защищать с оружием в руках господство капиталистов.

Чтобы иметь возможность противопоставить силе капиталистов силу трудового народа, мы должны создать народную Красную Армию для защиты дела трудового народа. По всей России в настоящее время идёт запись в Красную Революционную Армию добровольцев из солдат революционного крестьянства и рабочих. Старая, основанная на принуждении армия теперь вся распущена, и её необходимо заменить новой сознательно идущей в бой за освобождение трудящихся революционной народной армией, ибо врагов социалистического русского народа очень много. Русская буржуазия, видя, что здесь у себя она разбита на голову, ищет помощи у капиталистов других стран, и мы должны быть готовы к тому, чтобы с оружием в руках дать должный отпор посягательствам на наши революционные завоевания со стороны заграничной буржуазии, если бы таковая пошла на помощь к нашей. Мы живём на самой границе с Монголией, на нас тоже могут попытаться сделать нападение враги трудового народа из русских и монгольских капиталистов, почему нам здесь необходимо иметь свою Красную Армию. Красная Армия вербуется из революционных солдат, крестьян и рабочих, обязанных представлять при приёме удостоверение о своём хорошем поведении от своих местных советов, обществ или профессиональных организаций. Каждый Красногвардеец получает от государства 50 рублей ежемесячного жалования на полном готовом содержании и обмундировании.

Ставя в известность о всём вышеизложенном трудовое население Урянхайского края, Краевой Совет предлагает гражданам жителям Урянхая записываться в ряды Красной Армии в городе Белоцарске.

За Председателя Исполнительного Комитета /подпись/
Секретарь /подпись/

ГАРТ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 17. Л. 36. Подлинник

№ 14

Письмо Урянхайского краевого Исполнительного Комитета
Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов товарищу И.Г. Сафьянову
о контрреволюционном выступлении в Туране

6 мая 1918 г.

Ввиду необходимости выступления Урянхайской красной гвардии против контрреволюционного выступления Турана просим Вас срочно мобилизовать всех Ваших лошадей с экипажами и переправить их на эту сторону Енисея; если это нельзя сделать у Вас, то следует лошадей и экипажи пригнать на стрелку и здесь устроить переправу в большой казённой лодке. Прибывшим красногвардейцам прииска Железнова порекомендуйте переправу там, где Вы найдете удобным.

За председателя
Секретарь

ГАРТ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 106. Л. 10. Подлинник

№ 15

Телеграммы Урянхайского Краевого Исполнительного Комитета
Крестьянских и Рабочих Депутатов
об убийстве контрреволюционерами членов Крайсовдепа

Иркутск Сибирскхлеб
Чита Оболдуеву
Красноярск, Минусинск Совдепам

г. Белоцарск 1918 г.

Члены монгольской экспедиции совместно [с] местными контрреволюционерами убили членов Краевого Совдепа товарищей Крюкова, Беспалова, двух красногвардейцев. Красная гвардия выступила в поход, подробности выяснит следствие.

Совдеп

ГАРТ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 5. Л. 150. Незаверенная копия

№ 16

УДОСТОВЕРЕНИЕ
на организацию сельскохозяйственной артели, выданное
Исполнительным Комитетом Урянхайского краевого Совета
жителям г. Белоцарска

г. Белоцарск № 1058 25 июня 19

Предъявители сего граждане г. Белоцарска Семёнов Михаил, Орлаков Тимофей, Михайлицын Тимофей, Мальцев Трофим и Кузьменко Остафий, желающие организовать трудовую артель, согласно постановления 5 краевого съезда имеют по соглашению с владельцами и окрестными урянхами занять под устройство артельного хозяйства землю, живой и мёртвый инвентарь, постройки и всё необходимое для оборудования названного хозяйства из имений крупных капиталистов Урянхая.

Председатель Исполкома:

Секретарь:

ГАРТ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 96. Л. 60. Незаверенная копия

(Окончание следует)

Примечания

[1] Так до 1921 г. называлась Тува, ныне Республика Тува.

[2] Салтыков С.Н. – комиссар Временного правительства на правах иркутского генерал-губернатора, на него также возлагался высший надзор за Тувой (См.: *Дубровский В.А.* Первые Советы в Туве. Кызыл, 1979. С. 21).

[3] Правильно: Хемчикских хошунов, Оюнарского, Тоджинского, Чоду, Иргит, сумонов Маады и Чоду.

[4] Тувинские представители не поехали, так как не являлись гражданами России.

[5] На съезде председательствовал А.Х. Чакиров, бывший Усинский пограничный начальник.

[6] Правильные имена тувинских чиновников сверху вниз: Чимба, Эринчин, Нимажап, Балданяма, Гамалбатор, Тумен-Назыты, Лопсан-Осур.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-26-29

Шмидт Вальдемар

ОБЗОР АРХИВНЫХ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Рассматриваемая в статье тема об архивных фондах Центрального Государственного архива Республики Казахстан по вопросам деятельности партийных и советских органов Казахстана в отношении национальных меньшинств в период строительства социализма представляет несомненный интерес. Он обусловлен прежде всего значимостью этого исторического факта, так как в национальной политике полиэтнических государств проблемы представительства интересов национальных меньшинств всегда занимали важное место.

Впервые практика и осуществление государственной политики поддержки национальных меньшинств путем ликвидации их фактического неравенства была введена в Советской России в ходе проведения широкой программы решения национального вопроса[1]. До настоящего времени не было предпринято попыток основательного ознакомления с архивными фондами Центрального архива Казахстана, в которых отложились материалы, показывающие динамику развития механизма управления национальными процессами в регионах, населённых национальными меньшинствами. Основная цель статьи – ознакомить исследователей с теми архивными фондами, в которых чётко прослеживается развитие политического курса Советской власти в отношении национальных меньшинств Казахстана. Другой целью её является предоставление исследователям определённой информации об архивных фондах Центрального Государственного архива Республики Казахстан (далее ЦГА РК) по проблеме национальных меньшинств Казахстана в 1920-е – 1930-е годы.

В большинстве своём архивные фонды, материалы архивных дел ЦГА РК отражают своеобразие политической, культурной и социально-экономической жизни национальных меньшинств республики. К тому же эти архивные документы дают определённое представление о механизме формирования основных направлений политики как центральных партийных и советских органов, так и республиканских органов власти по отношению к национальным меньшинствам Казахстана в сложнейший период истории.

Документальная база по тематике национальных меньшинств Казахстана в 1920-е – 1930-е годы в фондах ЦГА РК достаточно широка и включает в себя различные виды источников. Значительную группу источников составляют законодательные акты – декреты, постановления Казахского Центрального Исполнительного Комитета (КазЦИКа) и Совета Народных Комиссаров (СНК) Казахской АССР, а также постановления и приказы Комиссариата Народного Просвещения (Наркомпрос) Казахской АССР, регламентировавшие взаимоотношения советских и партийных органов с различными группами национальных меньшинств, проживавших в регионе.

Наряду с официальными правовыми документами по вопросу национальных меньшинств в фондах ЦГА РК имеется также обширный круг подзаконных актов – ведомственных циркуляров, инструкций и разъяснений Наркомпроса Казахской АССР относительно национальных меньшинств. Документы Наркомпроса Казахской АССР и его структур, характеризующие политику государственных органов в области культуры, образования и просвещения национальных меньшинств, до сих пор являются слабо изученным и мало используемым источниковым материалом. В фондах ЦГА РК по тематике национальных меньшинств также содержатся отчёты и служебная переписка с местными органами власти о

проведении советского и государственного строительства, а также о мероприятиях по приобщению национальных меньшинств Казахстана к этому процессу.

В архивных фондах и делах ЦГА РК сохранился богатейший материал по политике советской власти в отношении национальных меньшинств Казахстана. К сожалению, большинство архивных фондов и дел ЦГА РК по данной проблеме остаётся неопубликованным и практически не изученным.

Обращение к этим вопросам важно, во-первых, в плане того, что проблема национальных меньшинств Казахстана в послеоктябрьский период не стала до сих пор объектом глубоких и всесторонних исторических исследований. Во-вторых, эти вопросы и их дальнейшее исследование во многом расширяют взгляд на политику советской власти в решении национального вопроса, его специфику в годы строительства социализма в этом регионе Центральной Азии.

Настоящая статья не претендует на полное и всестороннее освещение архивных фондов вышеназванного архива по истории национальных меньшинств Казахстана. По мнению автора, она должна хотя бы частично восполнить сложившийся в условиях тоталитарной системы дефицит информации, прежде всего касающийся мероприятий, условий, в которых проводилась политика советских и партийных органов республики в отношении национальных меньшинств, которые составляли значительную часть населения Казахской АССР.

К числу национальных меньшинств Казахской АССР принадлежали немцы, татары, таджики, уйгуры, узбеки и другие народы, в отношении которых принимались различные законодательные акты, регулирующие взаимоотношения советской власти с этими народами. Однако, как следует из большинства документальных источников, хранящихся в фондах ЦГА РК, на первоначальном этапе строительства социализма в Казахстане их политическим, социально-экономическим, культурным потребностям руководящие органы республики долгое время не уделяли должного внимания. Хотя для этих категорий национальных меньшинств был создан специальный институт уполномоченных по делам национальных меньшинств, он отличался слабым финансовым обеспечением[2].

Архивные фонды ЦГА РК освещают ситуацию среди национальных меньшинств Казахстана в противоречивый и очень сложный период их существования. В большинстве своём архивные документы в фондах ЦГА РК по данной проблеме представляют репрезентативные документальные источники, в которых содержатся определённые сведения о правовом, социально-экономическом, культурном положении национальных меньшинств в 1920-е – 1930-е годы. К числу данных репрезентативных документов относятся прежде всего официальные документы руководящих партийных органов Казахстана, которые в той или иной степени занимались проблемами национальных меньшинств, лишь в особых случаях требующими вмешательства центральной власти в ситуации, возникшие в среде национальных меньшинств региона. Большую группу источников составляют делопроизводственные документы, содержащие информацию о деятельности местных советских и партийных учреждений Казахстана в соответствии с законодательными актами и указаниями центральных органов власти по вопросам организации и контроля над проведением политики в отношении национальных меньшинств.

Надо отметить, что в большинстве своём документальные источники первой половины 1920-х годов по проблеме национальных меньшинств Казахстана немногочисленны. Эта фрагментарность документальных материалов, освещающих этот период, в фондах ЦГА РК не позволяет сделать обобщающие выводы о ситуации в среде национальных меньшинств Казахстана в те годы. Усиление партийной и советской работы среди национальных меньшинств Казахстана, как показывают материалы фондов ЦГА РК, начинается с середины 1920-х годов. Свидетельством этому является создание ряда национальных секций при Казахском Краевом комитете ВКП (б) для работы среди национальных меньшинств.

Так, например, с 1926 года действовала немецкая секция при Казахском Краевом комитете ВКП(б). Это в свою очередь повлияло на увеличение объёма документов, среди которых появляются специальные материалы, отражающие сведения об обследовании поселений не только немецких национальных меньшинств, но и других национальных меньшинств региона, их экономического, культурного, политического состояния[3].

На начальном этапе советская власть повсеместно учреждала национальные школы, способствовала развитию и распространению национальных языков, таким образом удовлетворяя требования тех народов, которым в Российской империи, несмотря на многие годы борьбы, не удавалось достичь успеха в этих вопросах. Там, где эти меньшинства жили компактно, создавались национальные районы и национальные сельские советы. Но не всё шло гладко. В документах архива указываются причины слабого развития советов и ведения делопроизводства на родном языке в поселениях национальных меньшинств. В деле 132 фонда 5 имеется докладная записка, в которой отмечается следующее: «Главные трудности к переходу Советов национальных меньшинств на родной язык заключаются в недостатке подготовленных советских работников из среды национальных меньшинств, а также в малочисленности и в распылённости нацменьшинств, в недостатке средств»[4].

Собранные в архивных фондах делопроизводственные документы советских и партийных органов Казахстана, касающиеся вопросов проведения политики советской власти в отношении национальных меньшинств, требуют дальнейшего осмысления и тщательного изучения. Прежде всего в фондах содержатся документальные материалы республиканских органов власти, в которых даются разъяснения, направлявшиеся в губернии с компактным проживанием национальных меньшинств. Там отмечается значимость проведения национальной политики среди национальных меньшинств Казахстана, составлявших значительную часть населения Казахской АССР – около 400 000 человек. Выявление, а также описание архивных и документальных материалов, касающихся вопросов политики в отношении национальных меньшинств Казахстана со стороны советских и партийных органов, влечёт за собой не только лучшее понимание этого исторического факта, но и, в более узком смысле, влияет на более детальное и систематическое изучение вопросов, связанных с мероприятиями советской власти в сфере национальных отношений в этом регионе.

Особенно интересны документальные материалы архивных дел фонда 30 «Совет Народных Комиссаров Казахской АССР», в котором сосредоточено 7046 архивных источников, отражающих период с 1920 по 1936 год. В основном в фонде содержатся архивные дела, в которых отложились документальные материалы, непосредственно касающиеся вопросов деятельности партийных и советских органов в отношении национальных меньшинств. К числу этих документальных материалов относятся различные телеграммы, протоколы и выписки из протоколов заседаний Совета Народных Комиссаров по проблемам национальных меньшинств, сведения от губернских исполнительных комитетов по губерниям Казахстана об их деятельности и мероприятиях в отношении различных категорий национальных меньшинств, проживавших на территории этих губерний. Огромное значение в плане исследования политики советской власти в отношении национальных меньшинств Казахстана обретают архивные и документальные материалы фонда 81 «Народный Комиссариат Просвещения Казахской АССР». Он состоит из 3583 архивных материалов, в которых отложились документы с 1920 по 1936 год. В фонде 81 собраны материалы о национальном составе школ Казахской АССР, статистические сведения и материалы о развитии национального образования среди национальных меньшинств, планы работы отдела национальных меньшинств при Казахском Центральном Исполнительном комитете, различные инструкции и циркулярные распоряжения Наркомпроса Казахской АССР, отчёты губернских отделов народного образования об их деятельности по выполнению указаний Наркомпроса Казахской АССР о создании школ для национальных меньшинств, обеспечении их учебными и методическими мате-

риалами. В делах архивного фонда 81 имеются также различные протоколы совещаний Наркомпроса Казахской АССР по делам национальных меньшинств при Президиуме КазЦИКа, директивы по вопросам культурно-просветительской работы в среде национальных меньшинств, телеграммы Наркомпроса Казахской АССР, циркуляры губернских уполномоченных по делам национальных меньшинств и многие другие документы. Архивные документы фонда 81 свидетельствуют о том факте, что большевистская партия рассматривала строительство советской школы в Казахстане среди национальных меньшинств как важнейшее условие на пути ликвидации фактической отсталости ранее угнетённых царизмом народов[5].

В различные периоды развития системы народного образования Казахстана местные и партийные органы проводили конкретные мероприятия для национальных меньшинств. Однако из архивных материалов фонда следует, что мероприятия руководящих органов во многом сводились только к декларативной деятельности, нашедшей своё выражение только в идеологических заявлениях, что на практике не реализовалось или реализовалось в недостаточной степени. Материалы фонда могут служить подспорьем при исследовании статистики национальных школ Казахской АССР по годам. В деле 106 этого фонда имеются сведения статистического характера о национальных школах для национальных меньшинств республики в 1931 году.

Таблица 1. Количество национальных школ Казахской АССР[6]

Национальный состав	Количество школ
Казахские	2153
Русские	949
Украинские	292
Узбекские	81
Татарские	15
Уйгурские	34
Дунганские	5
Немецкие	14
Белорусские	2
Прочих	33

В плане исследования темы о взаимоотношениях национальных меньшинств Казахстана с органами власти несомненный интерес представляют материалы фонда 5 «Центральный исполнительный комитет Казахской АССР». В фонде содержатся 7744 документальных источника с 1920 по 1937 год. Помимо документов, регулирующих общие вопросы проведения политики советских и партийных органов в отношении национальных меньшинств, в фонде 5 ЦГА РК имеется большой массив материалов, отражающих вопросы эмиграционного движения немцев конца 1920-х – начала 1930-х годов. В этих архивных документах имеются сведения о губерниях Казахстана, которые были охвачены эмиграционным движением среди немцев. Там указаны причины и особенности этого движения, а также отражена деятельность партийных и советских органов Казахстана по его ограничению. Интересные сведения по этому вопросу имеются в материалах протокола заседания Павлодарского окружного исполнительного комитета от 19.11.1929 года. В этом источнике указаны не только причины, побудившие немецкое население Павлодарской области к выезду за границу, но и реакция государственных органов на эту проблему. Хотелось бы привести этот документ полностью:

«Заслушав доклад о массовой тяге немецкого населения к выезду заграницу, учитывая политическую важность данного вопроса, Президиум Павлодарского окружного исполнительного комитета (окрисполкома) отмечает:

1) Тяга немецкого населения к выезду заграницу принимает стихийно-массовое явление благодаря агитации духовенства, а также получению сообщений из Америки от ранее уехавших зажиточных односельчан;

2) Слабость культурно-массовой работы среди немецкого населения, в то время как данная национальность по своему культурному уровню предъявляет гораздо большие требования, чем другие национальности;

3) Слабая постановка общественно-политической работы среди немецкой бедноты толкает её под влияние зажиточных кулаков и духовенства, всякими мерами старающихся срывать мероприятия Советской власти. (Примером этому может служить противодействие хлебозаготовкам в поселке Аввакумово Иртышского района). Необходимо добиться решительного перелома в немецких поселениях в кратчайший срок и изжития эмигрантских настроений среди немецкого населения»[7].

Также важны источниковые материалы фонда 5, содержащие переписку по «немецкой проблеме», возникшей в результате проведения коллективизации в районах с компактным проживанием немецких национальных меньшинств. Так, в письме уполномоченного по делам национальных меньшинств при Павлодарском окрисполкоме от 29.09.1929 года отмечалось следующее: «Из полученного от Вас постановления Президиума окрисполкома по “немецкой проблеме” видно, что до сих пор никакой работы по вашему округу не велось, между тем ведение работы среди немецких национальных меньшинств по вашему округу имеет огромное значение»[8].

Важным источниковым материалом фонда 5 являются также сведения об организации национально-однородных Советов, распоряжения об их организации, роли и значимости вовлечения в их деятельность национальных меньшинств. В деле 115 этого фонда имеются статистические данные о вовлечении национальных меньшинств Казахстана в советское строительство[9]. Информативными материалами также являются различные акты об обследовании наличия однородных районов и сельских советов национальных меньшинств. В этих материалах уделено много внимания вопросам делопроизводства на родном языке национальных меньшинств. В фонде 5, деле 410 по этому вопросу имеется следующая информация.

«1) Однородных районов по Казахстану: узбекских – 2 (сельских советов 64), уйгурских районов – 2 (сельских советов 45), украинских районов – 3, немецких районов – 1 (сельских советов 40);

2) Однородных сельских советов: таджикских 5, дунганских 2, белорусских 2, эстонских 2, мордовских 2, чувашских 2, молдованских 2, киргизских 2.

Делопроизводство во всех районах не переведено на родной язык, литературой для всех национальных меньшинств на родном языке не обеспечены»[10].

В этом фонде также отложились материалы об охвате детей национальных меньшинств всеобщим обучением. Так, в материалах краевого уйгурско-дунганского совещания отмечалось, что «обучение в национальной школе до сего дня не даёт достаточного объёма общеобразовательного уровня знаний и совершенно неудовлетворительно разрешает задачу подготовки грамотных учащихся. Вопросы антирелигиозного и интернационального воспитания не получили ещё должного места в практике национальной школы. Ещё имеют значительное место извращения в области коренизации школ (преподавание в уйгурских и дунганских школах ведётся на казахском и татарском языках, а в школах западноевропейских национальных меньшинств на русском)»[11].

К числу значимых архивных фондов по вопросам взаимоотношений советских и партийных органов Казахстана с национальными меньшинствами республики относятся документы фонда 969 «Государственная плановая комиссия при Совете Народных Комиссаров Казахской АССР». В этом фонде хранятся документальные материалы за период с 1921 по 1937

год. Он составляет 5769 архивных материалов. Материалы фонда в основном состоят из протоколов заседаний СНК Казахской АССР по вопросам образования, организации школ среди национальных меньшинств. Имеются также сведения о деятельности Совета по просвещению национальных меньшинств. В архивных делах фонда сосредоточены сведения по вопросам издания учебников и учебных пособий на родном языке, освещены трудности этого процесса.

Помимо этого, в фонде отложились материалы по вопросам экономического районирования в районах с компактным проживанием национальных меньшинств. Во многих архивных делах фонда 962 имеются сведения о причинах недостаточной работы среди национальных меньшинств республики.

В деле 16 фонда 962 отмечается, что «по многим губерниям работники в среде нацмен почти вовсе отсутствовали. Организация работы по вопросу о национальных меньшинствах осложнялась тем более, что со стороны партийных, комсомольских и профессиональных органов наблюдалось полное равнодушие, безучастность, сознательный тормоз и срыв в работе через печать и агитации о ненужности, бесцельности просвещения национальных меньшинств на родном языке»[12].

Интересными материалами фонда являются отчеты Наркомпроса по годам. Значимость их прежде всего в том, что они содержат статистические сведения о количестве населения республики, численности национальных меньшинств по губерниям Казахстана, о районах их проживания, уровне грамотности, сведения об охвате детей национальных меньшинств школами. По вопросам неграмотности среди национальных меньшинств отмечается, что «в отношении грамотности Казахстан представляет из себя самую отсталую страну. Особенно поражает своей отсталостью коренное население казахи, где процент неграмотности доходит до 95,9%. Среди населения национальных меньшинств, не владеющих грамотой, выделяются в процентном отношении следующие группы.

Таблица 2. Численность неграмотного населения среди национальных меньшинств Казахстана в процентном отношении»[13]:

Русские	Татары	Немцы	Прочие национальные меньшинства
58%	73%	54%	89%

В этом фонде отложились также сведения о развитии начального образования среди национальных меньшинств на родном языке. При чем эти сведения касаются более крупных этнических групп республики.

Таблица 3. Развитие начального образования национальных меньшинств Казахстана на родном языке в процентах[14]:

Национальность	Родном	Родном и русском	Русском	Прочих	В числе прочих языков
1. Казахи	89,6	5,6	4,6	0,8	–
2. Русские	99,6	–	–	0,4	казахский
3. Украинцы	0.06	–	99,9	0,4	казахский
4. Немцы	74,7	8,9	16.2	0,2	эстонский
5. Поляки	–	–	95,6	4,4	немецкий
6. Евреи	31,0	69,0	–	–	–

Таким образом, материалы архивных фондов и дел ЦГА РК по вопросам взаимоотношения и политики, проводимой советскими и партийными органами Казахстана в 1920-е – 1930-е годы, дают полное и объёмное представление о состоянии, особенностях, трудностях проводимой политики в годы строительства социализма в регионе. Следовательно, архивные фонды и дела ЦГА РК по вопросам развития национальных меньшинств Казахстана в послеоктябрьский период представляют несомненный интерес для дальнейших исследований этой многогранной проблемы.

Примечания

[1] *Казиев С.Ш.* Политика коренизации и проблемы межэтнических отношений в советском Казахстане (1923–1936 гг.) // Омский научный вестник. Гуманитарные науки. 2015, № 2 (136). С. 29.

[2] См.: *Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. Москва, 2008. С. 561.

[3] Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.) / Сб. документов. Алматы – Москва, 1997. С. 4.

[4] ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 8. Д. 132. Л. 5. Докладная записка об усилении руководства советской работой среди национальных меньшинств в 1925/1926 и 1926/1927 годах.

[5] *Шмидт В.* Советизация и система народного образования среди немецкого населения Казахстана (середина 20-х – конец 30-х гг.) // Вопросы германской истории / Сб. научных трудов / Отв. ред. Бобылева С.И. Днепропетровск, 2004. С. 138.

[6] ЦГА РК. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 106. Л. 3. Статистические сведения о национальном составе школ Казахской АССР.

[7] ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 9. Д. 169. Л. 41–41об. Из протокола заседания Павлодарского окружного исполнительного комитета от 19.11.1929 года.

[8] ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 9. Д. 169. Л. 40.

[9] ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 8. Д. 115. Л. 38. Вовлечение национальных меньшинств в советское строительство в Казахстане в 1927 году.

[10] ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 12. Д. 410. Л. 6. Акт о состоянии советского строительства в Казахстане на 1931 год.

[11] ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 14. Д. 307. Л. 7. Постановление Краевого уйгурско-дунганского совещания по докладу Казахского Наркомпроса о всеобуче детей национальных меньшинств от 7.04.1933 года.

[12] ЦГА РК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.

[13] ЦГА РК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 16. Л. 51. Отчёт о деятельности Народного Комиссариата Просвещения Казахстана за 1924/1925 гг.

[14] ЦГА РК. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 327. Л. 65.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-71-81

В.Г. Бухерт

ПРОЕКТ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ЭКСПЕЦИДИИ В СИНЬЦЗЯН 1955–1957 гг.

Одним из наиболее перспективных направлений советско-китайского взаимодействия после образования КНР должно было стать сотрудничество в области науки. В сентябре-октябре 1954 г. в составе делегации деятелей советской культуры в КНР побывали и учёные: академики К.В. Островитянов[1], И.Г. Петровский[2], А.М. Панкратова[3] и президент АН Казахской ССР Д.А. Кунаев[4]. Об итогах этой поездки К.В. Островитянов доложил 12 ноября 1954 г. на заседании Президиума АН СССР, который принял постановление, обязывавшее Бюро Отделений (экономических, философских и правовых наук; исторических наук; литературы и языка; геолого-географических наук) представить к 10 марта 1955 г. планы конкретных мероприятий по развитию сотрудничества с китайскими учёными, включая проведение совместных научно-исследовательских работ[5].

Среди этнографов инициативу проявил Г.Ф. Дебец[6], обратившийся 31 марта 1955 г. к директору Института этнографии АН СССР С.П. Толстову[7] с предложением организовать антропологические, археологические и этнографические исследования в Синьцзяне и Западной Монголии. В свою очередь С.П. Толстов в своём письме президенту АН КНР Го Можо[8] от 6 августа 1955 г. предлагал организовать уже две совместные экспедиции: комплексную китайско-советскую историко-археологическую – в Синьцзян и китайско-советско-вьетнамскую этнографо-антропологическую – в Южный Китай и Северный Вьетнам. О том же он писал 8 августа 1955 г. и вице-президенту АН СССР К.В. Островитянову[9].

В письме Го Можо от 20 августа 1955 г., адресованном побывавшему в КНР В.А. Ковде[10], заявлялось о готовности поддержать инициативу С.П. Толстова об организации совместной экспедиции в Синьцзян.

20 июня 1956 г. С.П. Толстов вновь обратился к Го Можо, предлагая отправить совместную экспедицию в Синьцзян уже в следующем году. Ответом стало письмо к С.П. Толстову главного секретаря АН КНР Пэй Лишэна от 1 августа 1957 г., в котором признавалось «огромное значение» задуманной экспедиции для развития этнографии как в КНР, так и в СССР, но, «ввиду недостаточного опыта и слабой силы в этой области» китайских учёных, предлагалось отложить экспедицию на два года[11].

11 декабря 1957 г., во время визита в СССР научно-технической делегации КНР во главе с Го Можо[12], было подписано соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией наук КНР сроком на пять лет, которым предусматривалось проведение совместных исследований и экспедиций[13]. Последующее ухудшение советско-китайских отношений повлияло на судьбу замысла, который не был реализован. Проект экспедиции в Синьцзян, в случае его осуществления, мог бы стать одним из наиболее значимых в истории советско-китайского научного сотрудничества.

№ 1

Г.Ф. Дебец – С.П. Толстову

Москва. 31 марта 1955 г.

Директору Института этнографии

О необходимости антропологических, археологических и этнографических исследований в Синьцзяне и в Западной Монголии

Результаты антропологических, археологических и этнографических исследований, произведённых за последние годы в советских республиках Средней Азии и в Алтае-Саянском

нагорье, привели, в частности, к твёрдому выводу о глубокой исторической связи народов Средней Азии и Южной Сибири с народами Синьцзяна и Западной Монголии. Работы Киргизской экспедиции[14] показали, что центральная её задача – выяснение происхождения киргизского народа – не может быть не только решена, но даже сколько-нибудь серьёзно продвинута без углублённых исследований за пределами СССР. Антропологические работы привели к выводу, что предками киргизов Тянь-Шаня, Иссык-Куля и Памиро-Алтая по меньшей мере на 90% являются племена и народы центральноазиатского происхождения. Этнографические исследования обнаружили ряд весьма существенных параллелей в культуре киргизов и тувинцев. Археологические исследования, наряду с установлением ряда черт общности между древними культурами Киргизии и западных областей Средней Азии, вместе с тем выявили многочисленные связи с культурами Алтае-Саянского нагорья, осуществлявшиеся не через Казахстан, а через территорию современного Синьцзяна. Можно с уверенностью говорить о таких связях по крайней мере для первого тысячелетия до н.э. По отношению к более древним эпохам этого утверждать нельзя, но только вследствие недостаточной археологической изученности памятников этих эпох на территории среднеазиатских республик. Языковеды пока не открыли, насколько мне известно, новых фактов, касающихся истории киргизского языка, но с тем большей очевидностью встаёт задача проверки и уточнения наблюдений о специфических чертах сходства языка хотонов Западной Монголии с киргизским языком. В классификации Н.А. Баскакова[15] киргизский язык объединяется в одну группу с алтайским языком. Оба языка обнаруживают черты сходства, с одной стороны, с тюркскими языками кыпчакской ветви, а с другой – с языками северо-восточной ветви. Иными словами – Киргизия не родина киргизского народа, а если это утверждение и окажется слишком категоричным, то несомненно, что центральноазиатские племена и народы явились основным или, в самом крайнем случае, одним из основных компонентов сложения киргизского народа.

По отношению к истории киргизов работы в Синьцзяне и в Западной Монголии являются наиболее актуальными. Но, может быть, в несколько меньшей, однако всё-таки в очень значительной мере эти исследования необходимы и для понимания истории других народов Средней Азии и Южной Сибири. Бесспорно и общеизвестно значение Джунгарских ворот в истории народов не только Средней Азии, но значительной части Русской равнины. Между тем материалы советских экспедиций охватывают территории, лежащие к западу от этих ворот. О всём, что находится или находилось к востоку от них, приходится судить на основании устаревших, неполных и несовершенных исследований немецких, шведских, английских и дореволюционных русских экспедиций, целевая направленность которых сосредотачивалась главным образом вокруг собирания буддистских древностей.

Можно утверждать, что не было такого периода в истории народов Средней Азии и Южной Сибири, на протяжении которого не было бы тех или иных форм связей их с народами Кашгарии, Джунгарии и Монголии.

Но количество, роль и значение уже намеченных связей и параллелей окажется, вероятно, лишь незначительной частью тех параллелей и связей, которые будут открыты в результате новых исследований. Совсем недавно аспирант В.П. Алексеев[16] закончил работу о физическом типе племён бронзового века Алтае-Саянского нагорья. Использовав новые методические приёмы и новый материал, он пришёл к убедительному выводу о том, что племена карасукской культуры начала I тысячелетия до н.э. обнаруживают в физическом типе наибольшее родство не с племенами Восточной Монголии и Китая, как ранее предполагалось, а с какими-то, археологически ещё не открытыми племенами, жившими где-то в Средней Азии и в Синьцзяне. Приоткрывается новая, совершенно до сих пор не известная страница древней истории.

Некоторые из выдвигаемых здесь доводов о необходимости организации комплексной советско-китайской или советско-монгольской экспедиций были мною изложены в подробной

докладной записке, поданной в Киргизский филиал АН СССР летом 1954 года. В той же записке были приведены некоторые соображения о плане, маршруте и составе отрядов такой экспедиции. Одной из первых организационных форм должно быть маршрутное обследование от Киргизии до Тувы через Кашгарию, Джунгарию и Западную Монголию. Насколько мне известно, Президиум филиала одобрил эту идею и предпринял даже какие-то шаги для её осуществления. Мне неизвестны, однако, результаты.

Позволю себе обратить Ваше внимание на то, что все высказанные выше соображения неизменно встречали самое горячее сочувствие у археологов, этнографов и языковедов, так или иначе соприкасающихся в своей работе с проблемами древней истории народов Средней Азии и Сибири. Помимо изложенных здесь, они выдвигали новые аргументы, которые они, несомненно, могут опять представить при обращении к их мнению по этому вопросу. Укажу на А.Н. Бернштама[17], Л.Р. Кызласова[18], С.М. Абрамзона[19], И.А. Батманова[20]. Мне сообщили об интересных фактах, имеющихся в распоряжении С.Е. Малова[21].

В случае, если Вы найдёте это целесообразным, я готов представить в развёрнутом виде антропологическую аргументацию в пользу вышесказанных выше предложений. Уверен, что по отношению к другим областям знания не будет недостатка в аргументации со стороны соответствующих специалистов.

Старший научный сотрудник
Института этнографии Г. Дебец

АРАН. Ф. 142 (Институт этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук). Оп. 1. Д. 904. Л. 1–4. Машинопись, подпись – автограф.

№ 2

С.П. Толстов – Го Можо

6 августа 1955 года

Президенту Академии наук Китайской Народной Республики академику Го Можо

Глубокоуважаемый товарищ Го Можо!

К моему искреннему сожалению, мне до сих пор не удалось лично встретиться с Вами. В те периоды, когда Вы бывали в Москве, я находился либо в экспедиции, либо в отъезде по другим неотложным делам. Поэтому обращаюсь к Вам с письмом.

Работая в области истории и археологии Средней Азии, я всё более убеждаюсь в назревшей необходимости организовать совместное, силами китайских и советских учёных исследование в пределах тех территорий, население которых является предметом моих научных интересов. Недавно я консультировался по этим вопросам с членом-корреспондентом АН СССР В.А. Ковдой, только что вернувшимся из КНР. Он посоветовал мне обратиться лично к Вам.

Археологические, этнографические и антропологические исследования в среднеазиатских республиках (на территории бывшего Русского Туркестана), проведённые экспедициями Академии наук СССР и Академиями наук союзных республик, Хорезмской экспедицией, Памиро-Ферганской, Киргизской, Таджикской, – выявили в общих чертах сложные процессы этногенеза народов Средней Азии, картину экономических и культурных их связей, идущих как в европейскую часть СССР и Сибирь, так и в зарубежные страны Востока и, в первую очередь, в Северо-Западный Китай (т[ак] н[азываемый] «Китайский Туркестан», т.е. провинцию КНР Синьцзян).

Важнейшие археологические открытия на этой территории, сделанные различными экспедициями ещё в начале XX в., обнаружение здесь памятников древних языков – дают основание со всей остротой ставить вопрос о необходимости широкого развёртывания работ на этой территории.

Археологические материалы из Синьцзяна призваны сыграть важнейшую роль в разрешении многих вопросов истории народов Средней Азии, особенно вопросов, связанных с происхождением среднеазиатских народов, так как исторические корни многих из них ведут на Восток, на территорию Синьцзяна и Монголии. Особенно остро в последнее время ставился, например, вопрос о происхождении киргизского народа. Этот вопрос не может быть практически разрешён без развёрнутых археолого-антропологических исследований на территории Северного Синьцзяна.

В значительной мере аналогичным является состояние вопроса о происхождении тюркоязычных элементов узбекского народа, исторические корни которых уходят в Кашгарию и более отдалённые районы Центральной Азии. Наконец, огромное общеисторическое значение имеет вопрос, который может быть разрешён только совместными усилиями советских и китайских исследователей: это вопрос о древнем «Великом шёлковом пути», бывшем важнейшей магистралью древних связей между странами Передней Азии, Европы и Китая, проходившей через территорию Синьцзяна и республик советской Средней Азии.

Собранный нашими экспедициями материал, мы надеемся, может быть также широко использован китайскими учёными в их работе по изучению памятников Синьцзяна, синхронных и близких по своему характеру памятникам среднеазиатских республик СССР. Это относится, в частности, к таким вопросам, как изучение древней и средневековой ирригационной системы, поселений и городов, исследование погребальных памятников в целях разработки на базе этого изучения целого ряда вопросов истории социально-экономических отношений, изучения документов на древних языках и др.

В связи с этим мне представляется весьма целесообразным организовать совместную китайско-советскую комплексную историко-археологическую экспедицию в Синьцзян, в которой приняли бы участие археологи, антропологи, этнографы и филологи.

Работы такой экспедиции должны быть рассчитаны на ряд лет. Во всяком случае, при условии начала работ [в] 1956 г. она должна работать в течение всей предстоящей пятилетки.

Кроме этой первоочередной и, как мне кажется, наиболее близкой по возможностям к реализации экспедиции, мне представляется также весьма желательным в ближайшем будущем организовать, опять-таки совместную, китайско-советско-вьетнамскую этнографо-антропологическую экспедицию в Южный Китай и Северный Вьетнам.

Здесь я выступаю уже не лично от своего имени, а как директор Института этнографии, ведущего исследования в области этнографии и этнической антропологии всех частей света.

Этнографическое и антропологическое изучение территории Южного Китая и Северного Вьетнама важно, как мне кажется, не только для решения вопросов истории Китая и Вьетнама, но имеет также и большой общеисторический интерес, ибо на всей территории, являющейся, по мнению большинства исследователей, одним из важнейших центров, откуда шло заселение тихоокеанских областей Индонезии и Океании, лежит разгадка сложнейших вопросов этнической антропологии и этногенеза народов Юго-Восточной Азии и Океании.

Конечно, эта экспедиция потребует для осуществления более длительной подготовки и могла бы быть соответственно начата в ближайшие два-три года.

Я очень просил бы Вас сообщить Ваше мнение по поднятым мною вопросам. В случае Вашего положительного отношения, я мог бы войти в Президиум Академии наук СССР с официальным представлением. Пользуюсь случаем преподнести Вам некоторые из моих работ.

С искренним уважением

Член-корреспондент АН СССР

директор Института этнографии АН СССР, профессор С.П. Толстов

АРАН. Ф. 1705 (К.В. Островитянов). Оп. 2. Д. 11. Л. 1–4. Машинопись, подпись – автограф. На бланке Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

№ 3

С.П. Толстов – К.В. Островитянову

8 августа 1955 года

Вице-президенту Академии наук СССР
академику К.В. Островитянову

Глубокоуважаемый Константин Васильевич!

Русская наука имеет давние прочные традиции, связанные с изучением этнической истории населения Китая. Эта традиция восходит ещё к работам Леонтьева[22], Иакинфа (Н.Я. Бичурина)[23] и др. Однако на протяжении последних пятидесяти лет экспедиции русских учёных – этнографов, археологов и филологов – в Китай не проводились, что, несомненно, не могло не сказаться на состоянии наших знаний о населении великой, дружественной нам страны.

В связи с этим назрел вопрос об участии советских учёных в проведении экспедиционных исследований в различных районах Китая, особенно в окраинных его районах, имеющих сложный этнический состав и сложную историю. К таким провинциям относится провинция Синьцзян (Северо-Западный Китай) и южные области Китая.

Учитывая эти обстоятельства, мне представляется целесообразной организация двух совместных советско-китайских экспедиций: синьцзянской комплексной историко-этнографической экспедиции и советско-китайско-вьетнамской этнографо-антропологической экспедиции.

А. Успешное развитие археологических, антропологических и этнографических исследований в среднеазиатских советских республиках благодаря работам экспедиций Академии наук СССР и Академий наук союзных республик – Хорезмской, Памиро-Ферганской, Киргизской, Таджикской, Южно-Туркменской и других – позволили сделать ряд больших исторических обобщений, касающихся древней и средневековой истории, общественного строя, хозяйства, древней и средневековой ирригации, древних языков и письменности и др. Собранные материалы выявили в общих чертах сложные процессы этногенеза народов Средней Азии, экономические и культурные их связи, ведущие в Европейскую часть СССР, Сибирь, а также зарубежные страны Востока. Однако глубокое изучение всех этих вопросов упирается в недостаток научных материалов по смежным со среднеазиатскими советскими республиками зарубежным областям и, в первую очередь, по Северо-Западному Китаю («Китайский Туркестан» – Синьцзян) с его сложным этническим составом, во многом близком к населению среднеазиатских республик СССР.

В начале XX в. археологическая и этнографическая изученность Синьцзяна во многих отношениях опередила исследования территории Русского Туркестана. Там вели большую работу крупные экспедиции – русские (Пржевальский[24], Потанин[25], Грум-Гржимайло[26], Ольденбург[27] и др.), английские (Аурель Стейн[28]), немецкие (Фон-Лекок[29]), французские (Поль Пельо[30]), которые провели большие исследования, обогатившие науку крупными открытиями в области материальной культуры, памятников древней письменности и пр. Открытие памятников согдийского, сакского и особенно тохарского языков в Синьцзяне в своё время произвело переворот в развитии индоевропейского языкознания.

После I-й мировой войны и Великой Октябрьской революции положение резко изменилось. В то время как изучение территории СССР, в особенности с 1930-х гг., широко развернулось, исследования на территории Синьцзяна практически прекратились, что привело к отмеченному выше разрыву в степени изученности Китайского Туркестана (Синьцзяна) и территории советских республик Средней Азии.

Большая и ценная работа, осуществлённая китайскими археологами, пока развёртывается на территории собственно Китая.

В связи с вышеизложенным мы считаем, что было бы целесообразно поставить перед правительством Китайской Народной Республики и Китайской академией наук вопрос об организации совместной советско-китайской комплексной историко-этнографической экспедиции. Для этой экспедиции могут быть использованы лучшие кадры перечисленных выше советских экспедиций в Среднюю Азию.

Опыт наших экспедиций по изучению исторических памятников советской Средней Азии может быть широко использован в совместной с китайскими специалистами работе по изучению памятников Синьцзяна, синхронных и близких по своему характеру памятникам среднеазиатских республик СССР. Это относится, в частности, к таким вопросам, как изучение древней и средневековой ирригационной системы, поселений и городов, исследование погребальных памятников в целях разработки на базе этого изучения целого ряда вопросов истории социально-экономических отношений, для разработки вопросов происхождения народов, изучения истории древних языков и др.

С другой стороны, синьцзянские материалы совершенно необходимы для разрешения многих вопросов истории народов Средней Азии, особенно вопросов, связанных с происхождением среднеазиатских народов, так как исторические корни многих из них ведут на Восток, на территорию Синьцзяна и Монголии. Особенно остро последнее время стал, например, вопрос о происхождении киргизского народа. Этот вопрос практически не может быть разрешён без постановки развёрнутых археолого-антропологических исследований на территории северного Синьцзяна.

В значительной мере аналогичным является состояние вопроса о происхождении тюркоязычных элементов узбекского народа, исторические корни которых уводят в Кашгарию и более отдалённые районы Центральной Азии. Наконец, имеющим огромное общеисторическое значение является вопрос, который может быть разрешён только совместными усилиями советских и китайских исследователей: это вопрос о древнем «Великом шёлковом пути», являющемся важнейшей магистралью древних связей между странами Передней Азии, Европы и Китаем, и проходившем через территорию Синьцзяна и республик советской Средней Азии.

Осуществление этих исследований потребует ряда лет. Во всяком случае, при условии начала экспедиции в 1956 году, она должна работать в течение всей предстоящей пятилетки.

В связи с этим было бы чрезвычайно целесообразным уже в этом году войти в предварительные переговоры с Китайской академией наук и в случае положительного ответа с её стороны подготовить детальный план экспедиции и выехать в Пекин для совместного обсуждения его с китайскими учёными не позднее начала 1956 года. С советской стороны следует предусмотреть участие в этой экспедиции археологов, антропологов, этнографов и филологов. В частности, лично я и некоторые сотрудники возглавляемой мною Хорезмской экспедиции охотно приняли бы участие в этом большом и важном научном мероприятии.

Б. Кроме этой первоочередной и наиболее близкой к реализации задачи, мы считаем необходимым в ближайшем будущем просить организовать этнографо-антропологическую экспедицию в Южный Китай и Северный Вьетнам. Этнографическое и антропологическое изучение населения южной части Китая представляет задачу большой важности. Население этих районов Китая особенно сложно по своему этническому составу (так, например, в провинции Юньнань живут десятки национальностей и этнических групп, более 50% населения провинции Гуйчжоу составляют национальные меньшинства и т.д.). Имеющиеся в литературе сведения по этим группам совершенно неудовлетворительны. Однако без учёта материалов по национальным меньшинствам Китая нельзя правильно решать не только вопросы этнической истории Китая, но и понять многие вопросы его политической истории и современного состояния.

Особый интерес представляет изучение третьего по численности национального меньшинства Китая – народа йи[31] (южная часть провинции Сычуань, северная Юньнань, западная часть провинции Гуйчжоу). В области этнографии центральной задачей должно явиться изучение общественного строя йи, сохраняющего до последних дней, как указывает т. Мао Цзэдун[32], черты рабовладельческих отношений. Антропологическое исследование этого народа даёт материал для решения вопроса происхождения южных китайцев и послужит надёжной базой для разрешения сложнейшей проблемы формирования южномонголоидных типов. Кроме Южного Китая, комплексному изучению в этой связи должно подвергнуться население севера Вьетнамской Демократической Республики (народы яо, группы таи и др.) Эта проблема важна не только для Китая и Вьетнама, но представляет большой общеисторический интерес в связи с тем, что, по мнению большинства специалистов, вся эта территория является одним из важнейших центров, откуда шло заселение тихоокеанских областей – Индонезии и Океании.

Создание южно-китайско-вьетнамской экспедиции силами советских, китайских и вьетнамских учёных поможет решить, таким образом, целый ряд важнейших исторических проблем.

Эта экспедиция потребует более длительной подготовки и может соответственно начаться в ближайшие 2-3 года. В том случае, если вопрос о целесообразности организации южно-китайско-вьетнамской экспедиции будет решён положительно, представляется необходимым выезд одного-двух специалистов в течение 1956 года для переговоров на местах.

* * *

Необходимо отметить ещё одно важное обстоятельство, требующее изучения на месте населения Китая и Вьетнама. Институт этнографии АН СССР готовит к изданию сводный труд «Народы Восточной и Юго-Восточной Азии»[33] серии «Народы мира». Обсуждение этого тома в среде китайских и вьетнамских учёных, а также проверка фактов на месте представляется делом первостепенной важности.

К этому надо добавить следующее обстоятельство. В то время как археологическая наука в Китае и до создания Китайской Народной Республики развивалась довольно успешно, хотя и ограничивалась территорией собственно Китая, этнографические и антропологические исследования, представляющие для Китая с его многонациональным населением особый интерес как до 1950 года, так и сейчас, очень отстают. В связи с этим совместная работа китайских и советских этнографов и антропологов и помощь наших специалистов будут весьма своевременны.

Я беседовал по всем этим вопросам с членом-корреспондентом В.А. Ковдой, работавшим научным консультантом АН СССР в Китае. Он рекомендовал обратиться с письмом непосредственно к президенту Китайской академии наук Го Можо. Если Вы также считаете это целесообразным, то я мог бы составить проект такого письма для предварительного согласования с президентом Китайской академии наук намечаемых мероприятий.

С искренним уважением
Директор Института этнографии
член-корреспондент АН СССР С.П. Толстов

АРАН. Ф. 1705. Оп. 2. Д. 11. Л. 5–11. Машинопись, подпись – автограф. На бланке Института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР.

№ 4

Го Можо – В.А. Ковде

20 августа 1955 года

Глубокоуважаемый Виктор Абрамович!

Работы советского археолога члена-корреспондента АН СССР С.П. Толстова по раскопкам в древнем Хорезме являются весьма ценными и вместе с тем крайне необходимыми. Я лично и другие товарищи нашей Академии очень радуемся его предложению.

Мы будем договариваться с Министерством культуры КНР, Институтом нацменьшинств и местным правительством Синьцзян[а], чтобы эти стороны уделяли свои кадры для участия в работе. Вместе с тем Институт археологии АН КНР также подберёт своих работников для этого дела.

Это совместная работа, как Вы уже написали в своём письме, значительно способствует подготовке археологов-этнографов в Академии наук и Синьцзяне и готовит условия для создания Института этнографии в АН КНР и развёртывания археологических работ в Синьцзяне. Мы искренно радуемся предложению тов. Толстова.

Желаю Вам здоровья

Го Можо

АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 904. Л. 12. Машинописная копия.

№ 5

В.А. Ковда – С.П. Толстову

3 сентября 1955 года

Дорогой Сергей Павлович.

Посылаю Вам копию письма Президента Академии наук Китая Го Можо. Это письмо недавно получено мною в ответ на моё неофициальное сообщение о Вашем желании начать археологические работы в Китае. Полагаю, что сейчас Вам целесообразно этот вопрос уже продвигать официальными путями.

Привет. Ваш В. Ковда

Адрес: Москва. М. Якиманка, 3, кв.19.

АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 904. Л. 11. Машинописная копия.

№ 6

С.П. Толстов – Го Можо

29 июня 1956 года

Президенту Академии наук Китая

Профессору Го Можо

Глубокоуважаемый товарищ Президент!

В своё время я ставил вопрос об организации совместных китайско-советских археолого-этнографических экспедиций на территории Китая и СССР и, в частности, об экспедиции советских и китайских учёных в Синьцзян.

Взаимное обогащение опытом и совместная работа китайских и советских учёных в различных областях науки уже принесла свои плоды. В области исторической науки советские и китайские учёные разрабатывают ряд смежных проблем, решение которых во многом зависит от совместных усилий учёных Китая и СССР. К таковым нужно отнести круг вопросов истории и этногенеза народов Советского и Китайского Туркестана. Археологические, этно-

графические и антропологические исследования в среднеазиатских советских республиках, проведённые экспедициями Академии наук СССР и Академиями союзных республик, – Хорезмской, Памиро-Ферганской, Киргизской, Таджикской – позволили сделать целый ряд больших исторических обобщений, касающихся древней и средневековой истории, общественного строя, хозяйства, ирригации и др. на территории советской Средней Азии. Собранные этими экспедициями материалы выявили в общих чертах сложные процессы этногенеза народов Средней Азии, экономические и культурные их связи, ведущие как в Европейскую часть СССР, Сибирь, так и в зарубежные страны Востока. Однако глубокое изучение всех этих вопросов упирается в недостаток научных материалов по смежным со среднеазиатскими советскими республиками зарубежным странам. Осуществление исследований совместными силами китайских и советских учёных на смежных территориях наших стран представит серьёзный шаг в деле разрешения проблем как общеисторического характера (вопрос о «древнем шёлковом пути», являвшемся важнейшей магистралью древних связей между странами Передней Азии, Европы и Китая, и проходившем через территории Синьцзяна и республик советской Средней Азии и др.), а также вопросов этногенеза народов советской Средней Азии и Синьцзяна – казахов, киргизов, узбеков, уйгуров и др.

Виктор Абрамович Ковда, с которым мы беседовали на эту тему, обратился к Вам с письмом, на которое Вы, как мне стало известно, ответили положительно, поддержав идею создания такой экспедиции.

Участвовавший в работе Этнографического совещания в Ленинграде директор Центрального института национальных меньшинств профессор Линь Яохуа также самым положительным образом отозвался о проекте организации совместных экспедиций. Всё это, мне кажется, позволяет считать, что настало время принять конкретные меры для реализации этого плана.

Мне представляется, что можно было бы приступить к совместным работам уже в 1957 году, если, конечно, с Вашей стороны не будет возражений. Для подготовки и выработки конкретного плана организации экспедиционных работ представляется целесообразной предварительная встреча советских и китайских учёных в Пекине или Москве, по Вашему усмотрению, в конце 1956 – начале 1957 года.

Если это предложение не встретит с Вашей стороны возражений, я войду с соответствующим ходатайством в Президиум АН СССР.

В ожидании Вашего ответа

С искренним уважением к Вам

С.П. Толстов

АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 904. Л. 33–35. Машинописная копия.

№ 7

Пэй Лишэн – С.П. Толстову

1 августа 1957 года

Глубокоуважаемый академик[34] С.П. Толстов!

Ваше письмо от июля прошлого года, в котором Вы поставили предложение об организации совместных китайско-советских археолого-этнографических экспедиций на территории Китая и СССР и, в частности, об организации экспедиции советских и китайских учёных в Синьцзян, уже получено.

Мы горячо приветствуем Ваше предложение, так как этот вопрос имеет огромное значение для развития этнографии как в КНР, так и в СССР. Однако, ввиду недостаточного опыта и слабой силы в этой области, мы пока ещё не в состоянии вести эту работу. В связи с этим мы предложили бы отложить эту работу на два года.

Прошу Вас извинить, что я ответил на Ваше письмо с опозданием. Прошу принять от меня искреннее уважение.

Главный секретарь АН Китая

Пэй Лишэн

АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 904. Л. 38. Машинописная копия.

Примечания

[1] Островитянов Константин Васильевич (1892–1969) – экономист и общественный деятель, директор Института экономики АН СССР (1947–1953), главный редактор журнала «Вопросы экономики» (1948–1954), академик (с 1953 г.), вице-президент (1953–1962) АН СССР.

[2] Петровский Иван Георгиевич (1901–1973) – математик, ректор МГУ (с 1951 г.), академик АН СССР (с 1946 г.).

[3] Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) – историк, главный редактор журнала «Вопросы истории» (с 1953 г.), академик АН СССР (с 1953 г.).

[4] Кунаев Динмухамед Ахмедович (1911–1987) – советский партийный и государственный деятель, 1-й секретарь ЦК КП Казахстана (1960–1962, 1964–1986), академик (с 1952 г.), президент (1952–1955) АН Казахской ССР.

[5] АРАН. Ф. 2 (Секретариат Президиума Российской академии наук). Оп. 6. Д. 179. Л. 6б–6г.

[6] Дебец Георгий Францевич (1905–1969) – антрополог, ст. научный сотрудник Института этнографии АН СССР (с 1932 г.).

[7] Толстов Сергей Павлович (1907–1976) – археолог и этнограф, профессор МГУ (1939 –1951), чл.-корр. АН СССР (с 1953 г.).

[8] Го Можо (1892–1978) – писатель, поэт, историк, археолог, государственный деятель, президент АН КНР (с 1949 г.).

[9] В письме к К.В. Островитянову «историко-археологическая» экспедиция названа «историко-этнографической».

[10] Ковда Виктор Абрамович (1904–1991) – почвовед, чл.-корр. АН СССР (с 1953 г.).

[11] АРАН. Ф. 142 (Институт этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук). Оп. 1. Д. 904. Л. 38.

[12] Делегация находилась в СССР с 18 октября 1957 г. по 19 января 1958 г.

[13] См.: Важная веха в развитии науки Китая и СССР // Известия. 1957, 12 декабря. № 293.

[14] Имеется в виду Киргизская археолого-этнографической экспедиция 1953–1955 гг.

[15] Баскаков Николай Александрович (1905–1995) – учёный-тюрколог, фольклорист, этнограф.

[16] Алексеев Валерий Павлович (1929–1991) – антрополог, историк, археолог, академик АН СССР (с 1987 г.), директор Института археологии АН СССР (с 1988 г.).

[17] Бернштам Александр Натанович (1910–1956) – археолог, преподаватель ЛГУ (с 1936 г.).

[18] Кызласов Леонид Романович (1924–2007) – археолог-востоковед, профессор МГУ (с 1969 г.).

[19] Абрамзон Саул Менделевич (Матвеевич) (1905–1977) – учёный-этнограф, тюрколог.

[20] Батманов Игорь Алексеевич (1906–1969) – тюрколог, академик АН Киргизской ССР (с 1954 г.).

[21] Малов Сергей Ефимович (1880–1957) – учёный-тюрколог, чл.-корр. АН СССР (с 1939 г.).

[22] Леонтьев Алексей Леонтьевич (1716–1786) – китаевед.

[23] Иакинф (Бичурин Никита Яковлевич) (1777–1853) – китаевед, член-корреспондент Петербургской АН (с 1828 г.).

[24] Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) – генерал-майор, знаменитый исследователь Центральной Азии.

[25] Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – исследователь Центральной Азии и Сибири.

[26] Грум-Гржимайло Григорий Ефимович (1860–1936) – географ и зоолог, исследователь Западного Китая, Памира, Тянь-Шаня, Западной Монголии, Тувы, Дальнего Востока.

[27] Ольденбург Сергей Фёдорович (1863–1934) – востоковед, профессор Петербургского университета (1895–1900), академик (с 1900 г.), непременный секретарь (1904–1929) Петербургской АН (АН СССР), директор Азиатского музея (1916–1930), Института востоковедения АН СССР (с 1930 г.).

[28] Стейн (Stein) Аурел (1862–1943) – английский археолог, профессор Калькуттского университета.

[29] Лекок Альберт, фон (1860–1930) – немецкий исследователь Центральной Азии, археолог.

[30] Пельо Поль (1878–1945) – французский археолог.

[31] Так в тексте.

[32] Мао Цзэдун (1893–1976) – китайский политический и государственный деятель, председатель ЦК КПК (с 1943 г.), председатель Центрального народного правительственного совета КНР (1949–1954), председатель КНР (1954–1959).

[33] См.: Народы Восточной Азии / Под ред. Н.Н. Чебоксарова и др. М., 1965; Народы Юго-Восточной Азии / Под ред. А.А. Губера и др. М., 1966.

[34] Так в тексте.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-82-91

В.В. Беляков

Л.И. БРЕЖНЕВ О БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ КОНФЛИКТЕ 1967 г.

Нападение Израиля на Египет, Сирию и Иорданию 5 июня 1967 г. вызвало бурную реакцию в Советском Союзе. Ведь Египет и Сирия были тесными союзниками СССР. Утром пятого дня израильской агрессии, 9 июня 1967 г., в Москве состоялось совещание руководителей социалистических стран. Выступивший на нем Л.И. Брежнев[1] рассказал о событиях, предшествовавших агрессии, и дал оценку действиям руководителей Египта и Сирии. Он отметил, что некоторые шаги арабских государств были для Советского Союза неожиданными и что арабские руководители недооценили военную мощь Израиля. «По существу речь идёт о столкновении двух главных направлений международной политики, – сказал Л.И. Брежнев, – политики социалистических стран и антиколониальных сил, с одной стороны, и политики империалистической, проводником и остриём которой в данных условиях стал Израиль, – с другой». Такая ситуация сохранялась до развала социалистической системы и Советского Союза.

* * *

Центральный Комитет КПСС и Советское правительство придают важное значение возможности коллективно обсудить сегодня сложное положение, создавшееся на Ближнем Востоке в результате агрессии Израиля против арабских государств. Развитие событий приняло тяжелый для ОАР, Сирии, Иордании и других арабских государств характер и выдвигает перед ними, а вместе с тем и перед их друзьями – социалистическими странами, ряд серьёзных проблем. Прежде всего встаёт вопрос – как помочь ОАР и другим передовым арабским государствам быстрее восстановить свои позиции, поддержать испытанных лидеров арабского национально-освободительного движения в этот трудный для них момент.

Хотя военный конфликт на Ближнем Востоке носит сравнительно ограниченный характер, по существу речь идёт о столкновении двух главных направлений международной политики: политики социалистических стран и антиколониальных сил, с одной стороны, и политики империалистической, проводником и остриём которой в данных условиях стал Израиль, – с другой. Каждый понимает, что Израиль мог решиться на авантюру только при поддержке США и других западных стран. То, как дальше будут складываться дела на Ближнем Востоке, явится известной пробой сил этих двух главных линий на международной арене, что, естественно, не может и впредь не предопределять нашего отношения к происходящему в этом районе.

Позвольте, товарищи, сделать краткий обзор того, как развивалось положение непосредственно накануне агрессии Израиля и, особенно, с того момента, как она началась. Мы систематически информировали вас о предпринимаемых нами шагах. Разумеется, руководство всех братских партий и правительств хорошо знакомо с официальными материалами и заявлениями по этому вопросу. Поэтому я имею в виду остановиться только на узловых моментах и приведу некоторые факты, которые, возможно, помогут более полно представить себе картину событий.

Ещё в середине мая нами были получены сведения о том, что Израиль готовится к нанесению вооружённого удара по арабским государствам, в первую очередь – против Сирии. Советское правительство тут же сообщило об этом руководству Сирии и ОАР.

После получения указанных предупреждений правительство ОАР поставило нас в известность, что оно принимает соответствующие меры по военной линии и что египетские вооружённые силы приведены в состояние полной боевой готовности.

16 мая министр иностранных дел ОАР Риад[2] заявил советскому послу, что нападение на Сирию будет рассматриваться Объединенной Арабской Республикой как нападение на неё саму и что «принимаются все меры предосторожности с тем, чтобы не повторились события 1956 года».

В тот же день, т.е. 16 мая, министр обороны ОАР Бадран[3] сообщил, что египетское командование перебросило на Синайский полуостров пехотную дивизию и три бронетанковых бригады, которые и заняли позиции для наступления на случай агрессии Израиля.

Дальше события развивались так.

19 мая мы были уведомлены о решении руководства ОАР потребовать отвода войск ООН с линии перемирия. Для нас этот шаг, надо сказать, был неожиданным. Цель этого мероприятия, как пояснил Амер[4], состояла в том, что, столкнувшись лицом к лицу с вооружёнными силами ОАР на южных границах, Израиль впредь будет лишён возможности концентрировать войска на сирийской границе и не сможет предпринять крупных военных действий против Сирии. Кроме того, по словам Амера, тем самым устранялось отрицательное влияние присутствия войск ООН на политику ОАР в межарабском плане.

22 мая президент Насер[5] заявил советскому послу, что в результате решительных действий, предпринятых руководством ОАР, обстановка быстро меняется в лучшую сторону. Он подтвердил готовность ОАР немедленно выступить на стороне Сирии, если она подвергнется нападению. Одновременно он информировал посла как о совершившемся факте – об имевшем затем далеко идущие последствия решении ОАР закрыть Акабский залив для израильских судов и судов третьих стран, доставляющих стратегические грузы для Израиля. И здесь правительство ОАР в предварительном порядке нам, и очевидно нашим друзьям – социалистическим странам, представленным на этом совещании, ничего не сообщило.

Насер подчеркнул в указанном сообщении от 22 мая, что Израиль грозит начать войну в случае закрытия залива. В этом случае, сказал президент, мы готовы воевать. Но если Израиль не прибегнет к войне, ОАР тоже не будет осложнять обстановку. В этой же беседе Насер сообщил, что в связи с создавшимся опасным положением он находится в постоянных контактах с правительствами других арабских стран и уже заручился поддержкой, на случай израильской агрессии, со стороны Ирака, Алжира, Марокко, Ливии и некоторых других государств.

Насер активно поддержал нашу инициативу относительно того, чтобы от имени Советского правительства было сделано соответствующее предостережение Израилю в связи с его угрозами развязывания агрессии против Сирии. Такое заявление, как известно, было сделано Советским правительством 23 мая.

23 мая министр обороны ОАР Бадран сообщил нам, что египетское командование перебросило на Синайский полуостров резервные части из зоны Суэцкого канала и стратегические резервы из Каира, в результате чего численность египетских войск на Синайском полуострове увеличилась в течение пяти дней в два раза. Касаясь мотивов установления блокады Акабского залива, Бадран сказал, что, принимая это решение, ОАР стремилась восстановить положение, существовавшее до 1956 года, и одновременно парализовать отрицательное влияние западной пропаганды, утверждавшей, что ОАР не способна защитить Сирию.

26 мая Риад откровенно заявил нашему послу: «Всё, что сделало правительство ОАР в последнее время, направлено на ликвидацию последствий тройственной агрессии 1956 года».

При этом египетские представители постоянно подчеркивали, что ОАР ни в коем случае не отступится от своих принятых решений и будет проводить их в жизнь до конца, чего бы это ни стоило.

27 мая в беседе с советским послом Насер заявил, что за последние 10 дней события круто повернулись в пользу арабов, улучшилось положение Сирии, поскольку от её границ отведена часть израильских войск.

Насер дал высокую оценку советских шагов в поддержку арабских государств. «Мы и все арабские народы, – сказал он, – никогда не забудем того, что сделал для нас Советский Союз».

25–28 мая в Советском Союзе находился министр обороны ОАР Бадран, который имел встречи с нами и нашими военными. Он заверил советскую сторону в том, что ОАР не намерена вызывать вооружённый конфликт с Израилем или первой прибегать к оружию. Он дал понять, что ОАР готова будет искать какое-то компромиссное урегулирование вопроса о судоходстве в Акабском заливе и, в частности, упоминал идею моратория в отношении мероприятий ОАР в Тиранском проливе.

Во время пребывания Бадрана в Москве были проведены переговоры по вопросам военной помощи. ЦК КПСС и Советское правительство, учитывая сложившуюся опасную обстановку, удовлетворили просьбу египетской стороны о перенесении на июнь-сентябрь 1967 года поставок советского вооружения, запланированных ранее на 1968–1969 гг. Кроме того, мы дополнительно выделили ОАР с поставкой в июне-августе с. г. 30 истребителей МИГ-21, большое количество стрелкового оружия, противотанковых гранатомётов, безоткатных орудий, средств ПВО.

28 мая Амер и Бадран от имени руководства ОАР выразили благодарность Советскому правительству за «ясную и решительную позицию поддержки ОАР в это тяжёлое для неё время», за внимательное рассмотрение и удовлетворение просьб ОАР, касающихся дополнительных поставок военных материалов.

В конце мая появились некоторые дополнительные признаки, которые, казалось бы, должны были насторожить руководство ОАР.

29 мая египтяне информировали советскую сторону о следующем. Американское посольство в Каире дало им понять, что «имеется серьёзная вероятность нападения Израиля на ОАР». По этому сообщению американского посольства (речь идет об одном из советников американского посольства), командование израильской армии уже в течение двух суток не имело контактов с американскими военными в Тель-Авиве. Американцы отмечали, что события повторяются в той же последовательности, что и в 1956 году. Чем объяснялись мотивы этого шага американских представителей в Каире, сейчас установить трудно. Остается, однако, фактом, что правительство ОАР располагало информацией и с этой стороны.

1 июня в беседе с нашим послом, характеризуя обстановку, Насер заявил, что «ещё четыре дня назад военный фактор был важнее», а теперь, по его мнению, этот фактор потерял остроту. В этой же беседе Насер сообщил, что правительство ОАР собирается направить в США вице-президента Мохиэддина[6] для соответствующих переговоров.

Согласно данным нашего посольства, развитие обстановки, как считали египтяне, в их пользу, усиливало среди генералитета и старших офицеров вооружённых сил ОАР искушение нанести превентивный удар по Израилю. В частности, на военном совещании 3 июня часть генералов и офицеров оказывала в этом смысле сильное давление на Насера. Но президент Насер твердо заявил, что не в интересах ОАР развязывать войну, и дал указание руководству египетской армии проявлять сдержанность.

Всё последующее развитие событий показывает, что у руководства ОАР в общем не было достаточно точного представления ни о размерах опасности, угрожавшей ОАР со стороны Израиля, ни о реальном соотношении сил, и в этой связи, как сейчас совершенно ясно, не было предпринято эффективных мер по ограждению безопасности страны.

Как уже отмечалось выше, Советское правительство поддерживало постоянный контакт также с правительством Сирии.

15 мая через нашего посла в Дамаске премьер-министру Зуэйну[7] была передана доверительная информация относительно военных приготовлений Израиля против Сирии. В ответ Зуэйн заявил, что сирийское правительство следит за действиями Израи-

ля, уделяет первостепенное внимание вопросам, связанным с обеспечением готовности страны к отражению агрессии.

Для настроений сирийского руководства характерным был даже несколько больший оптимизм в оценке своих военных возможностей, чем это наблюдалось в ОАР. Так, 22 мая Зуэйн в беседе с нашим послом несколько раз повторил, что «сейчас наступил самый удобный момент, – я цитирую его слова, – для нанесения решительного удара по империалистическим силам на Ближнем Востоке, и этот момент надо использовать».

29–30 мая в Москве находились глава сирийского государства Атаси[8], министр иностранных дел Махус[9] и министр информации Зобби[10], прибывшие по инициативе сирийской стороны. В беседах с ними с нашей стороны была подчеркнута необходимость проведения трезвой и дальновидной политики в обстановке, складывающейся на Ближнем Востоке. Сирийские руководители в целом благоприятно отнеслись к нашему разъяснению позиции Советского Союза и к мерам, которые были приняты нами в поддержку арабов.

Сирийские представители от имени своего руководства ставили вопрос о дополнительных поставках оружия. Поскольку сирийская сторона не была готова изложить свои конкретные предложения, было условлено, что этот вопрос будет детально обсуждён с министром обороны Сирии, приезд которого в Москву намечался на 5 июня. В связи с началом вооружённого конфликта поездка министра обороны в Москву была отменена по инициативе сирийской стороны.

Должен сказать, что нами предпринимались меры в направлении сдерживания Израиля, да, предпринимались. 26 мая премьер-министру Израиля Эшколу[11] было направлено послание от имени А.Н. Косыгина[12], в котором содержалось предостережение правительству Израиля против нагнетания обстановки и доведения ситуации до такой точки, когда начало бы говорить оружие. В послании подчёркивалось, что сколь бы ни была сложной обстановка в районе границ Израиля, Сирии и ОАР, должны быть найдены меры для урегулирования конфликта невоенными средствами. Отвечая на это послание, руководители Израиля отрицали наличие у них агрессивных устремлений в отношении ОАР и других арабских государств, заверяли в стремлении к сохранению мирных отношений с этими государствами. В то же время они утверждали, будто в обострении ситуации повинны ОАР и Сирия, которые создают провокации на границах с Израилем и концентрируют вдоль этих границ свои войска.

2 июня, за три дня до начала израильской агрессии, министр иностранных дел СССР вызвал посла Израиля в Москве и, по поручению Советского правительства, заявил, что если правительство Израиля решило взять на себя ответственность за развязывание военного конфликта, то оно должно будет заплатить полной мерой за последствия такого шага.

В конце мая – в первые дни июня Советский Союз вёл активную политическую работу в поддержку ОАР и других арабских стран в Организации Объединённых Наций, используя для этой цели и контакты с представителями западных держав. Как известно, главным пунктом давления на ОАР западные державы избрали в то время вопрос о свободе судоходства в Акабском заливе. Мы делали всё от нас зависящее, чтобы ослабить такое давление и сорвать вынашиваемые западными державами планы военной демонстрации западных держав против ОАР.

Между тем, возможности для большего использования политических и дипломатических средств у ОАР, по нашему мнению, имелись. Западные державы, судя по всему, отнюдь не были едины в этом вопросе. Франция не во всём разделяла подход США и Англии.

Англичане, по имеющейся у нас информации, занимали более жёсткую позицию. Они считали, что действия ОАР дают им подходящий предлог для нанесения серьёзного урона ОАР и режиму Насера. Нетрудно понять, что такая позиция Англии связана, в первую очередь, с положением в Адене, на

Аравийском полуострове и в Персидском заливе, где влияние ОАР в последнее время заметно возрастало, а английская политика и нефтяные монополии испытывали всё большие трудности.

Президент де Голль[13] и другие французские представители подчеркивали своё стремление не допустить развязывания военного конфликта и выступали за проявление сдержанности, а также за согласование усилий четырёх великих держав в плане предотвращения военного столкновения на Ближнем Востоке.

Советское правительство не приняло французского предложения о переговорах четырёх держав по вопросам Ближнего Востока, поскольку такое предложение отклоняли арабские государства, о чём они нам заявили. Мы сообщили об этом французскому правительству.

Резкий перелом в развитии кризиса на Ближнем Востоке наступил 5 июня, когда вооружённые силы Израиля совершили нападение на ОАР, Сирию, Ирак[14] и Иорданию. Всем нам хорошо известно последующее развёртывание военных действий, которое было во многом предопределено тем, что практически в самые первые часы войны ОАР и Сирия лишились большей части своих военно-воздушных сил, значительная часть которых была уничтожена, как известно, на аэродромах.

Небезынтересно, как характеризовали положение руководители ОАР. Проиллюстрирую это документально.

6 июня в 8 часов утра советский посол был приглашен к Насеру, который сообщил, что положение на фронтах не столь плохое для ОАР, как это пытается изобразить западная пропаганда. Президент говорил, что в общем египтянам удаётся удерживать основные оборонительные рубежи. Он подчёркивал решимость Каира бороться до тех пор, пока ни одного израильского солдата не останется на арабской земле. Вот соответствующее место из записи беседы нашего посла с Насером:

«Положение на фронтах не столь плохое для ОАР, как это пытается изобразить западная пропаганда. Насер снова повторил, что израильские войска выбиты из района Газы. Израильтянам в ходе тяжелых боёв удалось захватить часть эль-Ариша.

Президент подчеркнул, что американцы сейчас вынашивают планы о захвате израильтянами некоторой части арабской территории, чтобы затем, добившись прекращения огня, торговаться о более выгодных для Израиля условиях перемирия.

Каир, – сказал Насер, – полон решимости бороться до тех пор, пока ни одного израильского солдата не останется на арабской земле».

Президент просил передать в Москву, что арабы стоят крепко, что ОАР и он, Насер, лично сделают всё возможное, чтобы поднять весь арабский мир против американцев, если последние пойдут на открытую интервенцию. С целью оказания давления на западные страны, помогающие Израилю, Насер дал указание после вчерашних налётов на Суэцкий канал о прекращении судоходства по каналу.

В 18 часов того же дня маршал Амер передал в адрес Советского правительства срочное послание президента Насера и египетского правительства, в котором говорилось: «Положение очень опасное и критическое, и оно не может оставаться таким далее, чем до сегодняшней ночи». Египетское правительство ставило вопрос об оказании ОАР срочной помощи и поддержки, иначе, как выразился Амер, «военные действия превратятся в откровенное побоище, и войска ОАР не смогут выйти с территории Синайского полуострова».

В послании подчёркивалось, что решение вопроса не может откладываться до утра.

В 24 часа 6 июня Амер заявил советскому послу, что положение настолько серьёзное, что «прекращения огня необходимо добиться до 5 часов утра следующего дня». Вот сообщение посла о беседе: «Амер заявил, что положение настолько серьёзное, что прекращения огня необходимо добиться до 5 часов утра 7 июня. Амер пояснил, что израильская авиация, в составе которой, как

они установили, действуют американские и английские самолёты, утром начнёт боевые действия против наземных войск ОАР на Синайском полуострове. Это, по его мнению, повлечёт за собой большие жертвы и затруднит вывод войск с Синая. Маршал высказал опасение, что США могут применить право вето и таким образом помешать Совету Безопасности принять решение о прекращении военных действий и отводе войск».

Несколькими часами позже, в ночь с 6 на 7 июня состоялась ещё одна встреча советского посла с Амером, в ходе которой по поручению Насера он сообщил о согласии египетской стороны на принятие американского проекта резолюции, который предусматривал, хотя и с некоторыми оговорками, как прекращение огня, так и отвод войск сторон за линию перемирия. В том числе египтяне дали согласие и на то, чтобы эта резолюция сопровождалась заявлением относительно фактического снятия блокады Акабского залива.

Здесь, видимо, будет уместно несколько отступить от хронологии событий и рассказать о совокупности шагов, предпринимавшихся нами по дипломатическим каналам, в том числе в ООН. С самого начала израильской агрессии советскому представителю в Совете Безопасности была дана директива незамедлительно по согласованию с представителями ОАР и Сирии поставить вопрос о немедленном созыве Совета. Главная линия, которой он должен был придерживаться в Совете Безопасности, заключалась в том, чтобы добиваться немедленного прекращения сторонами огня и отвода войск на исходные позиции, занимавшиеся до начала вооружённого столкновения. И нам фактически удалось добиться такого положения, когда американцы были готовы пойти на принятие резолюции, предусматривающей, кроме немедленного прекращения огня, также отвод военного персонала за линию перемирия.

Параллельно с нашими шагами в Совете Безопасности и наряду с заявлением, с которым выступило 5 июня Советское правительство, мы привели в действие линии прямой связи между Москвой и Вашингтоном и между Москвой и Парижем, что подчеркивало чрезвычайный характер акций, предпринимаемых Советским Союзом. Одновременно через соответствующие посольства происходила переписка с Вильсоном[15]. Трижды – 5, 6 и 7 июня происходил обмен соответствующими посланиями. В ходе обмена посланиями мы получили от президента Джонсона[16] заверение, что в Совете Безопасности американский представитель будет голосовать за резолюцию, предусматривающую как прекращение огня, так и отвод войск сторон за линию перемирия. Однако по мере ухудшения военной ситуации для арабских государств американцы стали ужесточать свою позицию и выдвинули требование насчет снятия блокады Акабского залива, о котором я упоминал в связи с нашими контактами с Насером. Они предлагали, ссылаясь на неясную оговорку, содержащуюся в их проекте насчет отказа от насильственных действий, независимо от их характера, чтобы Советский Союз заявил в Совете Безопасности, что это положение означает, что не должно чиниться препятствий путем применения силы проходу судов через Тиранский пролив и в заливе Акаба.

Случилось так, что согласие Насера на американский проект резолюции и на указанное толкование по вопросу об Акабском заливе не было реализовано, так как решение о прекращении военных действий было принято Советом Безопасности в 2 часа ночи 7 июня с. г. до получения сообщения из Каира.

Советский представитель при ООН, поддерживавший постоянный контакт с представителем ОАР, получил согласие последнего на то, чтобы была принята резолюция – только один пункт – о прекращении военных действий. Представитель ОАР заявил, что он против этого не возражает после получения указания из Каира. Как видно, и в этом случае мы действовали в полной согласованности с позицией ОАР.

Ввиду того, что Израиль не выполнил требование о прекращении огня, правительство ОАР 7 июня обратилось к Советскому

Союзу с просьбой вновь потребовать немедленного созыва Совета Безопасности и настаивать на выполнении резолюции о прекращении военных действий. Маршал Амер сказал советскому послу, что «правительство ОАР просит Советское правительство о принятии эффективных мер для достижения прекращения огня» и как можно скорее информировать руководство ОАР о результатах таких мер.

7 июня в 15 часов Насер сказал советскому послу, что за предыдущий день израильской авиацией было выведено из строя большое количество танков и самолётов. В ходе беседы Насер просил передать Советскому правительству его «личную просьбу о том, чтобы Советское правительство приняло любые меры с целью заставить Израиль выполнить решение Совета Безопасности о немедленном прекращении огня». Обращаю внимание на просьбу – «о немедленном прекращении огня». Вопрос об отводе израильских войск за линию перемирия Насер вообще не затрагивал.

Советскому представителю в ООН были даны директивы действовать соответственно и внести на голосование в Совете резолюцию, которая требовала выполнения решения о прекращении огня не позднее 20 часов гринвичского времени 7 июня. Такая резолюция, как известно, была принята.

Утром 8 мая[17] мы получили сообщение о беседе нашего посла с Насером, состоявшейся в 22 ч. 30 мин. накануне. Насер сказал, что ОАР в создавшейся ситуации не может прекратить военные действия против Израиля до тех пор, пока израильские войска не будут выведены с территории ОАР до последнего солдата. Этот вопрос, сказал президент, обсуждался сегодня на заседании правительства ОАР и было принято соответствующее решение. Получив это сообщение, мы сразу же дали советскому представителю в ООН указание внести предложение, предусматривающее принятие решения о том, чтобы Израиль немедленно прекратил военные действия против соседних государств и отвёл свои войска с их территории за линию перемирия.

Позже, а именно в 15 ч. 55 мин. 8 июня мы получили просьбу Насера к Советскому правительству внести в ООН проект резолюции, обязывающей Израиль немедленно вывести войска с захваченных территорий. Следовательно, просьба Насера поступила уже после того, как мы дали такое указание нашему представителю в ООН.

По последним сообщениям, проект нашей резолюции должен рассматриваться в Совете Безопасности сегодня вечером.

Мы, конечно, понимаем, что обстановка военная и внутриполитическая в ОАР сложная, и этим, очевидно, объясняются те колебания, а иногда и непоследовательность в линии ОАР, в том числе и в отношении мер, предпринимаемых в Совете Безопасности. С одной стороны, просьба добиваться немедленного прекращения огня и обеспечить выполнение принятых Советом Безопасности резолюций, и с другой стороны, откладывание официального заявления ОАР о её согласии прекратить военные действия. Эти колебания продолжались до вчерашней ночи, когда египетский представитель в ООН официально заявил, что правительство ОАР согласно прекратить огонь при условии, что противная сторона также выполнит это требование.

Сегодня в 4 часа утра в Москве получена телеграмма от нашего посла в Каире с сообщением о том, что Насер в беседе с ним, состоявшейся в полночь, подтвердил согласие правительства ОАР на прекращение огня. Я цитирую это сообщение:

«Насер заявил, что сегодня, во второй половине дня обстановка на фронте резко ухудшилась. Значительно усилилась активность израильской авиации... В этих условиях, – добавил президент, – мы дали указание нашему представителю в ООН согласиться на прекращение огня».

Иордания сразу заявила о намерении действовать в соответствии с резолюцией Совета Безопасности. Нам известно, что это было сделано по совету Насера. Сирия, Ирак, Алжир и некоторые другие государства заявляли о том, что считают решение Совета Безопасности неправильным и не намерены его выполнять.

Сегодня ночью Сирия заявила о согласии прекратить военные действия, о чём в 4 часа 30 мин. утра 9 июня министр иностранных дел Махус информировал нашего посла.

Иорданская армия утратила возможность продолжать боевые действия (кроме района Иерусалима) фактически в первые часы войны. Израильские войска захватили иорданскую часть Иерусалима и большую часть иорданской территории к западу от реки Иордан.

Вот что говорил в середине дня 6 июня король Иордании совпослу: «Это самый тяжёлый день в моей жизни. Лишь немедленное прекращение огня может спасти Иорданию. Перед нами два выбора: либо эвакуировать всю территорию к западу от реки Иордан вместе с остатком сил, либо идти на риск потери 50-тысячной армии и вместе с этим западного берега».

Теперь остановимся на действиях Израиля, который игнорировал решение Совета Безопасности о прекращении военных действий.

В течение времени, последовавшего за принятием первых двух резолюций Совета Безопасности, израильские войска без какого-либо перерыва продолжали продвигаться по Синайскому полуострову и в Иорданию, а военная авиация Израиля продолжала наносить бомбардировочные удары по египетским аэродромам и боевым порядкам войск ОАР, Сирии и Иордании.

Перед фактом неподчинения Израиля решению Совета Безопасности и продолжения им агрессии против арабских государств Советское правительство выступило 7 июня с предупреждением, что «если сейчас израильское правительство немедленно не выполнит общего требования государств о безотлагательном прекращении огня, которое выражено в резолюции Совета Безопасности, Советский Союз пересмотрит своё отношение к Израилю и примет решение, касающееся дальнейшего поддержания дипломатических отношений с Израилем, который своими действиями противопоставляет себя всем миролюбивым государствам».

Игнорирование Израилем решений Совета Безопасности о прекращении огня даёт дополнительное основание для того, чтобы настаивать на отводе израильских войск за линию перемирия, и Советский Союз имеет в виду действовать именно таким образом. Вообще мы считаем, что сейчас одна из главных политических задач – требовать ухода Израиля с захваченных территорий. Мы, в частности, будем настаивать на том, чтобы Совет Безопасности выразил своё отношение к этим действиям Израиля, потому что Израиль использовал время, прошедшее после принятия Советом Безопасности соответствующих решений, для захвата новых территорий в ОАР и Иордании, не прекратил агрессии, бросая тем самым вызов Организации Объединённых Наций, всем миролюбивым государствам.

События последних дней на Ближнем Востоке могут быть правильно оценены лишь в контексте общей политики империализма. Израиль, разумеется, сам по себе не может представлять серьёзной опасности. Это государство не имеет солидного экономического, людского и военного потенциала. Оно находится на содержании внешних сил и в значительной мере в качестве сателлита обслуживает их политику.

Что касается тактики Израиля накануне агрессии, то она отличается вероломством. Достаточно напомнить хотя бы о публичных заявлениях министра обороны Дайяна[18], который, буквально за несколько часов до нападения Израиля на арабские государства, заявлял о стремлении Израиля к поискам мирных решений. «Пусть поработает дипломатия», – заявлял Дайян в тот момент, когда израильским летчикам уже наверное были вручены приказы бомбить города ОАР, Сирии, Иордании.

Мы должны, разумеется, реально оценивать положение. Империализм десятилетиями и поколениями создавал свои позиции в этом районе. Он и поныне держит здесь военные базы и имеет разные рычаги воздействия на арабские государства – их внутреннюю жизнь, их внешнюю политику. Сколько лет назад социализм пришёл в этот район в

лице наших с вами государств, в лице арабского национально-освободительного и демократического движения? В сущности, история нашей непосредственной работы в этом районе насчитывает от силы два десятка лет. Если мерить на годы, то наши достижения здесь весьма значительные.

Мы не можем сейчас сказать, что наши возможности безграничны. Но сегодня они не меньше, а больше, чем вчера. И мы верим, что они будут завтра ещё более широкими. Конечно, они будут зависеть и от общего соотношения сил в мире, от сплоченности социалистических стран, от степени сотрудничества наших стран с передовыми арабскими государствами, от солидарности и дружбы с народами Арабского Востока, строящими новую жизнь.

Было бы поэтому неправильно видеть нынешнее положение только в мрачных тонах. Можно констатировать, что на определённом этапе, а именно до 5 июня, Насер добился известных политических успехов. Очевидно, добившись этих успехов, он переоценил свои силы. Очень важное значение имеет единство арабских государств, которое они продемонстрировали перед лицом империалистической угрозы.

В нынешних условиях эти страны, конечно, будут нуждаться в большой поддержке. Можно сказать, они её будут искать.

Нам надо было бы вместе сейчас обдумать, посоветоваться, какие шаги следует предпринять, чтобы укрепить солидарность наших стран с народами Арабского Востока, чтобы помочь им ликвидировать последствия агрессии Израиля. Здесь много сложных вопросов. Поэтому давайте на это смотреть открытыми глазами. Наши недруги будут подбрасывать арабским государствам всяческие идеи насчёт неэффективности сотрудничества с социалистическими странами, насчёт того, что социалистические страны не оказали им прямой военной помощи, не ввязались из-за конфликта на Ближнем Востоке в крупную войну. События этих дней развивались очень быстро. Многие из предпринятых шагов не были известны. Это могло вызывать недопонимание даже среди лидеров некоторых арабских стран. Нам надо думать о том, как полнее, убедительнее и глубже разъяснить основные принципы ленинской внешней политики социалистических стран, какую работу проводить с лидерами национально-освободительного движения, чтобы наши отношения с ними оставались прочными и улучшались.

Масштаб нашей помощи арабским государствам – помощи военной и экономической – очень значителен. Совершенно очевидно, что не в интересах социалистических стран, да и не в интересах самих арабских государств было вести курс на перерастание такого конфликта в более широкий конфликт. Кстати, Насер в этот трудный для ОАР момент в беседе с советским послом заявил, что он «ни в коем случае не хотел бы, чтобы Советский Союз был втянут в этот конфликт».

Укрепление влияния и позиций социализма в странах Арабского Востока не пришло само по себе. Оно свершалось в упорной борьбе с происками империалистических и реакционных сил. Однако, несмотря на интриги и провокации реакционных сил, эта борьба в последние 10 лет шла явно в нашу пользу. По нашему убеждению, общая задача наших стран, наших партий, наших правительств в нынешней обстановке состоит в обеспечении такого положения на Ближнем Востоке, при котором позиции социализма и национально-освободительного движения в этом районе не были бы поколеблены, а продолжали укрепляться.

Перед нами стоит двоякая цель: во-первых, обратить максимальное внимание в сложившейся обстановке на помощь правительствам ОАР, Сирии и Алжира[19] в защите их национальных интересов, в их борьбе против дальнейших попыток империалистической агрессии и, во-вторых, сделать всё необходимое, чтобы нынешний военный конфликт на Ближнем Востоке, в районе, находящемся в непосредственной географической близости от европейских социалистических стран, не мог превратиться из локального в более широкий.

Несмотря на огромную помощь, о которой подробнее сообщит наш министр оборо-

ны, мы приняли сегодня решение в течение ближайших дней доставить в ОАР безвозмездно передаваемые египетскому руководству 200 танков и 200 самолётов.

Мы изложили вам все известные нам обстоятельства, которые возникли в связи с событиями последних дней.

Мы надеемся, что нынешняя наша встреча даст возможность обменяться мнениями относительно дальнейшей помощи, как политической, так и военной, народам арабских государств, ведущим антиимпериалистическую борьбу.

Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 10. Оп. 1. Д. 226. Л. 4–24.

Примечания

[1] Брежнев, Леонид Ильич (1906–1982) – советский государственный и партийный деятель. Генеральный секретарь ЦК КПСС.

[2] Риад, Махмуд (1917–1992) – египетский государственный деятель. Министр иностранных дел ОАР.

[3] Бадран, Шамседдин (1929–?) – египетский государственный деятель. Военный министр ОАР.

[4] Амер, Абдель Хаким (1919–1967) – египетский государственный деятель. Фельдмаршал, вице-президент ОАР.

[5] Насер, Гамаль Абдель (1918–1970) – египетский государственный деятель. Президент ОАР.

[6] Мохиэддин, Ахмед Фуад (1925–1984) – египетский государственный деятель. Вице-президент ОАР.

[7] Зуэйин, Юсуф (1931–2016) – сирийский государственный деятель. Премьер-министр Сирии.

[8] Атаси, Нуреддин (1929–1992) – сирийский государственный деятель. Президент САР.

[9] Махус, Ибрагим (1925–2013) – сирийский государственный деятель. Министр иностранных дел Сирии.

[10] Зобби, сирийский государственный деятель. Министр информации Сирии.

[11] Эшкол, Леви (1895–1969) – израильский государственный деятель. Премьер-министр Израиля.

[12] Косыгин, Алексей Николаевич (1904–1980) – советский государственный деятель. Председатель Совета Министров СССР.

[13] Де Голль, Шарль (1890–1970) – французский государственный деятель. Президент Франции.

[14] Неточность. На Ирак Израиль не нападал.

[15] Вильсон, Гарольд (1916–1995) – английский государственный деятель. Премьер-министр Великобритании.

[16] Джонсон, Линдон (1908–1973) – американский государственный деятель. Президент США.

[17] Июня, а не мая.

[18] Даян, Моше (1915–1981) – израильский государственный деятель. Министр обороны Израиля.

[19] Неточность. Алжир в конфликте не участвовал.

DOI: 10.31696/2072-5795-2020-1-92-103

С.В. Прожогина

ИСТОКИ И ОСОБЕННОСТИ МАРОККАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ФАНКОЯЗЫЧИЯ

Я оказалась в Марокко в 1961 году в должности секретаря-переводчика корреспондентского пункта газеты «Правда», которым руководил мой муж, Н.П. Прожогин. Этот пункт обслуживал в то горячее время практически все страны «французской Африки», уже освободившиеся от колониальной зависимости, так или иначе пережившие бурную эпоху национально-освободительных движений (война шла ещё только в Алжире). Как прилежная выпускница романо-германского отделения филфака МГУ я, естественно, не могла отказаться от продолжения своих литературоведческих занятий. Я полагала, что уж здесь-то, в свободно франкоговорящей стране, никто и ничто не сможет мне помешать заняться давно любимым делом – изучением творчества А. де Сент-Экзюпери. Сколько раз он был на этой земле, как знал и любил её Пустыню, как верил в то, что в ней обязательно отыщется Оазис…

В Марокко уже с 1956 года люди жили независимо, а в столице, Рабате, был Университет с прекрасной библиотекой. Не пугал меня и огромный объём абсолютно новой для меня работы: тогда не было никакой другой связи с Москвой, кроме телефона, и я передавала все корреспонденции мужа из разных стран через Париж в редакцию его газеты, а это было нелегко.

Но судьбе было угодно иное. Муж и его новые коллеги уговаривали меня оглянуться вокруг и заняться изучением культуры страны, где складывалась очень значимая для постколониальной (уже здесь начавшейся) эпохи ситуация. Ещё было живо наследие французов, но и начала развиваться собственная литература на языке бывших здесь почти полвека хозяев… Оказалось, что не всё ушло с этой совершенно прекрасной земли вместе с ними. Осталось то, что фактически было внедрено в её благодатную почву вместе с теми традициями жизни, которые они привнесли сюда, и их благодатные побеги дали свои плоды: и жажду Просвещения, и абсолютное новое видение своей собственной окружающей реальности. Его, видимо, привили французы с их «картезианским» типом сознания, с их застрявшим где-то в глубинах «колониального мышления» гуманизмом и искрами великого, хотя и на время забытого лозунга Свободы, Равенства, Братства…

Так или иначе, но в школу (именно в светскую, не приходскую, кораническую, при мечети) пошли уже при Мохаммеде V девочки, а потом и девушки – в лицеи и университеты. А при его сыне Хасане II, пришедшем к власти уже в наше время, женское образование (для мусульманок!) стало нормой. Марокканские поэты и прозаики вдруг обнаружили, на удивление самим французам, своё незаурядное мастерство и недюжинные способности не уступать своим прежним Учителям – великим предшественникам, классикам французского романтизма и критического реализма. Да и жар поэзии Французского Сопротивления фашизму ещё не угас. Творения марокканских авторов просто хлынули на страницы местных газет и местных изданий, а некоторые были уже (к тому времени, когда я решила заняться магрибинцами) опубликованы крупными издательствами во Франции, бывшей метрополии. Симптоматично.

Интерес, проснувшийся к тем, кого как бы научили французскому, был не случаен. К примеру, к творчеству Дриса Шрайби[1], написавшего уникальный по тем непростым временам роман «Простое прошедшее» (1954 г.), который в 1960-е гг. был в Марокко уже запрещён. И не потому, что был несовершенен или незначим по своим

художественным достоинствам. Но именно потому, что он рассказал о Марокко так, как никто ещё его не описывал, ни французы, ни марокканцы. Взглянул на его внутреннюю жизнь так, как ещё долго не осмелятся сделать его последователи. И не столько во имя решительного расставания с прошлым, сколько именно во имя Нового времени. Это время все они – марокканцы, а вслед за ними тунисцы и алжирцы – будут называть «Настоящим», «Грядущим», очищенным и от собственных традиционных догм и оков, и от наследия колониального экзотизма, сентиментализма или попыток ассимиляции «автохтонов». Последние, конечно же, в колониальном сознании были чаще всего обычными аборигенами, которых надо было прежде всего «цивилизовать».

Этой североафриканской части мирового литературного процесса посвящены все мои книги, а их немало[2], как и статей. Они – о новой литературе магрибинцев, отстоявшей и отстаивающей и по сей день свою «самобытность» как самостоятельность, своё право на реальное видение окружающей действительности, своё понимание Прогресса и Независимости, своё ощущение Свободы – и её необходимости, и её трудностей, своё принятие и своё осознание зависимости от традиции жизни и конфессии. О литературе, эволюция которой интересна именно в её франкоязычном варианте как литературы национальной и в то же время образующей некую очевидную форму межмагрибинской общности.

Здесь же напомню Читателю только об истоках этого не вполне обычного для арабского (и берберского, конечно) мира литературного письма. Оно сложилось уже к середине XX века, а сейчас представляет значительный корпус, который охватывает многие разновидности и жанры и художественной прозы, и поэзии. Это свидетельствует об устойчивости самого типа сложившегося в Магрибе литературного письма, но даже, порой, и необходимости именно франкоязычия для «разговора» писателей с широкой аудиторией многих стран.

Имеющая глубокие корни в арабо-берберской культуре, марокканская словесность в эпоху французского протектората, как я отметила выше, приобрела ещё одну ветвь – франкоязычную. На развитие её в немалой степени повлияла довольно распространённая во французской литературе «марокканская тема», вызвавшая в среде местных писателей в эпоху укрепления национального самосознания ответную реакцию: показать истинное лицо своей страны, подлинную её жизнь и её проблемы.

К концу 40-х – началу 50-х годов XX века в Марокко уже сформировалась достаточно зрелая национальная двуязычная интеллигенция, из среды которой вышло немало писателей, поэтов, художников, философов, культурных и политических деятелей. Подъём национально-освободительного движения в Магрибе усилился после окончания Второй мировой войны и привёл к освобождению Марокко от протектората в 1956 году. Он способствовал возникновению новых национальных форм культуры, в том числе и тех, что были связаны с естественным воздействием культуры европейской, повлиявшей на способ и характер отражения реальной действительности в творчестве марокканских писателей.

Ещё раз подчеркну. Возможность непосредственного обращения к французскому читателю (что не исключало контакта и с национальным, получившим двустороннее образование – как традиционное, арабо-мусульманское, так и европейское), знакомому только с уже устоявшимися стереотипами «литературы о Марокко», в известной мере обязывала марокканских (как и других магрибинских) литераторов равняться на тот уровень художественности, который позволил бы новой форме национальной словесности, с одной стороны, вписаться в контекст отечественной культурной традиции, а с другой – достойно войти в ансамбль европоязычных литератур, в котором «франкофонная» часть была одной из самых распространенных в мире.

Конечно, положение марокканской франкоязычной литературы в национальном

и общемагрибинском литературном процессе сопряжено и с собственно историко-культурными, и с внутриполитическими причинами. Марокко отличается не только богатейшими и древнейшими арабо-берберскими традициями, устойчивый характер которых в стране связан с более спокойной их эволюцией в сравнении с Алжиром и Тунисом, пережившими до французской оккупации ещё и османское завоевание. Это страна с особым типом государственного устройства (монархия), только упрочившимся после получения независимости. Хотя это привело к резким социальным и культурным контрастам, вызвавшим, в свою очередь, образование довольно сильной внутренней политической оппозиции. Идеологические разногласия обусловили появление в художественном сознании общества явлений, резко отличных от официальной культуры.

Франкоязычные писатели, с одной стороны, представляли как бы пласт иной культуры, которая в силу исторических причин не имела такого значения, как исконная арабо-берберская. С другой стороны, они во многом выражали настроения той части марокканской интеллигенции, которая прежде всего защищала идеалы духовного и социального освобождения нации. Но общенациональная задача освобождения страны от политической власти метрополии объединяла всех марокканских писателей – как арабо-, так и франкоязычных. Однако именно во франкоязычной литературе сконцентрировались тенденции резкого протеста против незавершившегося освобождения уже после обретения страной независимости, хотя полностью однородной в указанном смысле эту литературу назвать нельзя[3].

В немалой степени критический настрой франкоязычной литературы (обозначившийся практически с первых её шагов) был предопределён её решительным изначальным разрывом с той традицией колониальной литературы (существовавшей в Марокко, как и повсюду во французских «заморских» владениях), которая восходила к экзотической литературе о «Берберии», получившей распространение во Франции ещё в XVII веке. Однако и сама колониальная литература, в которой так или иначе звучала марокканская тема, была неоднородной и по-своему подготовила определённые ракурсы освещения марокканской действительности и в дальнейшем.

Написанные в жанре путешествий с описанием «диких» местных нравов и обычаев, невероятных приключений, заметки и рассказы о «Берберии» («Варварии») принадлежали перу тех, кто выполнял те или иные поручения (например, консульские) французского короля в Марокко, которое было в ту эпоху почти закрытой для Европы и загадочной страной (вызывавшей и любопытство, и коммерческий интерес), или прибывал сюда самостоятельно с торговыми целями. Так, в историю зарождения колониальной литературы вошло имя французского коммерсанта Ролана Фрежюса, опубликовавшего в середине XVII века свои записки о знаменитом на Востоке марокканском городе Фесе, славившемся своей парчой, коврами, кожами, шерстью, фаянсом. Нравы фесских торговцев, экзотика древнего города с его шумными базарами и таинственной и непонятной жизнью за глухими стенами домов, где ещё жили прямые потомки «андалусцев», вернувшихся в Марокко после завершения Реконкисты в Испании в XV веке (освобождения страны от господства арабов, длившегося в стране почти семь столетий)… Всё для французского путешественника-коммерсанта представало достойным занять ум и воображение европейского читателя, пробудить его любопытство к богатейшей и красивейшей стране. Однако большинство – причем значительное – различных публикаций той эпохи было посвящено теме пленения марокканскими корсарами (из Сеуты и Сале особенно) христиан, которых «мавры» продавали в рабство.

Среди авторов (часто анонимных) публикаций было немало претерпевших такого рода приключение, но сумевших как-то выбраться из плена и вернуться на родину. Описаний корсарского разбоя, страшной жизни в рабстве у могущественных марокканских феодалов полны «Живая вера»

П. д'Эгревиля (1645 г.), «Мемуары» П. Эрона (1660 г.), «Путешествие» П. де ля Мерси (1682 г.). Но особо выделялось «Повествование о пленении г-на Муэтта в Фесском королевстве в Марокко» (1682 г.), написанное самим г-ном Муэттом. В истории французской литературы о Марокко его книга осталась как одно из ярких и патетических свидетельств о страданиях тех, кто попал на марокканские каторги, о «чудовищных жестокостях, которые претерпевают рабы, выполняя самую тяжёлую работу для своих кровожадных хозяев»[4]. Изобиловавшие гиперболами, рассказы такого рода содержали в то же время достаточно обильную и точную информацию о стране – о её различных социальных и политических институтах, этнографических особенностях, о внешних проявлениях мусульманского быта. Ведь пленники и рабы проживали в стране по нескольку лет, и их наблюдения представляли немалый интерес для стремившихся в ту эпоху расширить свои географические познания французов.

Марокканский султан Мулай Измаил не препятствовал Людовику XIV в установлении дипломатических отношений со своей страной и взаимному обмену посольствами. Но и этот исторический факт был окутан в литературе экзотическим флёром. Султан подарил королю львов и страусов, что подтолкнуло воображение многочисленных литераторов к написанию различных историй о сказочных богатствах марокканского монарха. За год до этого события – в 1681 году – среди французов уже пользовалась успехом любовная история «Принцессы Фесской» (написанная Ф. Прешаком как «эхо» «Принцессы Клевской» мадам де Лафайетт). Действие романа происходило в роскошных покоях мусульманской красавицы; и хотя экзотическая фантазия на тему любви и восточной неги никакого реального отношения к Марокко не имела, тем не менее самой своей неправдоподобностью она разжигала интерес к стране.

Постепенно формировались и стереотипы «восточного направления» во французской литературе. Крайности фантазий сменялись философствованием на тему о якобы обитающих в заморских странах «добрых дикарях» с чистыми душевными порывами и «мудрецах», о существовании там утопических уголков счастья. Так исподволь вызревали основы литературы «экзотического эденизма», бурно расцветшей во Франции XVIII века. Это была художественная реакция на всё расширявшийся круг представлений европейцев о мире, но одновременно и выражение их возрастающего недовольства феодально-абсолютистскими порядками.

В то же время идеи великих французских гуманистов и просветителей, пронизывающие значительную часть французской литературы XVIII века, посвящённой восточным странам – Индии, Китаю, Турции, Персии – и Африке (часть событий вольтеровского «Кандида» разворачивается, например, в Марокко), немало способствовали формированию социальных и политических концепций нового времени. Они не столько показывали модели идеального социального устройства, обеспечивающего свободу человеческой личности, сколько с помощью «восточного колорита» осуществляли гротескное отстранение французской действительности.

Колониальная экспансия, интенсивно начавшаяся после Французской революции 1789 года, повлекла за собой возникновение новых тем в литературе, пробуждение не столько экзотического, сколько делового интереса к новым странам и континентам. Военная экспедиция и захват Алжира в 1830 году надолго сосредоточили североафриканскую тематику во французской литературе вокруг Алжира. Но франко-марокканская война 1844 года вновь пробудила интерес к Марокко – сухопутные и морские подвиги графа Жуанвиля, командовавшего французской армией, прославлялись в стихах и поэмах. Такие писатели, как Ш. Дидье, Г. Рей и А. Дюма, пишут рассказы о путешествии в Марокко, изобилующие зарисовками местного быта и нравов.

В 1844 году Ш. Дидье издаёт роман «Доблестный Робэр», действие которого происходит в Танжере. Там наряду с вы-

мышленными эпизодами о романтических приключениях попавшего в плен французского офицера воссоздана точными реалистическими штрихами картина жизни приморского города-крепости.

Воспоминания о «прекрасных юных марокканках», сохранённые другим французским офицером, легли в основу одноимённого водевиля, написанного Конэляком, который пользовался большим успехом в Париже. Первые робкие шаги европейских поселенцев в Марокко запечатлены Ш. Ирьяртом в журнальных корреспонденциях 1859-1863 гг. под общим названием «Жизнь в походных шатрах». «Драма в пустыне» Л. Бейнэ, «Подвиги французского офицера» А. Пикатье, «Головорез» Л. Нуара, написанные уже в 70-е годы, в романной форме с острыми сюжетными коллизиями и экзотическим фоном создают картины той же действительности, стремясь вызвать у читателя ощущение не только тайны, но и опасности, на каждом шагу подстерегающей попавших в Марокко европейцев.

В 80-е годы XIX века были опубликованы различного рода мемуары и наблюдения дипломатов и военных, миссии которых участились в Марокко. Среди наиболее известных – «Посольство в Марокко» Г. Шарма (1887 г.) и записки капитана М. Кампу «Гибнущая империя» (1886 г.). Однако, несмотря на обилие в них документально точных сведений о военном и политическом положении в стране, не они, а повесть П. Лоти «В Марокко» (опубликована в 1890 г.) о его путешествии в Фес вместе с французским послом вызвала бурный интерес французских читателей. Присущая П. Лоти, тогда уже широко известному автору «восточных романов», тяга к экзотизму не могла умалить силы художественного воздействия повести, которая и по сей день остается одним из оригинальных импрессионистических свидетельств европейца о стране, представшей его взору полной контрастов, в ярких – без полутонов – красках, в картинах живых и типичных, с остро подмеченными в них штрихами национальной самобытности. «Книгой с цветными картинками» назвали впечатления П. Лоти современники, подчеркнув тем самым и их иллюстративную, и их познавательную сторону

Вслед за миссиями дипломатов и военных на протяжении нескольких десятилетий Франция посылала в Марокко врачей, географов, натуралистов и других учёных, так или иначе содействовавших подготовке колониальной экспансии. Научная литература о Марокко расцветает во Франции именно в этот период, в последней трети XIX – начале XX века, когда появляются труды по географии, природной среде, полезных ископаемым, этнографии, детальные исследования тех регионов страны, которые ранее были труднодоступными.

Проникновение шло на всех уровнях, и Франция, прежде чем завоевать Марокко в 1912 году, уже располагала обширными сведениями о нём. Сам захват был красочно описан в дневниках военных и статьях журналистов, опубликованных в изобилии во французской прессе этого периода. «Наши воины в Марокко» (1912 г.) Э. Нолли, «Стройными колоннами в Марокко» (1912 г.) П. Хората – это примеры своеобразных портретов тех, кто «усмирял» страну, выполненных свидетелями или участниками событий порой прямо на поле боя. В многочисленных очерках Бурдона, Кана, Азана, Корне, Ботта, Дюгара и других профессиональных журналистов того времени – эпизоды войны, способы её ведения, рассказы очевидцев, воссоздающие атмосферу победного угара тех, кто действительно считал колониальный захват «усмирением диких племён», необходимым шагом для исполнения цивилизаторской миссии Франции.

Практически не прекращавшееся в стране сопротивление этих племён вплоть до жестокого подавления восстания в горах Атласа (вошедшего в историю как Революция в Рифе) в 1925 году так или иначе находило освещение в прессе, в небольших отдельных публикациях свидетелей и очевидцев событий, поражённых упорством и отчаянной храбростью тех, кто пытался противостоять мощной армии европейцев, уже прочно стоявших на чужой земле (в том числе и испан-

цев и португальцев, поделивших вместе с французами Марокко). Маршал Лиотэ – «усмиритель Марокко», вдохновлённый успехами своей армии, издал мемуары «Боевые слова» (1925 г.), где без прикрас рассказал о жесточайших методах ведения колониальной войны и истинных целях колонизации.

Сразу же после победы в Марокко из Франции хлынул поток туристов, среди которых были не только те, кто присматривал себе участок земли, но и те, кто ехал с чисто познавательными целями. Доступ в «протекторат» теперь был практически свободным для всех французов. Среди туристов, неоднократно посещавших страну и записавших свои впечатления, были такие писатели, как А. Шеврийон, автор уже известной книги «Сумерки ислама» (1905 г.), написанной им как «мелодическая меланхолия» о «закате» мусульманской цивилизации в целом. На сей раз он создал литературный пейзаж одного из древнейших и красивейших городов Марокко – «Марракеш под пальмами» (1919 г.). В этом же духе – «живописных впечатлений» о стране, навеянных в немалой степени П. Лоти, – созданы воспоминания мадам Лашарьер «По дорогам Марокко». Братья Таро, одни из первых лауреатов Гонкуровской премии, неоднократно посещали Рабат, Марракеш и Фес – три главных города Марокко (политическую, экономическую и религиозную его столицы). Они создали своеобразный нравоописательный триптих, где этнографическая тщательность и романтический вымысел соседствуют в довольно увлекательном повествовании, вызывавшем интерес к стране в гораздо большей мере, чем все многочисленные «научные» сообщения о ней той поры: «Рабат, или Марокканские часы» (1920 г.), «Марракеш, или Сеньоры Атласа» (1921 г.) и «Фес, или Буржуазия ислама» (1929 г.)[5].

В Париже издавались многочисленные небольшие книжечки рассказов о путешествиях в Марокко. Они содержали зарисовки разнообразных уголков страны, отдельных эпизодов её истории, иногда исполненные поэтического мироощущения, рождённого красотой марокканских пейзажей («На берегу Бу-Регрега» Рабба, «Новое Марокко» Теллиса, «Месяц в Марокко» Селярье, «В Магрибе среди цветов» Барту, «Имперские города» Барбе, «Багряный Марракеш» Нанси и Жорэра и многие другие, изданные с 1915 по 1930 г.). В это же время появляется огромное количество различных путеводителей, справочной литературы, альбомов с рисунками и фотографиями. Среди тех французов, кто, путешествуя, подолгу жил в Марокко, были литераторы, оставившие свои воспоминания, отличающиеся пристальными наблюдениями и основательным знанием марокканских городов: «В стране парадоксов» Т. де Люнеля, «Сентиментальное путешествие по Рабату» Р. Борьё, «Маленькое Марокко» А. Метерье, изданные в 20-е годы.

Выход в свет двух романов о жизни марокканских евреев – одного из этнических меньшинств страны, существовавших в Северной Африке ещё до прихода сюда арабов, – «Раввин» Р. Рандо и С. Леви и «Завоеватель» Э. Нолли (1913 г.) – ознаменовали начало «расслоения» в общей массе колониальной продукции на французском языке. Усилия писателей будут отныне сосредоточены на двух направлениях – или преимущественного воссоздания жизни «аборигенов», или жизни европейских поселенцев в Северной Африке.

Среди произведений второго типа – «Новые люди» К. Фаррера (1922 г.), «Новый город» М. Фраже (1925 г.), «Шакалы, идущие по следу солдат» Р. Пеллетье (1925 г.), «Охотники» М. Геллера (1927 г.). В этих романах авторами сделана попытка воссоздания тех специфических черт жизни, которые были обретены французами в их марокканском опыте. Они рассмотрены писателями как признаки возникающей здесь «новой нации» колонистов. Менее целенаправленные, но также дающие представления об образе жизни европейских поселенцев в Марокко, возникают одна за другой книги рассказов К. Лорриса («Пламень цветущих деревьев Марокко», 1921 г.), Э. Кейзера («Барака», 1923 г.), Ж. Вьолиса («Прелести Феса»,

1923 г.), Ж. Рено («Лохмотья славы», 1925 г.), Ж. Картона («Ренегат», 1929 г.), М. Идрака («Танцовщица из отеля “Марокко”», 1930 г.) и др. Подавление рифского восстания было отражено в написанных в 1927–1928 гг. повестях «Их драма» Л. Курбье, «Умершие под солнцем» Ж. Фонтельруа, «Под синим бурнусом» Ж. Невиля, «Девушка из Рифа» Элиссы Раис.

У французских литераторов были попытки создания и исторических романов, в которых главными действующими лицами становились марокканские султаны и полководцы, прославившие Марокко своими подвигами. Жизни Эль Мансура посвящен роман Л. Гро (1928 г.); А. Демэзона, М. Дюрана и Г. Селярье занимали эпизоды отражения испанских набегов на Марокко. Однако эти ориентиры не приближали писателей к изображению местной среды и жизни самих марокканцев – наоборот, ещё больше удаляли, уводя в дебри истории, знания о которой были почерпнуты в основном из бытовавших в Марокко легенд и преданий. Но необходимость более глубокого и тесного знакомства со страной, видимо, объективно присутствовала и в политике, и в культуре метрополии. И именно художники, писатели, как полагали иные идеологи колониализма, могли стать проводниками её, способными подобрать «ключи к душе» тех, кого надо было «постигнуть», чтобы «ещё лучше управлять ими», чтобы «колонизованные народы» не оставались загадкой, но были открыты изнутри, чтобы и сами стали «послушны и доверчивы», увидев, как европейцы терпеливо изучают их жизнь[6].

Образцы такого рода литературы, изучающей и постигающей «аборигенное» существование, не без любопытства и тщательности воспроизводящей нравы, верования, особенности психологии местного населения (в основном берберов), были представлены творчеством Мориса Ле Глея. Он написал в период с середины 20-х по 1930 г. целый ряд художественных произведений, ставших для французов своеобразным «учебником» по берберскому Марокко: «Марокканские рассказы долин и гор», «Бадда – берберская дочь», «Пастухи», «Дороги войны и любви» и др. Немалой заслугой Ле Глея, хотя и значительно романтизировавшего в целом суровую и нищую жизнь берберских племен, было то, что он владел рядом местных диалектов, подолгу жил и в горных деревнях, и в оазисах пустыни. Он не понаслышке знал жизнь тех, кто составлял значительную часть населения марокканской земли, столь привлекательной для европейцев. Поэтому в Ле Глее можно видеть зачинателя той тенденции, которая по-своему разовьётся и в национальной литературе Марокко, обратившейся поначалу к «этнографическому» бытописанию как способу утверждения национального «присутствия» в современном искусстве. Этот «исток» можно увидеть и в творчестве Элиссы Раис (с одинаковым интересом писавшей и об Алжире, и о Марокко), скрупулёзно исследовавшей быт и нравы другого местного этнического пласта – еврейского – и посвятившей Марокко такие свои романы, как «Керкеб» и «Саада, марокканка», написанные в конце 20-х годов.

Характерны для колониальной литературы попытки проникновения в среду, наиболее закрытую в мусульманском обществе, – женскую, – предпринятые некоторыми писательницами. Они привели к созданию сборников занимательных рассказов из жизни марокканских женщин, любовных романов, воссоздающих марокканский «интерьер», например, мадам А.Р. Лено: «Приоткрытый гарем» (1921 г.), «За старыми стенами» (1923 г.), «Старинные приключения Агиды» (1925 г.); мадам М. Пеллегрэн: «Дом, где живет Хабиба» (1923 г.); мадам Селярье: «Марокканская любовь» (1927 г.).

В этот же период в целях «постижения души аборигенов» (что немало развивало и научный интерес) идёт собирание марокканского фольклора, обработка записанных собирателями сказок, легенд, преданий. На основе такого собирательства Г. Дервиль совместно с тунисцем Тахаром Эссафи стилизует в народном духе рассказы своего сборника «Изумрудные крыши» (1924 г.), поло-

жив в основу берберские легенды и предания.

Среди непрофессиональных литераторов, обратившихся к изучению берберских народов и запечатлевших их в беллетризованной форме, был офицер французской армии Р. Тортра. Он под псевдонимом Рене Мор («Мавр») издал книгу «Властелин духов» (1925 г.), рисующую идеалы воинской доблести, законы чести, нравы марокканских горцев и их представления о мире.

В колониальной литературе этого периода есть и образцы небеллетризованных записей марокканского фольклора, но претендующие на «авторский пересказ» (в отличие от чисто документальных или необработанных записей фольклористов-исследователей). Среди них «Зелёный стяг» (1926 г.) – сюита волшебных сказок, принадлежащая перу Редана де Триэра.

Романы в духе М. Ле Глея, по-своему преодолевающие чистый экзотизм и исполненные достаточно метких наблюдений и зарисовок местной среды, в конце 20-х годов пишут П. Мармон («Девушка с юга», 1927 г.), Р. Элож («Девушка из тени», 1929 г.), П. Жоэр («В самом сердце страны Барбарии», 1927 г.). Ещё в основном располагающаяся в русле литературы, «путешествующей» по Марокко, но уже не поверхностно-туристической с тенденцией экзотизации, а с ориентацией на более пристальное знакомство со страной, колониальная литература не только отражала объективный интерес метрополии. Она способствовала укреплению определённого внимания и вкуса к «восточной тематике» во французской литературе, а также зафиксировала «внутреннюю» потребность литературы к отражению подлинной жизни страны и её проблем, становившихся самостоятельным объектом художественного творчества.

Тенденции «расслоения» в колониальной литературе и образование в ней того слоя, который постепенно будет вытесняться и замещаться творчеством собственно марокканских франкоязычных писателей, наиболее ярко выражены в произведениях Франсуа Бонжана (1884–1963). Этот автор, прожив бóльшую часть жизни в Марокко и посвятив себя «в свидетели исламской цивилизации», стал типичным представителем тех французских колониальных писателей, которые искренне и честно пытались не только найти тесный контакт с местным населением, но и активно содействовать просветительству, делу образования, помочь избавлению народа от нищеты, невежества, отсталости, в то же время уважая идущую из глубины веков традицию, обычаи и нравы тех, на чьей земле теперь жили французы. Ф. Бонжан, будучи профессором французской литературы и языка, начиная с 1919 года подолгу преподавал в таких странах, как Египет, Сирия, Индия, Алжир, но избрал Марокко и Рабат своим последним «прибежищем». Там он жил постоянно с 1946 года, женившись на мусульманке, что само по себе было явлением редким в среде европейских поселенцев в Северной Африке.

Все художественные произведения Ф. Бонжана (который является также и автором различных эссе, научных книг и исследований) так или иначе связаны с отражением жизни тех стран, в которых он работал: «История египетского мальчика» (1924 г.), «Аль-Азхар» (1927 г.) и др. Но романы «Исповедь ночной красавицы» (1924 г.), «Любовь королевы Изы» (1947 г.) посвящены специально Марокко, как и книга поэтических раздумий «Марокко из окна кибитки» (1950 г.), а также поэтические стилизации в духе народных песен «Птица жёлтая и птица зелёная» (1952 г.).

Даже самые строгие магрибинские критики колониальной литературы, справедливо упрекающие её в поверхностном экзотизме или патронажной снисходительности к местному «окружению», не могли не отметить прекрасное знание Бонжаном не только обычаев и нравов магрибинцев (и марокканцев в частности), но и отсутствие в его книгах всякого налета сентиментальности или фальшивого психологизма в изображении «жизни сердца» мусульманки, мастерски, с точки зрения даже таких «придирчивых» магрибинскпх писателей, как марокканец

Шрайби или тунисец Мемми[7], запечатлённой Бонжаном в его романе «Исповедь ночной красавицы». Обладая несомненным даром проникновения в суть национальной специфики жизни, пониманием смысла религиозных ритуалов, запретов, предписаний, наделённый способностью показа не загадочной «непроницаемости» или только полной непохожести марокканцев на европейцев, по именно их схожести – общечеловеческой – во всех основных и главных жизненных проявлениях, Бонжан привлекал к себе многочисленных читателей и учеников именно гуманистическим характером своих целей, хотя, конечно, ещё во многом осуществлённых в рамках сложившихся в колониальной литературе жанров, сужавших так или иначе представления о марокканской действительности.

Рамки эти постепенно начали раздвигаться самими марокканцами, пытавшимися попробовать свои собственные силы в литературном творчестве. Так, ещё в 20-е годы стало известно имя Беи Шерифа, автора повести «Ахмед бен Мустафа, погонщик мулов». В ней хотя и соблюдались ещё традиции «увлекательного» для европейцев чтения истории из жизни «аборигенов», но уже чувствовалось точное владение местным материалом, доскональное знание речевых особенностей представителей низших слоев общества, отдельных элементов сугубо национального ремесла и т. п. Проходя школу ученичества у колониальных писателей, первые марокканские литераторы вносили в уже сложившийся жанр тот особенный, «внутренний» колорит своей страны, который не всегда удавалось постигнуть и передать писателям-французам.

Кроме того, марокканцы начали исподволь вводить в литературу на французском языке те темы, которые по разным причинам оказались недоступными творчеству колониальных писателей, в том числе и по причине естественного «неощущения» значимости и важности той или иной проблематики представителями европейского населения страны, но для национальных художников ставшими сущностно важными.

Первые опыты марокканских франкоязычных писателей были немногочисленными, не представляли литературного движения и не определяли ещё лица новой национальной литературы, которой суждено было оформиться лишь в годы подъёма национально-освободительного движения. Так, в 1929 году появилась пьеса «Хитрость человека», написанная Си Каддуром бен Габритом и отмеченная Большим призом Марокко. Пьеса представляла собой комедию нравов, в которой изображалась «со знанием дела» жизнь фесских торговцев, нравы среды, разыгрывались колоритные сценки, в которых отражался характер представителей разных слоёв марокканского общества. В 1931 году вышел сборник сказок, обработанных этим же писателем, а в 1936 году он написал новую пьесу «Шериф, или Сентиментальная полигамия», в которой призывал марокканских девушек «сбросить чадру» и идти учиться.

Примеру Си Каддура бен Габрита последовал Тахар Абду. В драме «Когда опускается ночь» (с подзаголовком «От традиции к эволюции») он высмеивал старые привычки и суеверия, призывал народ к образованию и «познанию нового мира»[8].

Но основной корпус франкоязычной литературы Марокко начал складываться в конце 40-х – начале 50-х годов, в период наибольших политических и социальных волнений в стране, подготовивших последний этап борьбы за независимость. С выходом в свет в конце 1949 года сборника рассказов Ахмеда Сефриуйи «Янтарные чётки» критики стали писать о «первых цветах» подлинно национальной литературы.

В условиях бурного подъёма в стране политической жизни, роста патриотических настроений в художественной литературе и публицистике публикация книги Тайеба Джемри «Бег к звезде» была явлением, стоящим «в стороне» от основных задач национальной словесности, не поддержанным ни марокканскими литераторами, ни критикой. В своём романе Джемри выступал защитником колониализма, призванного, по мнению автора, «усмирять» мятежных горцев, нести цивилизацию в широко распахнутые двери «марок-

канского гостеприимства», дух которого порочат «повстанцы» и «бунтари», требующие изгнания «французского гостя». Появление же в 1954 году вызвавшего острые дискуссии романа Дриса Шрайби «Простое прошедшее», о котором я уже сказала выше, показало, что в литературе Марокко появился яркий талант, способный в дальнейшем определить основную тенденцию её развития.

Первые годы после провозглашения независимости (1956 г.) характеризовались приходом в литературу большого числа молодых поэтов – А. Мухаммеда, М. Хайреддина, М. Ниссабури, К. Зебди и многих других, публиковавших свои произведения на страницах марокканских газет и журналов. Заметным явлением стало поэтическое творчество марокканского философа М.А. Лахбаби, опубликовавшего свои «Песни надежды» ещё в 1951 году[9].

Наряду с возросшим вниманием к поэзии 50–60-е годы характерны также появлением, после значительного перерыва, драматургических произведений публицистического плана, где коллизии возникают не в столкновении характеров, а в противопоставлении различных политических взглядов и ситуаций. Примером этого могут служить появившиеся в 1961–1963 гг. радиопьесы Фарида Фариса (настоящее имя писателя – Бельхашми Ахмед). В их числе «Крепость из песка», в которой поднимается значительная для магрибинской литературы тема смешанного брака, когда проблема женитьбы правоверного мусульманина на девушке европейского происхождения создаёт трудности не только социальные, психологические, но даже и политические.

Интенсивное развитие приобрели прозаические жанры. Абделькадер Бель Хашми в своём романе в письмах «Турайя» затрагивает сложный вопрос, волнующий многих магрибинцев, – о взаимосвязи двух различных культур (мусульманской и европейской) и о соотношении прошлого с настоящим. Он рассматривает этот вопрос в узком плане, ограничиваясь характеристикой семейных взаимосвязей представителей крупной касабланкской буржуазии. «Тем, кого архаические традиции мучают, а модернизм дезориентирует» – такое посвящение предпослал автор своему роману.

Как можно отметить, ранняя франкоязычная марокканская проза затрагивала самые разнообразные темы, но характерным общим признаком, особенно на первых порах, было влияние берберского и арабского фольклора. В литературных произведениях использовались традиционно-фольклорные средства художественного изображения, в ткань повествования вплетались народные поговорки, изречения, метафоры. Нередко стилизовались под «сказочные» или «легендарные» различные сюжеты, и некоторые марокканские писатели, как, например, Шибани и особенно Бенашэнху, обращались к жанру авторской сказки. Традиционная форма помогала выразить в просветительских целях простые житейские истины и опыт, накопленный предшествующими поколениями. Преемственность заключалась не только в том, что в сказках, написанных или обработанных авторами, действующие лица часто одни и те же, что и в сказках, созданных народом, но и в их идейной общности, подчинённой обязательному условию – показу торжества добра над злом, мудрости над глупостью, добродетели над пороком.

«Сборник марокканских рассказов и сказок», принадлежащий перу Бенашэнху, стал важным этапом в процессе становления новой национальной культуры, когда бережное отношение к народному творчеству, стремление поведать о традиционном миросозерцании своего народа являлось и одним из действенных средств пробуждения национального сознания, и одной из форм закрепления самосознания новой литературы, развивавшейся на французском языке в недрах колониальной культуры.

Воздействие фольклорной традиции заметно в творчестве одного из первых крупных марокканских прозаиков – Ахмеда Сефриуйи, который уже в 1949 году отметил возникновение одного из важных полюсов, где была по-своему романтизирована самобытность страны, в то время как на другом уже созревала резкая социально-критиче-

ская тенденция отражения реальности. Принадлежа к разным поколениям и направлениям, писатели, каждый по-своему, включились в литературное творчество, описывая в нём абсолютно разные стороны марокканской действительности.

В «Янтарных чётках» Сефриуйи* четырнадцать «бусинок» рассказов образуют однородную композицию, в которой переплетено реальное и фантастическое, воспоминания детства и предания далекой старины, сказки странников и грёзы ребенка. Там темы и образы близки народным верованиям и представлениям, заимствованным порой из бытующих в народе легенд, характерно преобладание романтического восприятия окружающей действительности, особая, эмоционально-приподнятая стилистика, ориентированная не столько на воспроизведение конкретно-исторических реалий и примет, сколько на воссоздание специфики быта и характера марокканцев. Но уже в творчестве Д. Шрайби (1926–2007) и последовавших за ним таких могучих прозаиков, как Т. Бенджеллун (лауреат Гонкуровской премии), А. Катиби, М. Хайреддин, А. Серхан, А. Лааби, пришедших в литературу в 60–70–80-х гг., а позднее, уже в произведениях женщин-марокканок 1990-х и начала 2000-х гг. (таких, как Б. Суад, Х. Бусседжды, С. Беншекруи, М. Уфкир, М. Гессус и др.)[10] – очевидное социально-критическое, социально-психологическое, подчеркнуто реалистическое осмысление наследия колониального прошлого, результатов национально-освободительной борьбы и гнёта собственных традиций, ещё исполненных проблем, несовместимых с концептами независимости и прогресса.

Можно только удивляться, что, несмотря на эмиграционные тенденции, в эпоху усиления повсюду в Магрибе и на Ближнем Востоке тенденций политического исламизма, в Марокко ещё продолжают писать по-французски[11]. Творцы следуют заветам великих гуманистов эпохи европейского Просвещения и выращивают свой сад – своих надежд (а иногда и иллюзий), связанных с желанием «очистить» страну от «угнетения Прошлого», находя в Настоящем ростки Свободы и мечтая о Будущем, как о жизни «очистившейся», подобно марокканскому Агадиру[12] после землетрясения, когда на руинах старого возникнет мир, озарённый лишь Солнцем Рассвета.

* В Сахаре, которая, как считают, была когда-то дном моря, до сих пор находят минералы, называемые здесь «амброй» и похожие на янтарь.

Примечания

[1] О творчестве этого писателя см. подробно нашу работу «Дрис Шрайби, или Новое время в литературе Марокко». М.: Наука, 1986.

[2] Из ранних работ: «Современная литература Марокко и Туниса». М.: Высшая школа, 1968; «Франкоязычная литература стран Магриба». М., 1973; «Магриб: франкоязычные писатели 60–70 гг.». М., 1982 и др. Из последних работ: «Марокканский ноктюрн». М., 2015.

[3] Подробно о процессе эволюции литературного процесса в Марокко в постколониальную эпоху см. в коллективном труде «История национальных литератур стран Магриба» (в 3-х томах: Алжир. Марокко. Тунис. Отв. ред. С.В. Прожогина). М.: Наука, 1993.

[4] Эти и другие нижеследующие примеры почерпнуты из книги: *Lebel R.* Histoire de la littérature coloniale en France. P., 1930.

[5] Фрагменты перевода на русский язык этой трилогии братьев Таро и её анализ см. в нашей работе «Марокканский ноктюрн». М., 2015.

[6] *Lebel R.* Histoire de la littérature coloniale en France. P. 120.

[7] См. в созданной *A. Memmi* «Antologie des écrivains français du Maghreb. P., 1969. P. 69.

[8] В целом, драматургия на французском языке в Марокко в дальнейшем не получила особого развития в силу абсолютного преобладания в стране арабо- и бербероязычной публики, посещающей театры в постколониальную эпоху, когда, как и повсюду в Магрибе, торжествует политика «тотальной арабизации» культуры.

[9] О творчестве философа и поэта Мохаммеда Азиза Лахбаби см. подробно в нашей главе «Поэзия на французском языке» в т. «Марокко» в «Истории национальных литератур стран Магриба». М., 1993.

[10] Анализ творчества всех этих особо отмеченных нами марокканских писателей, авторов многочисленных романов и повестей, завоевав-

ших престижные литературные премии Европы и стран арабского мира, см. в наших трудах, изданных под грифом ИВ РАН (с 1973 по 2018 г.) и Института Африки РАН (в серии гендерных исследований совместно с Н.Л. Крыловой с 2012 по 2016 г.), где приведена и обширная библиография французских работ о литературе Магриба.

[11] Только в одном из последних сборников марокканских новелл, изданных одновременно в Рабате и Париже французским ученым Г. Жобэном с предисловием марокканского профессора К. Бухари, уже почти два десятка новых имен, среди которых немало и женских, что особенно важно для монархической мусульманской страны с официальным языком – арабским (см.: Nouvelles narocaines. Rabat – Paris, 2013. 192 p.)

[12] Так, по имени этого города, называется один из романов замечательного марокканского писателя М. Хайреддина (*Khair-Eddin M.* Agadir. P., 1967), где автор ведёт свой метафорический диалог времён и эпох, делая образ пострадавшего на его глазах от природного катаклизма Агадира символом необходимости и неизбежности общественно-политических перемен.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: advasilyev@mail.ru

ЗАГОРОДНИКОВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tnzag@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КУЗЬМИН Сергей Львович – доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ipe51@yahoo.com

МОЛЛЕРОВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований при правительстве Тувы (г. Кызыл). E-mail: nigorbunov@mail.ru

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия. E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de